

*К 80-летию С.А. Арутюнова*

# ВЕХИ НА МЫСАХ

*Сборник статей*









# LANDMARKS ON THE CAPES

*Papers in Honor of Sergei A. Arutyunov on His 80th Birthday*



# **ВЕХИ НА МЫСАХ**

*К 80-летию члена-корреспондента РАН С.А. Арутюнова*

*Сборник статей*

Министерство культуры Российской Федерации  
Государственный музей Востока

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета  
Государственного музея Востока*

*Ответственные редакторы* М.М. Бронштейн, И.И. Крупник

*Рецензенты* Е.П. Батьянова, к.и.н., Л.С. Богословская, д.б.н., А.Б. Савинецкий, д.б.н.

*Художники* С.А. Богословский, Н.С. Сурвилло

*Фотографы* А.Ю. Вахрушев, К.А. Днепровский, Е.И. Желтов,

Н.В. Лопатин, О.А. Сухарева

*Дизайн и верстка* О.И. Бойко

*Корректор* С.В. Лапина

## **Вехи на мысах**

*К 80-летию члена-корреспондента РАН С.А. Арутюнова*

*Сборник статей*

Сборник приурочен к юбилею члена-корреспондента РАН С.А. Арутюнова, известного этнолога, историка культуры, археолога, и включает 14 статей по проблемам истории и культуры народов Северо-Восточной Азии, региона, где Сергей Александрович проработал более полувека. Авторы сборника – сотрудники Музея Востока, других российских и зарубежных исследовательских центров – обращаются к материальной и духовной культуре древних обитателей Чукотки, их уникальному изобразительному искусству, исследуют пути древних миграций, приводят новые данные о языках, традиционной культуре и современном положении эскимосов и чукчей. Ряд статей посвящен истории и методике изучения культуры народов Крайнего Севера. Большинство материалов, представленных в сборнике, могут рассматриваться в той или иной степени как продолжение исследований, начатых С.А. Арутюновым и его коллегами в 1950–1960-е годы.

ISBN 978-5-903417-33-9



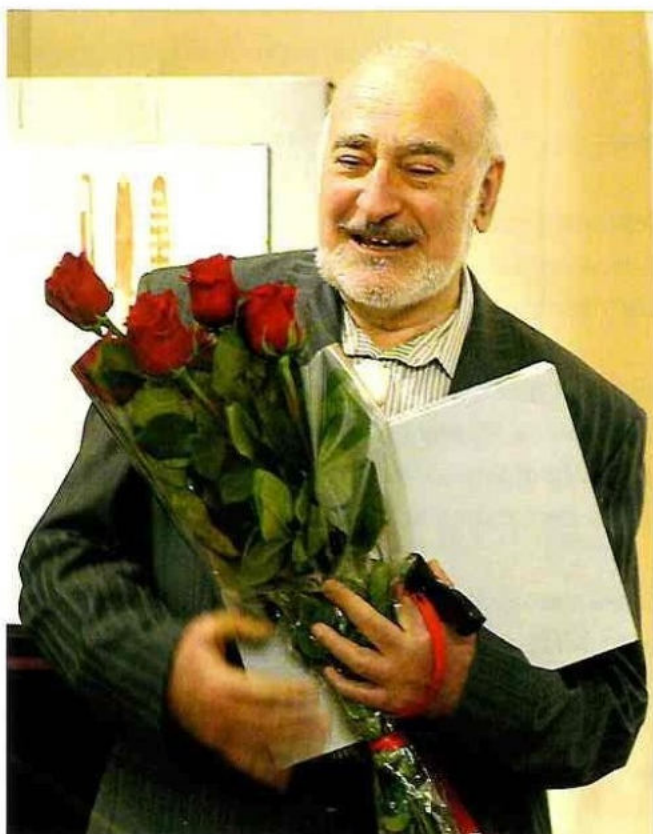
## Содержание

<i>А.В. Седов. Юбилей ученого</i>	6
<i>М.М. Бронштейн, И.И. Крупник. Сергей Арутюнов: научный портрет в интерьере эскимологии (вместо предисловия)</i>	8
<i>М.М. Бронштейн, К.А. Днепровский. Эквен: история изучения (1961-2011)</i>	20
<i>Е.А. Михайлова. Погребения ничком на Уэленском могильнике Чукотки</i>	32
<i>Е.С. Сухорукова. Эволюция древнеберингоморского орнамента и приемы его цветового акцентирования</i>	42
<i>К.А. Днепровский, Н.В. Лопатин. Методика исследования поселений в условиях вечной мерзлоты (по материалам древнеэскимосских памятников Чукотки Эквена и Пайпельгака)</i>	52
<i>Н.В. Лопатин. О древнеэскимосском гончарстве (по материалам поселения Пайпельгак)</i>	60
<i>М.А. Членов, И.И. Крупник. «Новая земля»: история последней миграции азиатских эскимосов (1920—1935)</i>	70
<i>Н.Б. Вахтин. Материалы Е.С. Рубцовой по эскимосскому языку</i>	84
<i>А.К. Нефёдкин. Чукотская война на море (середина XVII — середина XIX века)</i>	96
<i>З.В. Венстен-Тагрина. О реконструкции семейной шаманской песенной церемонии чукчей (на примере праздника «Мн'эгыргын»)</i>	104
<i>П. Плюме. Колонизация Севера в контексте всемирной истории</i>	114
<i>Ш. Венстен. Из моего дневника: Чукотка (1993—1999)</i>	130
Приложение	
<i>Ш. Венстен. Культовая шаманская терминология, обряды, заговоры, празднования</i>	142
Список основных трудов С.А. Арутюнова о культурах народов Чукотки и Арктики (1961—2011)	172
Сведения об авторах	176

## Table of Contents

<i>A.V. Sedov. A Scientist's Milestone</i>	6
<i>M.M. Bronshtein and I. Krupnik. Sergei Arutyunov: Scholarly Portrait in the Backdrop of Eskimology (in lieu of Introduction)</i>	8
<i>M.M. Bronshtein and K.A. Dneprovsky. The Ekven Site: History of Research and Excavations (1960—2011)</i>	20
<i>E.A. Mikhailova. 'Face down' Burials at the Uelen Burial Ground in Chukotka</i>	32
<i>E.S. Sukhorukova. The Evolution of the Old Bering Sea Ornamentation Styles and the Techniques of its Color Accentuation</i>	42
<i>K.A. Dneprovsky and N.V. Lopatin. Methodology of Surveying Archaeological Sites in the Permafrost Condition (based upon the Ekven and Paypelgak ancient Eskimo sites in Chukotka)</i>	52
<i>N.V. Lopatin. Ancient Eskimo Pottery-Making, as seen from the Paypelgak Site</i>	60
<i>M.A. Chlenov and I. Krupnik. The "New Land": To the History of the Last Migration of the Yupik/Asiatic Eskimo, 1920—1935</i>	70
<i>N.B. Vakhtin. Ekaterina S. Rubtsova's Collections on the Yupik (Eskimo) Language</i>	84
<i>A.K. Nefyodkin. Chukchi Maritime Warfare: mid-1600s to mid-1800s</i>	96
<i>Z.V. Weinstein-Tagrina. To the Reconstruction of the Chukchi Family Shaman Singing Performance during the Mn'egyrgyn Ritual Ceremony</i>	104
<i>P. Plumet. Colonization of the North in the Context of World History</i>	114
<i>Ch. Weinstein. Excerpts from My Diary: Chukotka, 1993—1999</i>	130
<i>Appendix: Ch. Weinstein. Chukchi Shaman Terminology, Rituals, Charms, and Festivals</i>	142
Volume Contributors	172
Summary	178





## Юбилей ученого

*С.А. Арутюнов на открытии выставки  
«Мир арктических зверобоев»  
в Государственном музее Востока. 2007 г.*

Долгие годы дружбы и совместной работы связывают сотрудников Государственного музея Востока с членом-корреспондентом РАН, одним из ведущих отечественных этнологов и археологов Сергеем Александровичем Арутюновым. В 1970-х гг. он стал членом Ученого совета музея. С 1980-х гг. на Чукотке работает Чукотская археологическая экспедиция Музея Востока, продолжающая раскопки, которые на протяжении многих лет вели С.А. Арутюнов и его коллеги. С 1990-х гг. в нашей постоянной экспозиции демонстрируются уникальные произведения древнеэскимосского косторезного искусства, переданные музею Сергеем Александровичем.

В отечественном востоковедении научно-исследовательская деятельность С.А. Арутюнова занимает особое место. Трудно найти ученого, который мог бы сравниться с ним по широте интересов, глубине знаний, интуиции. Тонкий знаток японского языка и традиционной культуры Страны восходящего солнца, один из лучших специалистов по культуре кавказских народов, возглавляющий на протяжении многих лет отдел Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, Сергей Александрович с 1958 г. постоянно обращается к изучению ареала, казалось бы, бесконечно далекого от Кавказских гор и Восточной Азии. Этот ареал расположен на Крайнем Севере, на побережье Берингова пролива. Здесь, «на стыке Чукотки и Аляски», на перекрестке двух континентов — Азии и Америки — около четырех тысяч лет назад сформировалась уникальная культура морских арктических зверобоев. Вместе с М.Г. Левиным и Д.А. Сергеевым, первооткрывателями крупнейших памятников культуры азиатских эскимосов — Уэленского и Эквенского могильников, — Сергей Александрович проводил в окрестностях мы-



са Дежнева археологические раскопки, участвовал в первых исследованиях знаменитой Китовой аллеи, долгое время был научным руководителем Чукотской археологической экспедиции Музея Востока. С.А. Арутюнов — автор трех монографий о древних эскимосах Берингова пролива, ему принадлежат десятки статей на русском, английском, французском, немецком языках об этих мужественных и талантливых людях, культура которых сопоставима с одной из древнейших культур в истории человечества — с культурой палеолитических охотников на мамонтов.

Наш сборник приурочен к нескольким круглым датам. В этом году Сергею Александровичу Арутюнову исполняется 80 лет, а еще относительно недавно мы отмечали два других юбилея. Один из них — 50 лет с начала научно-исследовательской деятельности С.А. Арутюнова на Чукотке; другой — 50-летие эквенских раскопок, исследований, которые во многом изменили принятые в науке представления о древней культуре азиатских эскимосов, об их ярком искусстве резьбы и гравировки по клыку моржа.

Не могу не назвать еще один юбилей, отмечаемый в 2012 г. — 25-летие Чукотской археологической экспедиции ГМВ. Ровно 25 лет назад, в июле 1987 г., Сергей Александрович впервые привез в Эквен археологов Музея Востока; ровно 25 лет назад в нашем музее началось формирование коллекции чукотских древностей, которая сегодня по праву считается одной из самых крупных в мире.

Настоящая книга — дань глубокого уважения С.А. Арутюнову, скромный вклад в то направление научных исследований, которым Сергей Александрович посвятил более полувека своей работы, своей жизни. Статьи, помещенные в сборнике, затрагивают различные проб-

лемы эскимологии. Здесь есть материалы по археологии, этнографии, языкознанию и фольклористике, причем не только эскимосов, но и их ближайших соседей — чукчей. Приятно отметить, что, наряду с сотрудниками Музея Востока, активное участие в подготовке этого издания приняли наши коллеги из других научно-исследовательских центров, как отечественных, так и зарубежных. Читатель найдет здесь статьи сотрудников Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, Института лингвистических исследований и Института археологии РАН, Арктического центра Смитсоновского института США, Квебекского университета (Монреаль, Канада) и т.д. Мы благодарны всем авторам сборника, художникам и фотографам, участвовавшим в проекте, глубоко признательны нашим многочисленным друзьям на Чукотке, без помощи которых не смогли бы вести полевые исследования в Арктике. Искреннюю благодарность мы также выражаем знатокам природы Чукотского полуострова, специалистам по традиционной культуре его коренных жителей, докторам биологических наук Л.С. Богословской и А.Б. Савинецкому, кандидату исторических наук Е.П. Батяновой, выступившим в роли рецензентов данного издания.

*А.В. Седов,  
генеральный директор  
Государственного музея Востока,  
доктор исторических наук*









М.М. Бронштейн, И.И. Крупник  
Государственный музей  
Востока (Москва),  
Смитсоновский институт,  
(Вашингтон, США)

## Сергей Арутюнов: научный портрет в интерьере ЭСКИМОЛОГИИ

*Вместо предисловия*

У всех, кому приходилось работать с С.А. Арутюновым, свой Арутюнов. «Свой» Арутюнов есть, безусловно, и у авторов этого очерка. Нас связывают с Сергеем Александровичем годы дружбы, совместные экспедиции и конференции, работа над книгами и статьями, десятилетия профессионального общения. Один из нас пятнадцать лет был коллегой С.А. Арутюнова по Институту этнографии АН СССР, другой четыре года его аспирантом. Эта книга выходит в свет, когда мы отмечаем 80-летие Сергея Александровича, но собирать для нее материалы мы начали в год, отстоящий ровно на 50 лет от его первого приезда на Чукотку (1958).

Название, выбранное нами для юбилейного сборника «Вехи на мысах», взято по аналогии с одноименной популярной статьей Арутюнова, опубликованной более тридцати лет назад в альманахе с символическим названием «Ветер странствий» [4]. «Вехи на мысах» — это белые столбы из челюстей кита, поставленные





Рис. 1. С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев на раскопках в Эквене. 1960-е гг.

когда-то предками эскимосов и чукчей вдоль побережья Чукотки в качестве навигационных ориентиров и для обозначения главных знаковых точек их культурного пространства. «Вехи на мысах» — это как бы и важнейшие символические точки в жизни человека, особенно если речь идет о научном пути ученого, пяти десятилетиях исследований, странствий и открытий.

С.А. Арутюнов впервые приехал на Чукотку летом 1958 года. Ему только что исполнилось 26 лет, он закончил аспирантуру и работал над кандидатской диссертацией о культуре Японии. На Чукотку Сергея Александровича привело желание участвовать в раскопках древнеэскимосских стоянок под руководством своего научного руководителя М.Г. Левина. Именно Левин взял Арутюнова на работу в Институт этнографии АН СССР, а затем

в первую в его жизни экспедицию на побережье Берингова пролива.

Для каждого из нас воспоминания о первом приезде на Чукотку незабываемы. Незабываемы они, по всей вероятности, и для Сергея Александровича. Небольшой археологической экспедиции Института этнографии пришлось добираться до Уэлена, поселка на северо-восточной оконечности Чукотского полуострова, сначала на поезде до Владивостока, потом пароходом до бухты Провидения. Заключительный участок пути, от Провидения до Уэлена, Левин и его спутники прошли вместе с местной командой на колхозном вельботе.

По пути вельбот заходил в главные прибрежные селения со специальными остановками в двух важнейших тогда эскимосских центрах — поселках Чаплино (*Ун'азик'*) на мысе Чаплина и Наукан (*Нывук'ак'*) на мысе Дежнева. Оба этих поселка были официально закрыты властями в том же 1958 г., и можно сказать, что для Сергея Арутюнова это был последний шанс увидеть эскимосскую жизнь до того, как она была окончательно преобразована «социалистической модернизацией». По рассказам Арутюнова, М.Г. Левин очень хотел посмотреть на эскимосов, знакомых ему по собственным обзорным публикациям [18], а также антропологическим описаниям Г.Ф. Дебеца [11]. В Чаплино Арутюнову было поручено фотографировать женщин с традиционной эскимосской татуировкой на лице. В 1959 и 1960 гг. Сергей Арутюнов вновь приезжает в Уэлен на раскопки Уэленского могильника, а с 1961 г. в 25 км к югу от Уэлена, в Эквенском урочище [17], начинается его вторая «чукотская экспедиция». Пройдут годы, и, отмечая свое 75-летие, С.А. Арутюнов назовет своим главным достижением в науке выводы, к которым он пришел, изучая находки из древних



памятников Чукотки — Уэленского и Эквенского могильников.

Наряду с археологами в раскопках Эквена участвовали коренные жители северо-восточной оконечности Чукотского полуострова — эскимосы и береговые чукчи. Их участие оказалось очень плодотворным. Знания, опыт, интуиция потомственных зверобоев, мореходов, резчиков по моржовому клыку часто оказывали незаменимую помощь участникам экспедиции в интерпретации древних находок.

Параллельно с изучением Эквена продолжалась работа над уэленскими материалами, и в 1969 г. С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев опубликовали монографию «Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник)» [6]. После «первопроходческой», по определению Арутюнова, монографии С.И. Руденко «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема» [20] это было первое крупное исследование на русском языке, посвященное древней приморской традиции, которая существовала в Беринговом проливе в начале новой эры.

В 1975 г., сразу после завершения раскопок в Эквене, вышла в свет вторая совместная монография С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева «Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник)» [7]. Уэленские и эквенские материалы фигурировали также в многочисленных статьях, написанных авторами совместно (в первые годы с участием М.Г. Левина), и в докладах на международных конгрессах антропологических и этнографических наук в Москве в 1964-м, Токио в 1968-м и в Чикаго в 1973 г.

Публикации Арутюнова и Сергеева 1960—1970-х гг. ввели в научный оборот обширные археологические материалы, которые блестяще подтвердили выводы С.И. Руденко о древней культуре морских

зверобоев Чукотки как органичной части общеэскимосской культурной традиции, распространявшейся также на побережье Аляски и о. Св. Лаврентия.

1960—1970-е гг. были удивительно продуктивными для археологического изучения Чукотки и всей северной части Тихого океана. Вместе с проводившимися в эти годы раскопками швейцарской экспедиции Х-Г. Банди на о. Св. Лаврентия, публикациями Н.Н. Дикова по Уэленскому и Чинийскому могильникам, другим древним стоянкам Чукотки [12—15], работами Р.С. Васильевского по древним культурам коряков и алеутов [9—10], А.П. Окладникова и Н.А. Береговой по древнеэскимосским поселениям близ устья Колымы [19] книги и статьи Арутюнова и Сергеева стали яркой частью «второй волны» в археологическом изучении древних жителей Чукотки. Эта «волна» не только расширила фактическую базу для построения исторической эволюции древнеэскимосских культур, созданную предшествовавшими работами Г. Коллинза, О. Гейста, С.И. Руденко, Ж. Ларсена и Ф. Рейни, Дж. Гиддинга. Она впервые открыла для нас многогранный образ жизни древних обитателей Берингоморья и существенно расширила представления об их социальной организации, искусстве, мифологии и ритуалах.

Опираясь на новые фактические данные, С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев смогли дополнить типологию





древнеэскимосских гарпунных наконечников, разработанную в 1930-е гг. по материалам о. Св. Лаврентия известным американским археологом Г. Коллинзом. Ведущая роль в создании более детальной классификации принадлежала Арутюнову. Сопоставляя различные типы гарпунных наконечников — согласно подсчетам С.А. Арутюнова, их было не менее сорока, — можно представить, с каким упорством и изобретательностью неолитические охотники искали оптимальные формы своего главного оружия, поворотного гарпуна, и жестко отбрасывали не оправдавшие себя конструкции [7, с. 76—106].

Помимо детальной классификации гарпунов С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев разработали основы систематизации других информативных археологических находок, таких как наконечники стрел, головки гарпунного древка, стабилизаторы

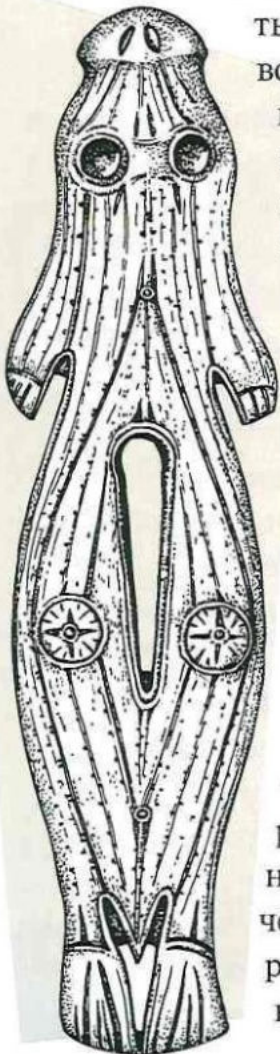
гарпуна («крылатые предметы»). Их изучение дало возможность авторам заявить о наличии устойчивых культурных связей между древними обитателями северо-восточной Чукотки, острова Св. Лаврентия и мыса Хоуп на северо-западе Аляски [7, с. 104, 142, 171, 184].

Изучая орнамент на предметах охотничьего вооружения и орудиях труда, С.А. Арутюнов выдвинул ряд гипотез о содержании и семантике графических и рельефных изображений, созданных неолитическими охотниками Берингоморья. Для понимания сюжетов древнего

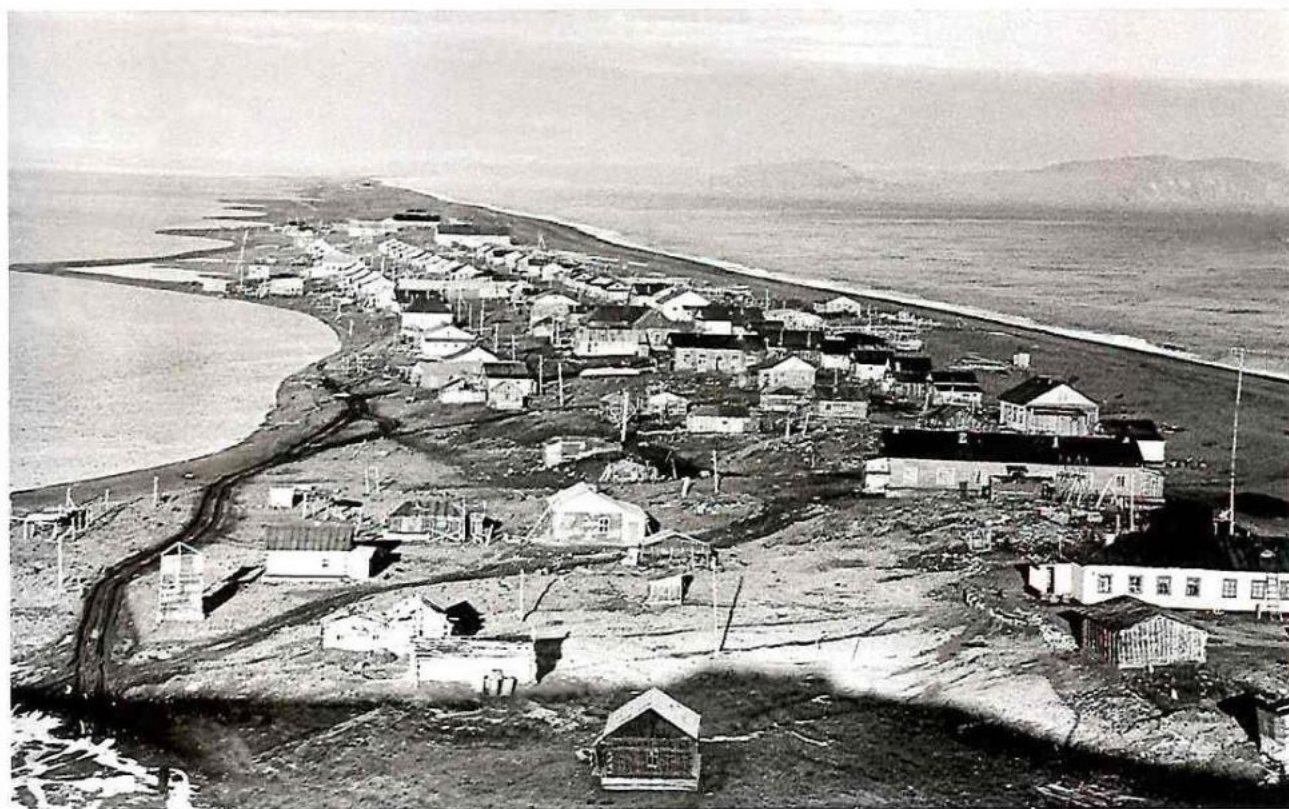
арктического искусства он предложил использовать дошедшие до наших дней эскимосские мифы. Итогом этой работы, проводившейся с участием историка палеолитического искусства Э.Е. Фрадкина, явилась дешифровка загадочных «полиэпиконических» образов, в которых соседствуют черты человека, зверя, птицы. По мнению С.А. Арутюнова, в подобных изображениях отразились представления морских зверобоев Древней Арктики о «взаимоперевоплощениях» живых существ [7, с. 181].

Большой интерес представляют суждения Сергея Александровича о ритмике и «числовых закономерностях» древнеэскимосского графического орнамента, и, в частности, его предположение о том, что орнамент был «генотипом» предмета, «схематическим кодом», который помогал резчику по кости удерживать в памяти конструкцию изделия и обеспечивал преемственность традиций. Реконструируя процесс работы древнеэскимосского мастера, С.А. Арутюнов нарисовал такую картину: «Рука резчика... как бы исполняет ритмический танец, отлагающийся в кинетической памяти, и орнамент является своего рода нотной записью этого движения» [7, с. 176].

Не меньшее значение имело сопоставление эквенских и уэленских находок с археологическими материалами, обнаруженными за пределами Чукотки, причем не только на соседней Аляске, но и в более удаленных ареалах. В работах Арутюнова и Сергеева об уэленских и эквенских древностях приводятся многочисленные примеры сходства древнеэскимосских изделий с изделиями народов Алеутских островов, Сахалина, Приамурья, Восточной Азии и даже Мезоамерики. Отмечая наличие особенно большого числа параллелей в культуре народов Древней Чукотки и неолитических обитателей низовий Амура,







Арутюнов и Сергеев решительно поддержали гипотезу своего учителя М.Г. Левина о дальневосточном происхождении эскоалеутов [18]. Согласно предложенной ими концепции районом, где происходило формирование протоэскимосских племен, были территории, прилегающие к Охотскому морю. Оттуда, по мнению С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева, предки эскоалеутов продвинулись в высокие широты вдоль побережий Северной Пацифики. Примерно таким же путем, по их представлениям, от Приохотья к Чукотке, но только не вдоль морских берегов, а по континентальным районам шло продвижение на Крайний Север предков современных чукчей и коряков [7, с. 196].

Вслед за М.Г. Левиным Арутюнов и Сергеев были чрезвычайно заинтересованы в сотрудничестве с физическими антропологами для анализа скелетных материалов из Уэленского и Эквенского могильников. Обе монографии включают обширные приложения, освещающие ан-

Рис. 2. Село Уэлен в 1950-е гг. (вид на поселок с места раскопок Уэленского могильника)

тропологический облик, болезни, физическое состояние древних уэленцев и эквенцев. Интерес к сотрудничеству с антропологами стал важной частью профессионального пути С.А. Арутюнова, который остается одним из редких примеров среди современных российских этнографов, кто имеет работы в области археологии, этнографии, антропологии и лингвистики и уверенно ориентируется во всех этих темах.

Можно без преувеличения сказать, что Сергею Арутюнову очень «повезло». В 1960-е и 1970-е гг. он одним из первых тогда еще молодых сотрудников Института этнографии стал широко выезжать за границу. Свободное знание иностранных языков — английского, французского, немецкого, японского, — международные конференции и личные контакты быстро способствовали популяризации



его работ и его имени среди зарубежных коллег. Щедрый, открытый, активный в контактах, Арутюнов завязывает личную дружбу со многими ведущими эскимологами в разных странах. Одновременно он щедро «делится» своими новыми друзьями с российскими коллегами и учениками. Именно через Арутюнова мы сами впервые познакомились с Жаном Малори, Патриком Плюме, Хансом-Георгом Банди, Ханс-Юргеном Мюллер-Беком, Уильямом Фицью, Уильямом Стюртевантом, Джоном Бокстосом, Нельсоном Грабурном, Робертом Мак-Ги, Йорном Мельдгаардом и многими другими исследователями из Франции, Германии, Швейцарии, США, Канады, Дании и других стран.

Еще одна черта Сергея Арутюнова — щедрость в книгах. В 1970—1980-е гг. его

личная библиотека, полная зарубежных монографий и журнальных оттисков, подаренных ему авторами, была самым обширным из доступных в те годы в Москве собраний новейших работ по эскимологии. Эта библиотека была всегда открыта для коллег и аспирантов Арутюнова.

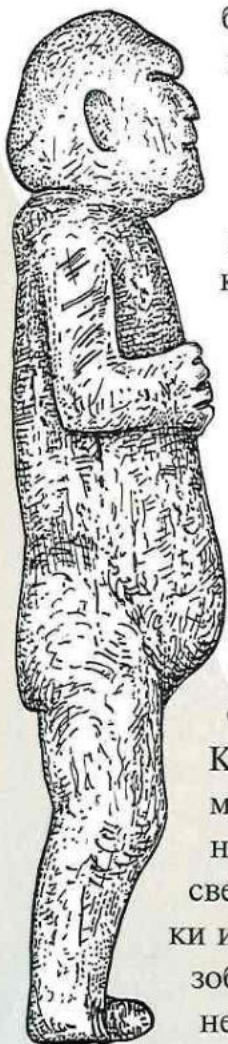
Конец 1970-х — 1980-е гг. отмечены новыми научными проектами в жизни Сергея Александровича. Ими стали экспедиция на остров Ыттыгран в проливе Сенявина, на знаменитую Китовую аллею, и публикация монографии об этом уникальном памятнике [5], выход в свет сборника «На стыке Чукотки и Аляски» [1] и, наконец, возобновление раскопок в Эквене. С.А. Арутюнов принимал

самое активное участие в каждом из этих начинаний, параллельно с работами на Западно-Сибирском Севере, этнографическими исследованиями в Армении и несколькими антропологическими экспедициями в Индию.

Проблемы социальной структуры древнеэскимосского общества, которым Арутюнов уделял большое внимание в 1960—1970-х гг., заняли центральное место и в статьях, подготовленных Сергеем Александровичем в 1983 г. для сборника «На стыке Чукотки и Аляски». В соавторстве со своими единомышленниками, коллегами и друзьями — В.П. и Т.И. Алексеевыми, Д.А. Сергеевым — он обобщил результаты раскопок Эквенского могильника в 1970 и 1974 гг. и подвел итог многолетних палеоэтнографических и антропологических исследований на Чукотке за два десятилетия, начиная с первых раскопок отряда М.Г. Левина в 1957 г. [8].

Принципиально важным стал для С.А. Арутюнова 1987 год. После тринадцатилетнего перерыва он вновь приехал на Чукотку вместе с археологами Государственного музея Востока, чтобы возобновить раскопки Эквенского могильника. Каждый, кто входил тогда в наш отряд, наверное, навсегда запомнил летнюю эквенскую тундру, белую ночь над Беринговым проливом и слова высокочтимого консультанта экспедиции, произнесенные буднично, как бы невзначай: «Приветствую вас в Эквенском урочище!» Главным консультантом, а фактически и научным руководителем Чукотской археологической экспедиции Музея Востока Арутюнов продолжал оставаться еще многие годы после этого памятного «полевого сезона-1987».

Новые раскопки Эквена дали замечательные результаты. Свыше ста погребений, исследованных участниками второй эквенской экспедиции, существенно по-







полнили коллекции древнеэскимосского охотничьего вооружения, орудий труда, украшений. В изучении скелетных материалов из Эквенского могильника продолжали участвовать антропологи — В.П. Алексеев, Т.И. Алексеева, их ученики. Раскопки эквенских захоронений выявили шедевры древнеэскимосского косторезного искусства, которые с 1993 г. и вплоть до сегодняшнего дня экспонируются на выставках в России и за рубежом.

В 1995 г. организованная Музеем Востока международная археологическая экспедиция уже без участия Арутюнова начала в Эквене исследования древнего поселения. Впрочем, и тогда имя «Сергей Арутюнов» было своеобразным паролем, который произносили приезжавшие на раскопки наши коллеги из Германии, Швейцарии, Франции, Дании, Канады. Это имя повторялось и в беседах и спорах, которые участники экспедиции — россияне и иностранцы, археологи, этнографы и экологи [16]— вели в том самом обвет-

Рис. 3. Вторая эквенская экспедиция. 1990-е гг.

шлом домишке-балке, на берегу Берингова пролива, где прозвучали когда-то слова Сергея Александровича: «Приветствую вас в Эквенском урочище!»

В 1990—2000-х гг. С.А. Арутюнов бывал на Чукотке нечасто, но каждый его приезд становился заметным событием. Так, в 2003 г., выступая на археологической конференции в столице Чукотского округа Анадыре, он в предельно четкой, афористичной форме изложил суть своего понимания исторических процессов, протекавших в Берингоморье на протяжении тысячелетий. Этот доклад, к сожалению, остался неопубликованным, и потому мы хотели бы привести достаточно пространную цитату:

«Материалы археологических раскопок... позволяют утверждать, что при высокой степени преемственности разных этапов приморской культуры Чукотки здесь имели место как процессы социаль-



ной, прогрессивной эволюции, так и процессы известного социального регресса и (даже) атомизации общества. Можно считать несомненным, что в прошлом были периоды, когда климатически обусловленный оптимум природных условий и ресурсов позволял берингоморскому населению достигать гораздо более высокого уровня социальной организации и социального расслоения, чем тот, что был зафиксирован этнографически. Мы вправе предполагать, что в определенные периоды здесь могли существовать небольшие локальные предгосударственные образования — вождества и племенные союзы. Эти образования охватывали значительное число поселков, между которыми устанавливался интенсивный культурный обмен и сложные взаимоотношения, позволявшие, в частности, проводить совместные мероприятия по созданию крупных культовых объектов, таких, например, как архитектурный комплекс на о. Ыттыгран (Китовая аллея. — *Прим. авт.*). В определенные периоды своей истории древнеэскимосское общество Берингова пролива приближалось, таким образом, к столь высокому уровню социального развития, который непосредственно предшествует зарождению местной «малой цивилизации» [2, с. 4—5].

Изучение сложных процессов культурной эволюции на краю ойкумены привело полвека назад молодого исследователя Сергея Арутюнова на Чукотку. К этой теме член-корреспондент РАН С.А. Арутюнов продолжает обращаться и в своих нынешних публикациях. Иногда подобные «обращения» носят неожиданный, даже парадоксальный характер. Например, в 2007 г. в своем введении к каталогу выставки в Музее Востока, на которой демонстрировались эквенские находки, он сравнил Берингов пролив с... Суэцким перешейком. «Из бесконечного множест-

ва точек и участков земной поверхности, — утверждает Арутюнов, — есть только два совершенно особых, ключевых участка, сшивающих три главных континента мира (Африку, Евразию и Америку. — *Прим. авт.*) в единый массив основной земной суши — это Суэцкий перешеек и Берингов пролив». Отмечая, что Суэцкий перешеек есть «ось круговращения самых судьбоносных событий мировой истории» и что по сравнению с ним «район Берингова пролива выглядит запредельным (культурным. — *Прим. авт.*) захолустьем», С.А. Арутюнов, словно споря с самим собой, приводит свидетельства того, что именно здесь «более тысячи лет тому назад начала зарождаться уникальная арктическая цивилизация» [3, с. 10]. Найденная в ходе археологических раскопок «совокупность» исполненных глубокого скрытого смысла посланий из прошлого «остаётся величественным памятником вершинам человеческого духа, стойкости, смелости, стремления к созданию гармонии и красоты, проявленных здесь, в Берингоморье, на краю земли, то есть памятником больших человеческих свершений в почти нечеловеческих условиях» [3, с. 12].

В своих последних по времени публикациях в каталоге выставки «Дары предков: древние косторезные изделия Берингова пролива» Сергей Александрович продолжает обращаться к сюжетам, которые привлекали его внимание еще в первые годы работы на Чукотке. Один из них — поворотный гарпун, другой — художественное творчество древних эскимосов [21; 22]. Отметив исключительно высокий эстетический уровень большинства дошедших до нас произведений древнеберингоморского искусства, С.А. Арутюнов заканчивает статью выводом о том, что о происхождении этого яркого культурного феномена современная наука ни-





чего не может сказать. «Раннему древнеберингоморью должен был предшествовать длительный период технологического и художественного прогресса, но он остается для нас совершенно неизвестным, и именно в этом заключается главная загадка древнего искусства эскимосов» [22, с. 137].

Выставка «Дары предков...» проходила в Принстонском университете в США в 2009—2010 гг., спустя 20 лет после гораздо более крупного международного выставочного проекта «Перекрестки континентов» [24]. Сергей Александрович был активным участником группы ученых и музейных работников, которые более десяти лет планировали, отбирали и готовили эту выставку [23]. Все члены проекта, как зарубежные, так и отечественные, воспринимали его как дань памяти знаменитой Джесуповской Тихоокеанской экспедиции 1897—1902 гг. Благодаря ее работе, «стык» Старого и Нового Света в районе Берингова пролива и прилегаю-

Рис. 4. С.А. Арутюнов, М.А. Членов и эскимоска Иппи на вельботе в проливе Сенявина 1977 г.

Фото И.И. Крупника

щей к нему северной части Тихого океана перестал быть белым пятном на этнографической и археологической карте мира и стал видеться как «перекресток» движения народов, языков и культурных открытий.

Участие С.А. Арутюнова в подготовке выставки «Перекрестки континентов» в 1980-е гг. было, конечно же, не случайным и, безусловно, глубоко символическим. Оно демонстрировало более чем вековую преемственность в совместном изучении учеными разных стран культурных традиций народов, живущих в северных широтах Азии и Америки. Со времен «пионеров» Джесуповской экспедиции — Ф. Боаса, В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона, Л.Я. Штернберга — идея научного сотрудничества через Берингов пролив перешла к следующему поколению учителей





Рис. 5. Эквенские находки на выставке «Дары предков: косторезные изделия древних эскимосов Берингова пролива». Принстон, США, 2009–2010 гг.

Арутюнова и его ровесников: Г. Коллинзу, М.Г. Левину, С.И. Руденко, Г.Ф. Дебецу, А.П. Окладникову [25]. От своих учителей Арутюнов и его коллеги — В.П. и Т.И. Алексеевы, Д.А. Сергеев, Р.С. Васильевский, Н.Н. Диков, Л.П. Хлобыстин, С.Я. Серов — унаследовали эти принципы. Они также смогли в большей степени воспользоваться открытостью научных контактов, возможностью международных публикаций и конференций, совместных экспедиций.

Восьмидесятилетний юбилей Сергея Александровича, пять десятилетий его научной деятельности на Чукотке совпали со временем, когда развитие арктиче-

ской этнологии и археологии постепенно возвратилось в естественное русло и «интерьер» эскимологии обрел свой истинный, планетарный масштаб. Именно в таком планетарном интерьере видится с годами роль этнолога, археолога, искусствоведа, лингвиста и историка культуры Сергея Арутюнова.

---

#### Благодарность

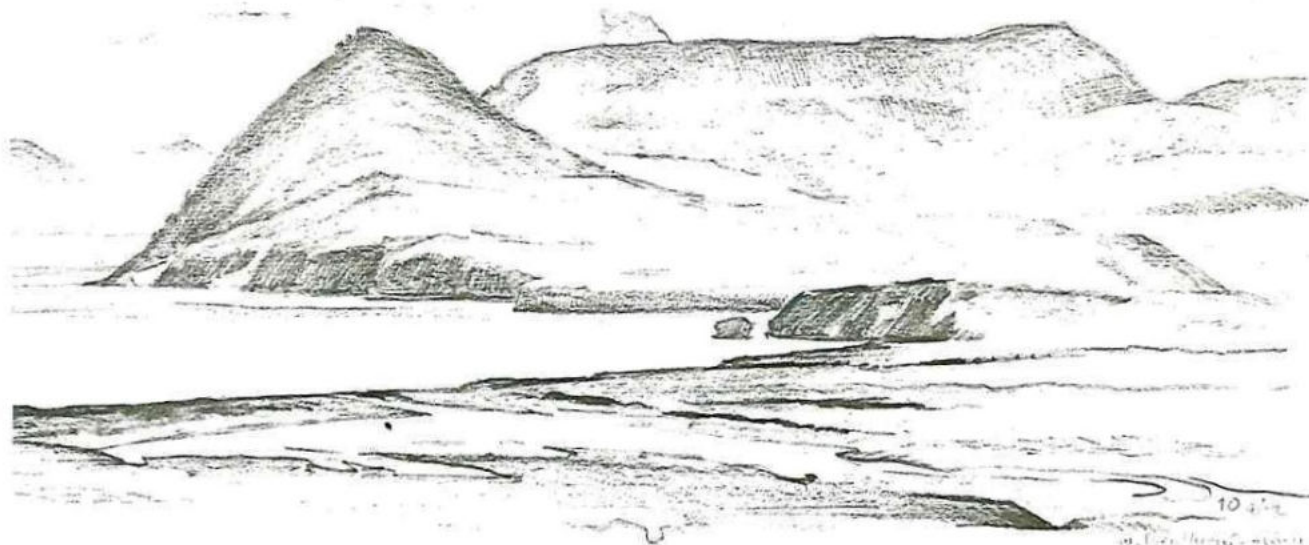
Выражаем глубокую признательность художникам С.А. Богословскому и Н.С. Сурвилло за рисунки, иллюстрирующие сборник, Л.С. и Е.С. Богословским, Т.К. Мкртычеву за помощь при его подготовке к изданию, а также художественному редактору О.И. Бойко, которая воплотила наш замысел в прекрасную книгу.



## Использованная литература

1. Алексеева Т.И., Алексеев В.П., Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 3–64.
2. Арутюнов С.А. Изучение истории района Берингова пролива. От первопроходческих работ С.И. Руденко и М.Г. Левина до наших дней. Рукопись, 2003.
3. Арутюнов С.А. Введение // Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное. М.-Анадырь, 2007. С. 10–13.
4. Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Вехи на мысах // Ветер странствий. № 14. М. 1979. С. 98–102.
5. Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.
6. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.
7. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
8. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970–1974 гг.) // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 220–229.
9. Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
10. Васильевский Р.С. О роли Берингии в заселении Алеутских островов // Берингия в кайнозой. Владивосток, 1976.
11. Дебец Г.Ф. Антропология Камчатской области. Труды Института этнографии АН СССР. Т. 17. М., 1953.
12. Диков Н.Н. Уэленский могильник по данным раскопок в 1956, 1958 и 1963 годах // История и культура народов Севера Дальнего Востока. Вып.17. М., 1967. С. 45–79.
13. Диков Н.Н. Чинийский могильник (к истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974.
14. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977.
15. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1979.
16. Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Савицкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. М., 1996.
17. Иванов О.Н. Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на западном побережье Берингова пролива // История и культура народов Севера Дальнего Востока. Вып.17. М., 1967. С. 42–44.
18. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Труды института этнографии АН СССР, новая серия. Т. 36. М., 1958.
19. Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.
20. Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.
21. Arutiunov S.A. The Eskimo Harpoon // Gifts from the Ancestors: Ancient Ivories of Bering Strait. Princeton, 2009. Pp. 52–59.
22. Arutiunov S.A. The Enigma of Ancient Bering Strait Art // Gifts from the Ancestors: Ancient Ivories of Bering Strait. Princeton, 2009. Pp. 126–137.
23. Fitzhugh, W.W. Heritage Anthropology in the «Jesup-2» Era: Exploring North Pacific Cultures Through Cooperative Research // L. Kendall and I. Krupnik, eds. Constructing Cultures Then and Now. Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition. Contributions to Circumpolar Anthropology. 3. Washington, DC, 2003. Pp. 287–306.
24. Fitzhugh, W.W. and A. Crowell. Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1988.
25. Krupnik, I. Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part 1. From the Jesup Expedition to the Cold War, 1897–1948 // Arctic Anthropology. 35 (2). 1998. Pp. 199–226.





М.М. Бронштейн,  
К.А. Днепровский

Государственный музей Востока  
(Москва)

## Эквен: история изучения (1961–2011)

### Введение

Эквен — один из самых крупных археологических памятников Чукотки. Он расположен на побережье Берингова пролива в 15 км к югу от мыса Дежнева и включает в себя большое поселение и обширный грунтовый могильник. Современные методы исследования позволяют отнести Эквен к древним эскимосам и датировать наиболее ранние его комплексы первыми веками нашей эры, наиболее поздние — началом II тыс. н.э.

Первые сведения об Эквене были получены научным сообществом в 1960 г.; начиная с 1961 г. здесь ведутся археологические раскопки. Находки, собранные в ходе раскопок, находятся в музеях Санкт-Петербурга, Москвы и Анадыря. Эквену посвящено большое число научных публикаций, в том числе фундаментальная монография и многочисленные статьи его первых исследователей — С.А. Аругюнова и Д.А. Сергеева [см., напр., 4–6]. В изучении эквенских древностей принимали участие специалисты, представляющие различные области науки — археологию, палеоэтнографию, искусствовозна-



ние, палеоантропологию, палеоэкологию. Нередко это были одни и те же ученые, как, например, С.А. Арутюнов, этнолог, археолог, историк культуры, искусствовед, или В.П. Алексеев — один из крупнейших отечественных специалистов в области антропологии, истории первобытного общества, этнографии.

Авторы этого очерка не ставят перед собой задачу представить читателю детальный обзор литературы, посвященной Эквену за полувековую историю его раскопок. Для выполнения подобной задачи потребовалась бы публикация, объем которой едва ли позволил включить ее в настоящий сборник. Наша цель гораздо скромнее. Мы хотим перечислить направления, по которым проводилось исследование эквенских древностей, и дать краткую характеристику основных итогов этого процесса. Какими же «вехами на мысах», говоря словами С.А. Арутюнова, отмечен путь, по которому с 1961 г. по 2011 г. продвигалось научное сообщество в изучении получившего мировую известность древнеэскимосского историко-культурного комплекса Эквен?

#### Археологическое направление

За прошедшие с первого полевого сезона в Эквене годы здесь работали две экспедиции. Одна из них, организованная Институтом этнографии АН СССР, вела археологические раскопки в 1961–1974 гг. Вторую эквенскую экспедицию организовал Государственный музей Востока; она начала работу в 1987 г. и продолжает до настоящего времени<sup>1</sup>.

Главным объектом изучения первой экспедиции был Эквенский могильник. Участники раскопок обнаружили в нем 210 погребений, принадлежащих главным образом к древнеберингоморской, бирнирской и раннепункской археологическим культурам. Исследуя находки из погребений, руководители экспедиции — С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев — реконструировали

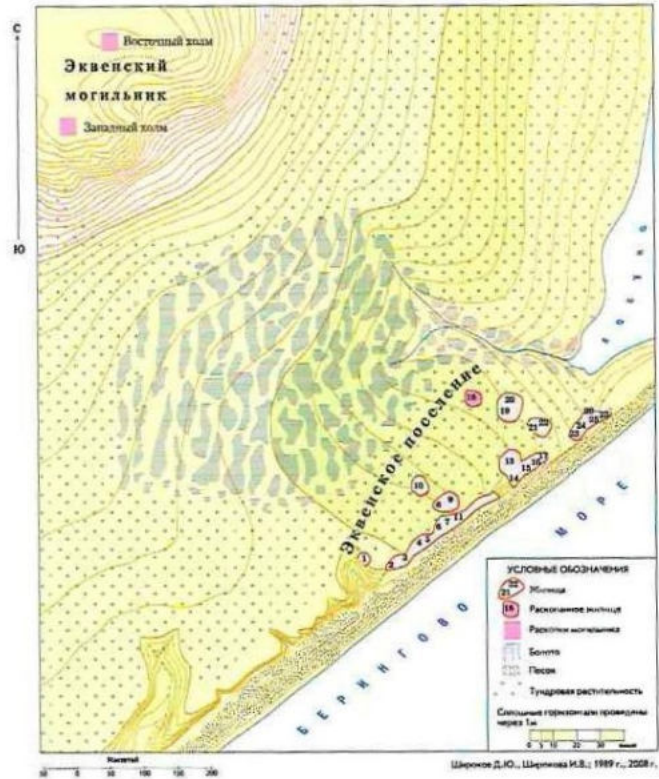


Рис. 1. Топографический план поселения Эквен и Западного холма Эквенского могильника

различные стороны материальной культуры древних эскимосов Чукотки и, в частности, составили подробное описание предметов их охотничьего снаряжения. Особое значение имела предложенная первыми исследователями Эквена детальная классификация наконечников поворотного гарпуна, которая дала возможность проследить эволюцию этого исключительно важного для древних эскимосов орудия охоты на протяжении как минимум полутора тысяч лет [4, с. 78–106].

Важным событием в истории первой эквенской экспедиции стало обнаружение в одном из захоронений периода раннего древнеберингоморья железного резца. Изучение этой редкой находки подтвердило гипотезу С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева о культурных связях неолитических культур Берингоморья с культурами металла, существовавшими в I тыс. н.э. в бассейне Амура и на побережье Японского моря [5, с. 32; 6, с. 222–223].



Продолжая исследования, начатые первооткрывателями Эквена, участники второй экспедиции тоже уделяли большое внимание изучению древнеэскимосского охотничьего вооружения и орудий труда. Было составлено подробное описание оружия для охоты на морского зверя, животных тундры, рыболовства, а также важных производственных процессов, таких как обработка камня, дерева, кости, строительные технологии [8; 9].

Получить новую информацию о хозяйственной деятельности древних обитателей чукотских побережий удалось в значительной степени, потому что вторая экспедиция помимо раскопок Эквенского могильника (в конце 1980-х — начале 1990-х гг. здесь было выявлено еще 120 захоронений) стала вести раскопки почти не изучавшегося ранее поселения Эквен. В результате впервые в истории российской археологии было проведено полномасштабное исследование древнеэскимосского жилища. Раскопки обширного комплекса Н-18, датируемого эпохой бирнирка и раннего пунука, существенно дополнили принятые в науке представления о конструкции древнеэскимосских полуподземных жилищ и быте морских зверобоев Древней Арктики [8].

Наряду с российскими учеными в исследованиях Эквенского поселения в середине 1990-х гг. активно участвовали археологи Швейцарии, Германии, Дании, Франции, Канады. Работы, опубликованные нашими зарубежными коллегами [см., напр., 13–14, 16, 18], внесли заметный вклад в изучение Эквена. Интернациональный характер второй эквенской экспедиции повысил результативность ее работы и открыл дополнительные возможности для сравнительного анализа эквенских находок с древнеэскимосскими материалами, обнаруженными за пределами Чукотки — на островах Берингова пролива, на Аляске, в Канадской Арктике.

### Палеоэтнографическое направление

Начало палеоэтнографического изучения эквенских материалов совпало с началом самих археологических раскопок в Эквене, поскольку первую эквенскую экспедицию, созданную, как отмечалось выше, Институтом этнографии, возглавляли выдающиеся этнологи<sup>2</sup>. Палеоэтнографическое направление сохраняется и в изысканиях, которые проводит в Эквене экспедиция Музея Востока. В значительной степени это связано с тем, что с первого полевого сезона в 1987 г. ее научным консультантом является С.А. Арутюнов.

Участники первой экспедиции уделяли большое внимание изучению этногенеза и ранних этапов этнической истории морских арктических зверобоев. В монографии об Эквенском могильнике С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев, развивая идеи М.Г. Левина, выдвинули концепцию, согласно которой прародиной эскимосов был ареал, прилегающий к Охотскому морю. Отсюда протоэскимосские племена продвинулись на Чукотку. В III–II тыс. до н.э. значительная их часть преодолела Берингов пролив, освоила прибрежные районы Аляски и начала свое дальнейшее расселение по арктическим побережьям Северной Америки. Древнеэскимосские племена, оставшиеся на Чукотке, тоже расселились далеко за ее пределы вплоть до устья Колымы и северных районов Камчатки [4, с. 184–196].

Другая палеоэтнографическая тема в исследованиях 1960–1970-х гг. — изучение культурных связей эквенцев. По мнению С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева, среди эквенских находок встречаются предметы, сходные с изделиями нивхов — жителей Сахалина и низовий Амура, а также народов Аляски: эскимосов, алеутов, тлинкитов [4, с. 104, 142, 171].

Социальная структура древнеэскимосских сообществ тоже находилась в поле зрения первых исследователей Эквена. Сопоставляя особенности погребального обряда,





С.А. Арутюнов пришел к выводу о наличии у морских зверобоев Древней Чукотки сложной общественной стратификации, подобной социальной стратификации алеутов и северо-американских индейцев XVIII–XIX вв. [2, с. 149–151].

Еще одна этнографическая тема в работе первой экспедиции – реконструкция религиозных верований эквенцев. Согласно С.А. Арутюнову и Д.А. Сергееву у них существовали представления о «хозяине Вселенной», который главенствовал над морем и сушей, о «морской владычице», имевшей антропоморфный облик и облик моржихи. Идея перевоплощения человека в зверя и зверя в человека, как и идея о перевоплощении зверей друг в друга, занимала, по мнению исследователей, одно из центральных мест в мифологии древних охотников чукотских побережий [4, с. 179–183].

Палеоэтнографические исследования участников второй эквенской экспедиции во многом опирались на работы предшественников. Продолжался поиск источников

Рис. 2. Лагерь первой эквенской экспедиции. Первый слева – Д.А. Сергеев, третий слева – С.А. Арутюнов. 1965 г.

по этнокультурной истории морских зверобоев Древней Чукотки. В ходе этой работы были выявлены различные типологические варианты художественно оформленных изделий из моржового клыка. Комплексное изучение археологического контекста, в котором были обнаружены данные предметы, позволило прийти к заключению, что многие из них можно рассматривать как индикаторы различных этнокультурных традиций. Изучая эти традиции, удалось установить, что они нередко существовали синхронно, и, следовательно, степень этнокультурной неоднородности эквенского социума и его «открытости» для инокультурных контактов была еще более высокой, чем представлялось ранее [9, с. 33–37].

Участники раскопок 1980–2000-х гг. выдвинули гипотезу, согласно которой сложность этнокультурной структуры древних со-



обществ охотников Берингова пролива была в значительной степени обусловлена экспериментальным характером их адаптационной стратегии природопользования. Оказавшись на Крайнем Севере, древние эскимосы искали оптимальные способы приспособления к его экстремально суровым условиям, и многие локальные этнокультурные традиции представляли собой поисковые, экспериментальные варианты приспособления первобытного человека к высоким широтам [9, с. 36–37].

Этнокультурное многообразие Эквена свидетельствует, по мнению сотрудников второй экспедиции, о том, что мозаичность древнеэскимосского социума повышала его шансы на выживание в Арктике. Наиболее эффективные способы охоты и хозяйственные навыки, изначально известные небольшим коллективам, становились достоянием других этнотерриториальных групп. Возник своеобразный «банк данных», которые можно было использовать в экстремальной ситуации, например при колебаниях климата. Общеэскимосская культурная традиция приобретала, таким образом, повышенный «запас прочности». Многоликость культуры морских арктических зверобоев стала одной из главных причин, обусловивших ее широкое распространение, длительность существования и высокий уровень развития [9, с. 41–42].

### **Искусствоведческое направление**

В истории искусствоведческого изучения эквенских находок, так же как в случаях с археологическими и палеоэтнографическими исследованиями, отчетливо прослеживаются два этапа. Один из них – работы участников первой эквенской экспедиции, другой – исследования их учеников и преемников. На первом этапе ученых интересовали художественная форма и семантика произведений древнеэскимосского искусства, на втором – эволюция стиля и роль изобразительного

творчества в жизни морских зверобоев Древней Чукотки.

Авторы первых искусствоведческих исследований указывали на органичное сочетание в эквенских художественных изделиях скульптурных и графических форм, фигуративного и абстрактного начал, достоверности и условности, а также на их неразрывную связь с практической деятельностью человека. Большинство произведений древнеэскимосского искусства имело, по наблюдениям С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева, утилитарные функции, являясь охотничьим вооружением, орудиями труда, предметами быта. В их исследованиях отмечалось, что древние художники Эквена, благодаря доскональному знанию анатомии северных животных и природных характеристик моржового клыка и оленьего рога, сумели найти такие художественные решения, которым может позавидовать любой современный дизайнер [4, с. 172–178; 5].

Важным итогом искусствоведческих исследований первой экспедиции стал тезис о сходстве искусства Чукотки эпохи неолита с палеолитическим искусством Европы и Сибири. С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев привели убедительные примеры этого сходства и назвали его причины. Одной из них была близость климатических условий на Чукотке две тысячи лет назад и на значительной части Евразии в ледниковый период. Другая заключалась в тождестве хозяйственной деятельности: морские зверобои неолита и сухопутные охотники древнего каменного века вели коллективную охоту на крупных животных – китов в одном случае, мамонтов в другом [4, с. 183].

Исследуя содержание скульптурно-графических композиций, найденных в Эквене, С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев выдвинули гипотезу, согласно которой многие художественные образы могут рассматриваться как иллюстрации к мифам. Исследователи обратились к дошедшим до наших дней эскимос-





ским преданиям и в результате сравнительного анализа археологических и фольклорных источников предложили ряд сюжетов, которые можно было использовать для «дешифровки» семантики произведений древнеэскимосского искусства [4, с. 179–183].

Изучение информационных функций, которые выполняли художественные формы, привело С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева к еще одному примечательному открытию. Согласно выдвинутой ими гипотезе геометрический орнамент на утилитарных изделиях имел не только магическое значение, но представлял собой своеобразный «генотип» предмета. Тщательно выполненный узор являлся кодированным текстом, который помогал мастеру сохранять в памяти оптимальную, проверенную временем конструкцию изделия и обеспечивал преемственность традиций в изготовлении охотничьего вооружения и орудий труда [4, с. 176–177].

С исследования древнеэскимосского орнамента начался второй этап искусствоведческого изучения эквенских находок. Была

Рис. 3. Лагерь второй эквенской экспедиции (Чукотская археологическая экспедиция ГМВ). 2000 г.

предложена его новая классификация, в основу которой, в отличие от известных классификаций Г. Коллинза и Ф. Рейни, легли не композиции из нескольких геометрических фигур, а мельчайшие элементы узора — «зубчики», отрезки, пунктир, клиновидные штрихи. Обращение к едва различимым невооруженным глазом компонентам древнеэскимосского орнамента позволило выявить в его семантике новый информационный пласт (индикатор принадлежности к локальной этнической группе) и составить более полное представление об эволюции графического искусства Древней Арктики [7; 9, с. 31–35]. В процессе дальнейшего изучения находок второй экспедиции была разработана детальная классификация скульптурных изображений [9, с. 48–60].

Новая систематика древнеэскимосских художественных форм, изложенная в иссле-



дованиях 1980–2000-х гг., дала возможность по-разному взглянуть на проблему эволюции стиля в искусстве Эквена. Так, согласно концепции, предложенной Е.С. Сухоруковой, изобразительное творчество эквенцев развивалось в целом достаточно плавно, и одни художественные формы последовательно трансформировались в другие [9, с. 48–60].

Другая концепция, разработанная одним из авторов настоящей статьи, основывается на несколько ином представлении о путях развития эквенского искусства. Она не отрицает стилистической близости обнаруженных в Эквене художественных изделий, однако предполагает наличие между ними существенных различий, обусловленных не только хронологическим фактором. Согласно данной концепции, эквенское искусство было поливариативным. На каждом из этапов своей эволюции оно включало в себя различные типологические варианты, появление которых было во многом обусловлено этнокультурным многообразием древнеэскимосского социума [9, с. 26–47].

#### Палеоантропологическое направление

Первые палеоантропологические исследования начались в Эквене одновременно с началом археологических раскопок; ведутся они и в настоящее время. У истоков антропологического изучения эквенских находок стоял один из ведущих российских физических антропологов М.Г. Левин. Активное участие в этой работе принимали и такие известные исследователи, как Г.Ф. Дебец, Г.В. Лебединская, В.П. и Т.И. Алексеевы [3, с. 195–200; 4, с. 198–240; 11].

Уже в первых посвященных Эквену публикациях антропологов отмечалось, что его население, принадлежа к большой монголоидной расе, обнаруживает отчетливое тяготение к представителям арктической расы, особенно к эскимосам Аляски. Исследуя вопрос о сходстве и различиях в антропологиче-

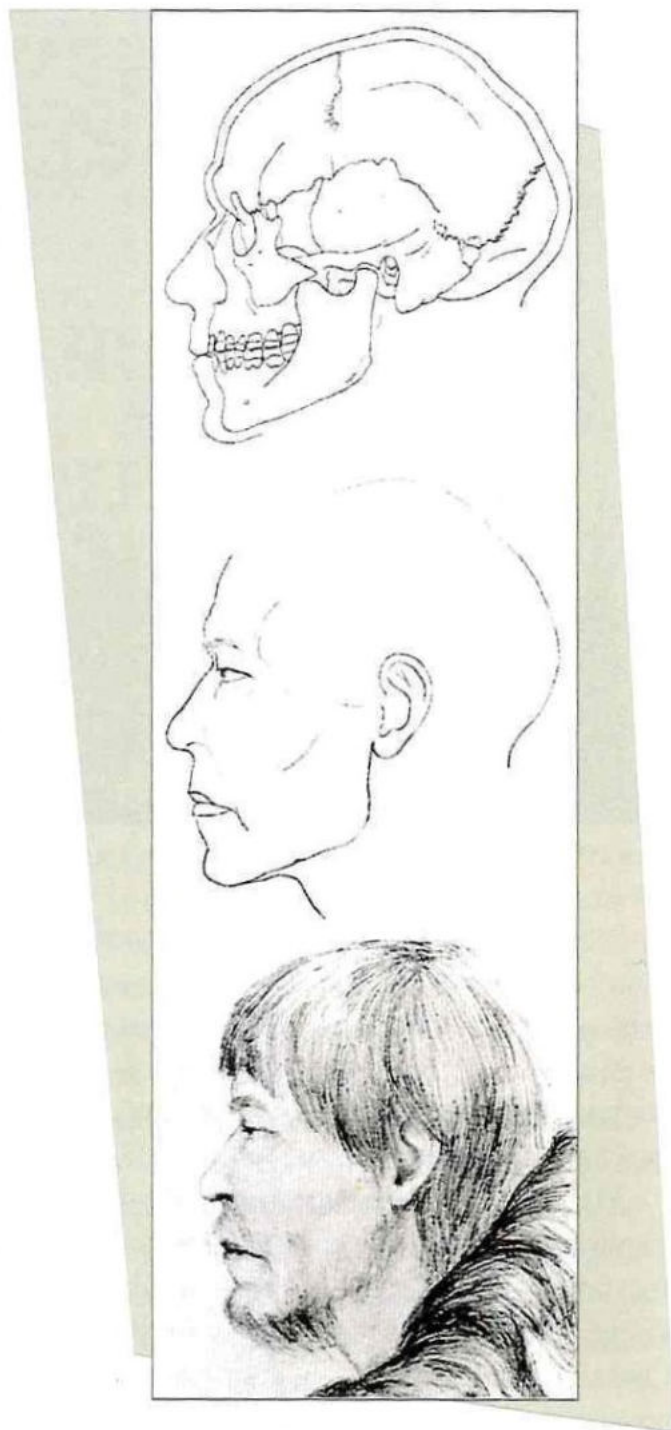


Рис. 4. Портрет мужчины из эквенского погребения 212. Антропологическая реконструкция Г.В. Лебединской. Раскопки Чукотской археологической экспедиции ГМВ

ческих характеристиках жителей Эквена и других северных территорий, Г.Ф. Дебец пришел к выводу, что эквенцы, как все азиатские эскимосы, занимали промежуточное положение между гренландскими эскимосами и алеутами. Он также полагал, что эскимосское население Древней Чукотки имело



много общего в антропологическом отношении с американскими индейцами и что при сравнении эквенцев с современными эскимосами обнаруживается их большее сходство не с теми, кто живет в наши дни на северо-восточной оконечности Азии, а с жителями Гренландии [4, с. 199–200].

Отмечая заметную близость эквенцев к различным этническим группам Северной Америки, Г.Ф. Дебец указывал также на наличие у них общих признаков с сибирскими монголоидами. Однако это сходство, с его точки зрения, было не столько результатом смешения жителей Эквена и континентальных районов Сибири, сколько итогом конвергентных процессов в развитии обеих антропологических общностей [3, с. 200–201].

Конвергентное происхождение имели, по мнению Г.Ф. Дебеца, и некоторые общие черты в антропологическом облике эквенцев и обитателей Ипиутака (мыс Хоуп, Аляска). Сравнительный анализ строения черепов из Эквенского и Ипиутакского могильников, указывал исследователь, на первый взгляд свидетельствует об интенсивных миграциях, в ходе которых древнее население северо-восточной Чукотки оказалось на северо-западе Аляски, а племена, населявшие окрестности мыса Хоуп, переселились на азиатский берег Берингова пролива. Такую картину, однако, Г.Ф. Дебец считал маловероятной. Очевидное сходство антропологических материалов Эквена и Ипиутака было обусловлено, с его точки зрения, универсальными процессами эволюции человека [4, с. 199–201].

Сопоставив эквенские и ипиутакские находки, С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев выдвинули иную гипотезу. Согласно их выводам, миграции играли существенную роль в жизни морских зверобоев Древней Арктики, и выходцы из Эквена действительно сменили ипиутакцев на западном побережье Аляски [6, с. 228–229]. Ипиутакцы, по мнению С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева, тоже совершали миграции, в ходе которых часть

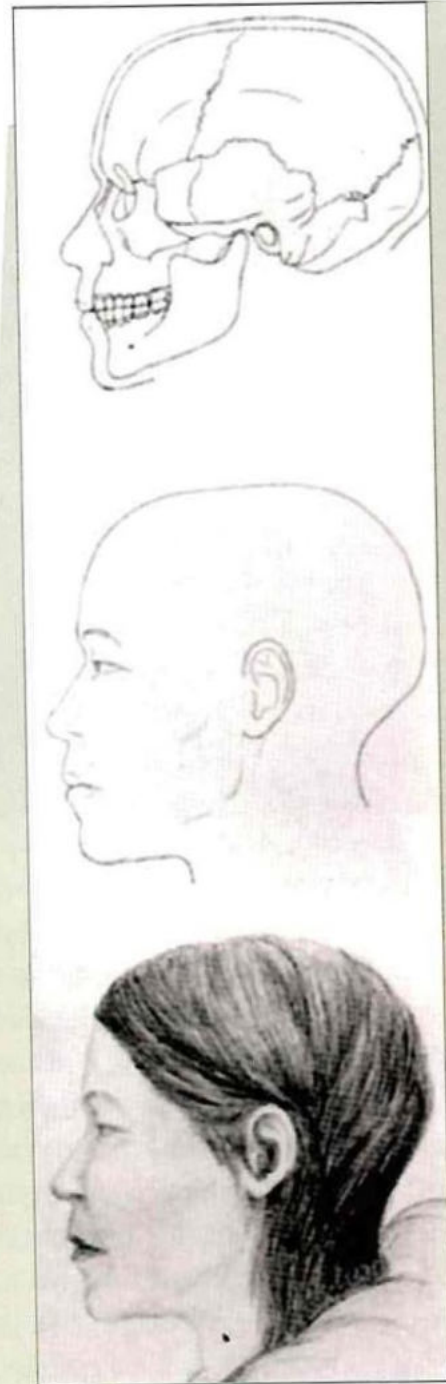


Рис. 5. Портрет женщины из эквенского погребения 251. Антропологическая реконструкция Г.В. Лебединской. Раскопки Чукотской археологической экспедиции ГМВ

из них могла переселиться на Чукотский полуостров [6, с. 229].

Сравнительный анализ антропологических материалов, обнаруженных по разные стороны Берингова пролива, рассматривался С.А. Арутюновым, Д.А. Сергеевым, В.П. Алексеевым как чрезвычайно актуальная за-



дача арктической палеоантропологии. Только в результате всестороннего изучения и сопоставления находок, сделанных на побережьях Чукотки и Аляски, утверждали исследователи, удастся восстановить сложную картину культурных и этнических взаимодействий в этом ключевом районе Арктики [6, с. 229].

Этническая история народов Крайнего Севера не единственный аспект в палеоантропологическом исследовании материалов Эквена. Антропологи придают большое значение изучению половозрастного состава и состоянию здоровья эквенцев. В работах Г.Ф. Дебеца, Г.В. Лебединской, Т.И. Алексеевой, М.В. Козловской, опубликованы данные о половой принадлежности и возрасте людей, погребенных в Эквенском могильнике, а также о патологических изменениях, прослеживаемых на костных останках [3, с. 195–200; 4, с. 202–240; 11; 17]. Последний вопрос представляет особый интерес, поскольку дает возможность существенно расширить современные представления о различных сторонах общественной жизни эквенцев. Так, например, в исследованиях Г.В. Лебединской приведены данные о том, что многие из них страдали заболеваниями суставов. Поскольку среди заболевших было немало людей молодого возраста, антрополог предположила, что причинами, вызвавшими эти болезни, были суровый климат и непомерно большие физические нагрузки [3, с. 196–197].

Примечательны еще два обстоятельства, связанные с патологическими изменениями костной системы у жителей Эквена. Процент людей с больными суставами среди мужчин и женщин был приблизительно одинаков, а это, в свою очередь, означает, что женщины активно участвовали в зверобойном промысле и наравне с мужчинами испытывали все тяготы морской охоты в условиях Крайнего Севера. Почти у десятой части эквенцев, по наблюдениям Г.В. Лебединской, заболевания суставов достигли такой

формы, что сделали этих людей полными инвалидами, которые не только не принимали участие в охоте на морского зверя, но не могли выполнять даже работу по дому. Между тем, отмечает исследовательница, многие из них доживали до глубокой старости [3, с. 196–197]. Трудно переоценить значение выводов, которые следуют из этих данных. В свете палеоантропологических исследований эквенский социум предстает перед нами как сложный общественный институт, в котором существовали отлаженные механизмы заботы о старых и больных людях.

### Палеоэкологическое направление

Палеоэкологические исследования проводятся в Эквене с рубежа 1980–1990-х гг. В ходе этих работ, руководителем которых многие годы был Л.Г. Динесман (ныне их возглавляет А.Б. Савинецкий), палеоэкологи пришли к следующим выводам. В период, когда Эквен населяли древние эскимосы, берег выступал в море значительно дальше, чем в настоящее время. Таким образом, с большой степенью вероятности можно предполагать, что сохранившиеся до наших дней эквенские жилища являются лишь небольшой частью существовавшего в древности поселка [10, с. 67–68; 19].

Обычным явлением в эпоху неолита были колебания численности промысловых животных, что существенно влияло на охотничью деятельность эквенцев. В отдельные периоды они в основном вели охоту на мелких ластоногих или, напротив, достаточно часто добывали серых и гренландских китов, однако на протяжении всей многовековой истории поселения его обитатели постоянно охотились на птиц и северных оленей, а также на моржей. Рыболовство, судя по количеству выявленных в ходе раскопок материалов, едва ли играло существенную роль в хозяйстве жителей Эквена [10, с. 160–162].

Наиболее древние останки китов, найденные на эквенском побережье, датируют-





ся IV в. до н.э. Китовая охота, требовавшая от первобытных зверобоев исключительной смелости и готовности к тесному взаимодействию большой группы людей, велась преимущественно на менее крупных серых китов. Однако в период с III по VI в. н.э. в добыче обитателей Эквена заметно увеличилась доля гренландского кита. В I тыс. н. э. китовая охота у эквенцев достигала своего максимума по крайней мере дважды – во II–IV и в VI–VII вв. [10, с. 111–112].

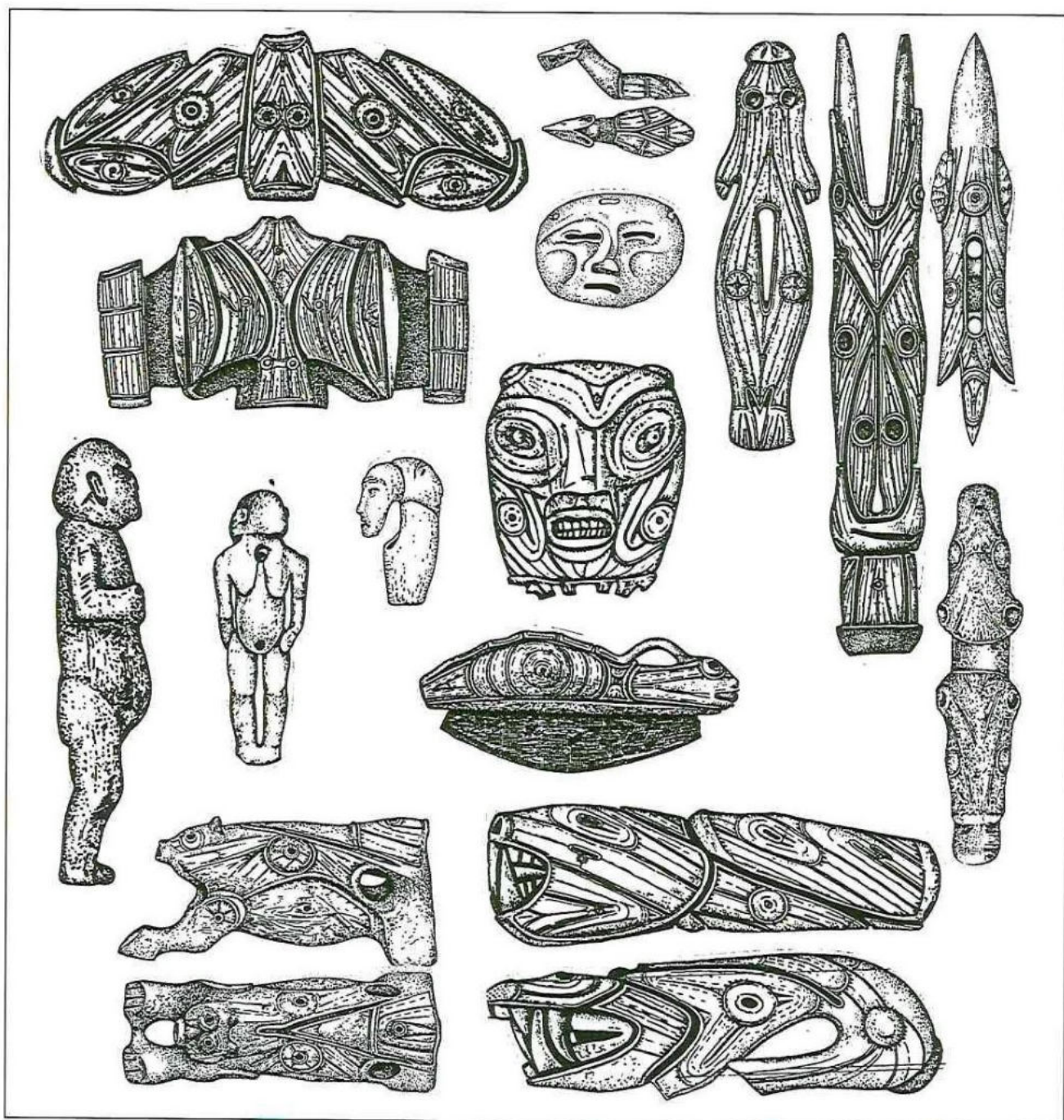
Наблюдения палеоэкологов имеют принципиальное значение. Историческое развитие морских арктических зверобоев было во многом обусловлено изменениями климата и природной среды. Материалы, полученные в ходе палеоэкологических исследований, позволяют во многом по-новому взглянуть на перемены в материальной, социальной и духовной культуре Древней Чукотки, которые удастся выявить в ходе археологического, палеоэтнографического, искусствоведческого изучения эквенских находок.

Рис. 6. Поселение Эквен, жилище Н-18. Раскопки Чукотской археологической экспедиции ГМВ. 2000 г.

#### Заключение

За пятьдесят лет, прошедших с начала археологических раскопок в Эквене, у истоков которых стояли С.А. Арутюнов, его учитель М.Г. Левин, коллега и близкий друг Д.А. Сергеев, был собран обширный вещественный материал об одной из самых ярких первобытных культур планеты. Результативность исследований эквенских древностей была во многом обусловлена тем, что в изучении памятника участвовали специалисты, представляющие различные области гуманитарных и естественных наук. «Комплексный подход» дал возможность открыть в нем такие пласты, которые трудно было бы обнаружить при проведении одних лишь археологических исследований. Данные археологов, палеоэтнографов, искусствоведов, палеоантропологов и палеоэкологов существенно дополняют друг друга, и поскольку у нас есть все основания





рассматривать эквенцев как достаточно типичную территориальную группу древних зверобоев Берингова пролива, выводы, полученные на основе комплексного изучения эквенских материалов, можно смело экстраполировать на другие древнеэскимосские сообщества Чукотки и Аляски.

Вероятно, именно это обстоятельство вызвало огромный интерес к эквенским находкам уже в первые годы работы экспедиции С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева. Сохранялся он и в дальнейшем, причем не

Рис. 7. «Искусство Эквена». Коллаж Н.С. Сурвилло

только у представителей академической науки. Начиная с 1993 г. изделия из кости, камня, дерева, найденные в Эквене, неоднократно экспонировались на выставках в нашей стране и за рубежом [см., напр., 9; 12; 15; 20]. Произведения эквенского искусства включены в постоянные экспозиции Государственного музея Востока (Москва) и Музейного центра «Наследие Чукотки» (Анадырь).



**Примечания:**

<sup>1</sup>Свой последний полномасштабный полевой сезон в Эквене Чукотская археологическая экспедиция ГМВ провела в 2002 г. Однако с 2003 г. сотрудники экспедиции, направляясь к основному объекту своих нынешних исследований — древнеэскимосскому поселению Пайпельгак на северном побережье Чукотки, ежегодно посещают Эквен. Здесь проводится сбор подъемного материала и образцов для радиоуглеродного анализа. Поскольку Эквенский могильник и поселение Эквен с 1990-х гг. включены в число историко-культурных памятников федерального значения, в 2011 г. были определены границы их культурного слоя с применением системы GPS.

<sup>2</sup>В 1961–1962 гг. помимо С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева непосредственное участие в раскопках принимал М.Г. Левин.

**Использованная литература**

1. Алексеева Т.И., Алексеев В.П., Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 3–64.
2. Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.
3. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.
4. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
5. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Вариативность изобразительных приемов древнеэскимосского искусства // Музей 2. М., 1981. С. 32–37.
6. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970–1974) // На стыке Чукотки и Аляски. М., 1983. С. 200–229.
7. Бронштейн М.М. Произведения древнеэскимосского искусства в собрании Государственного музея Востока // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М., 2001. С. 366–384.
8. Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М., 2001. С. 587–619.
9. Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Сухорукова Е.С. Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное. М. — Анадырь, 2007.
10. Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Савицкий А.Б., Хасанов Б.Ф. Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. М., 1996.
11. Alekseeva, T.I. Ancient and Modern Populations in Beringia: the Problem of Adaptation under Extreme Environmental Conditions // Archaeology in the Bering Strait Region. Research on Two Continents. Oregon, 2002. Pp. 319–325.
12. Arktische Waljager vor 3000 Jaren. Unbekannte sibirische Kunst. Mainz-Munchen, 1993.
13. Blumer, R. and Y. Csonka. Archaeology of the Asian Shore of Bering Strait. Swiss Contribution to the Third International Field Season // Jahresbericht 1997. Swiss-Liechtenstein Foundation for Archaeological Research Abroad. Zurich, 1998. Pp. 83–130.
14. Csonka, Y. Ekven — A Prehistoric Whale Hunters' Settlement on the Asian Shore of Bering Strait // Indigenous Ways to the Present: Native Whaling in the Western Arctic. Edmonton, 2003. Pp. 109–136.
15. Gifts from the Ancestors. Ancient Ivories of Bering Strait. Princeton, 2009.
16. Gullov, H.Ch. and R. McGhee. Did Bering Strait People Initiate the Thule Migration? // Alaska Journal of Anthropology. Volume Four, Numbers 1–2, 2006. Pp. 54–63.
17. Kozlovskaya, M.V. Early Eskimos of Chukotka: an Attempt of Bioarchaeological Reconstruction // Archaeology in the Bering Strait Region. Research on Two Continents. Oregon, 2002. Pp. 327–342.
18. Moulin B. and Y. Csonka. The Erosion Front at Ekven: a Srtatigraphic and Geoarchaeological Approach // Archaeology in the Bering Strait Region. Research on Two Continents. Oregon, 2002. Pp. 227–260.
19. Savinetsky A.B. Mammals and Birds Harvested by Early Eskimos of Bering Strait // Archaeology in the Bering Strait Region. Research on Two Continents. Oregon, 2002. Pp. 275–305.
20. Upside Down — Les Arctiques. Paris, 2008.





Михайлова Е.А. 2004

Е.А. Михайлова  
Музей антропологии  
и этнографии им. Петра Великого  
(Санкт-Петербург)

## Погребения ничком на Уэленском могильнике Чукотки

Открытие и исследование Уэленского и Эквенского могильников Чукотки явилось существенным прорывом в археологии, истории и этнографии северо-востока Азии и сопредельных территорий Северной Америки. Археологические раскопки 1955—1960 гг. (Уэлен) и 1961—1974 гг. (Эквен)<sup>1</sup>, последовавшая за этим масштабная работа по обработке, описанию и исследованию археологических материалов завершились большой серией публикаций, главными из которых остаются фундаментальные труды С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева «Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник)» и «Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник)» [1—2].

Данные, полученные в результате разносторонних исследований, позволили осуществить широкую и полноценную реконструкцию целого ряда фактов культуры эскимосов. В то же время многие общие и частные вопросы интерпретации опубликованных материалов и хранящихся в фондах МАЭ РАН коллекций Уэленского и



Эквенского могильников остаются открытыми и ждут своего рассмотрения. Так, большой интерес для понимания и первобытной, и этнографической культуры представляют отдельные нетипичные по ряду параметров погребения этих могильников, в частности, погребения ничком, которых до настоящего времени выявлено только два. В процентном отношении их доля составляет менее одного процента от всех погребений Уэленского и Эквенского могильников, характер труположения в которых может быть четко установлен.

Оба погребения ничком обнаружены на Уэленском могильнике экспедицией М.Г. Левина, С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева в 1957 и 1959 гг. В погребении 18(57) находился костяк женщины среднего возраста, в погребении 16(59) — костяк пожилого мужчины (рис. 1). Захоронения содержали погребальный инвентарь, позволяющий отнести их к древнеберингоморской археологической культуре — ДБК (см. рис. 2-5). Рассмотрим последовательно характеристики данных погребений в контексте общих представлений о погребальном обряде древних эскимосов северо-восточной оконечности Чукотки.

#### Устройство могил, ориентация и размещение на могильнике

Погребение 18(57) располагалось в грунтовой яме, ограниченной четырехугольной кладкой. Как отмечают С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев, «с трех сторон кладка состояла из китовых челюстей, длиной до 2 м, с четвертой — из камней» [1, с. 41]. Погребение 16(59) тоже лежало в грунтовой яме, но в отличие от захоронения 18(57) не имело могильных сооружений. Оба способа ингумации типичны для погребений древнеберингоморской культуры. Так, из 76 погребений, выявленных на Уэленском могильнике С.А. Арутюновым и его коллегами, большая часть могил имела погребальные сооружения и около трети захороне-



Рис. 1. Уэленский могильник, погребение 16(59). Раскопки М.Г. Левина, С.А. Арутюнова, Д.А. Сергеева. 1959 г.

ний были совершены в грунтовых ямах без погребальных сооружений. Приблизительно такая же картина наблюдалась и на Эквенском могильнике.

Относительно глубины залегания погребения 18(57) в монографии «Древние культуры азиатских эскимосов...» отмечается, что кладка данного захоронения «довольно больших размеров... с поверхности... не прослеживалась» [1, с. 41]. Эта информация позволяет сделать вывод о том, что погребение 18(57) находилось на глубине как минимум 0,5 м. Глубина залегания погребения 16(59) составляла 0,75 — 0,87 м [1, с. 57]. Таким образом, можно полагать, что оба погребения ничком были совершены на глубине, которая являлась для Уэленского могильника среднестатистической.

Что касается ориентации погребения 18(57) и его размещения на могильнике,



точных сведений об этом в публикациях нет. Ориентация погребения 16(59) известна: оно было ориентировано на юго-восток (рис.1), так же как весь ряд захоронений на этом участке могильника. Любопытно, что в этом ряду погребение 16(59) занимало крайнюю позицию, т.е. оно располагалось на периферии могильника, но не было отнесено за его пределы [1, с. 57].

Отметим еще одну примечательную особенность одного из рассматриваемых погребений. В засыпке погребения 18(57) находились крупные камни, которыми были раздавлены череп, грудная клетка и конечности захороненной в нем женщины [1, с. 41].

#### Позы погребенных

В погребении 18(57) «скелет лежал спиной вверх, с вытянутыми конечностями» [1, с. 41]. Такой же была поза костяка в погребении 16(59): костяк лежал спиной кверху в вытянутом положении [1, с. 56] (рис.1.) Вытянутое положение костяка — характерная поза для подавляющего большинства погребений Уэленского могильника. В вытянутом положении была погребена большая часть людей, похороненных в Эквенском могильнике. Однако все покойники, погребенные в этой позе и в Уэлене, и в Эквене — за исключением двух человек из рассматриваемых уэленских захоронений, — лежали или на спине, или в отдельных случаях на боку.

#### Погребальный инвентарь

В уэленском захоронении 18(57) обнаружены следующие изделия (они были выполнены из кости и лежали в основном в ногах скелета): два наконечника поворотного гарпуна, два наконечника стрелы, полозья от санок, мотыга и скребок-корытце. Под костяком, как отмечают С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев, были также найдены «отдельные истлевшие куски кожаной одежды» [1, с. 41].

Из перечисленных находок особый интерес представляют гарпунные наконеч-

ники. Согласно типологии древнеэскимосских гарпунов, первоначально предложенной Г. Коллинзом и затем существенно дополненной С.А. Арутюновым [см., напр., 1, с. 68—71], конструкция одного из наконечников может быть выражена формулой 2А2хМ3, другого — формулой 1ВУМ5 [1, рис. 26/31—32].

Наконечник гарпуна 2А2хМ3 с открытым гнездом для колка, двумя отверстиями для линя и двумя прорезями для каменных боковых вкладышей в плоскости, параллельной отверстиями для линя, со шпорой из трех симметрично расположенных бородок являлся, по определению С.А. Арутюнова и Д.А. Сергеева, «классическим древнеберингоморским типом» гарпунов [1, с. 72]. Он появился на ранней стадии развития ДБК и долгое время широко использовался носителями этой культуры.

Наконечник 1ВУМ5 с закрытым гнездом для колка, с одним отверстием для линя, с прорезью для концевого копьца в плоскости перпендикулярной отверстию для линя и с симметричной шпорой из пяти бородок относится к числу гарпунов, известных на всех этапах ДБК. Однако несколько необычный орнамент, выгравированный на данном наконечнике — он состоит преимущественно из прямых линий и коротких отрезков, — тяготеет, скорее, к ранним орнаментальным традициям древнеберингоморцев.

Погребальный инвентарь захоронения 16(59), который был значительно более разнообразным, чем в погребении 18(57), описан авторами монографии об Уэленском могильнике следующим образом. «Северо-восточнее черепа найдены наконечник копья, сложная составная подвеска, две заготовки наконечников гарпунов, ниже их — обломок китового позвонка, два наконечника стрел, наконечник гарпуна, обломок орнаментированной поделки, «крылатый предмет», сланцевое копьцо дротика, каменное копьцо стрелы, заго-



товка наконечника копья, наконечник копья; рядом два костяных наконечника стрел, ниже их — обработанный кусок кости, сложная подвеска, бабка-накладка, три бородки шатин. У левой голени и бедра найден колок, между бедер — наконечник стрелы, фрагментированный наконечник остроги со втулкой и еще один наконечник остроги. Юго-западнее обнаружены: наконечники гарпуна и багра, поделка из моржового клыка, обработанное ребро тюленя, два копьца дротиков, обломок горного хрусталя, колок, два наконечника гарпуна, «крылатый предмет», орнаментированная поделка, кусок обработанного рога, наконечник стрелы, наконечник багра, сложная подвеска; ниже их — наконечник копья, копьцо дротика, копьца стрел. В области таза найдены: наконечники стрел и остроги; в области спины, у лопаток — большой комплекс мелких поделок из моржового клыка: 10 гвоздевидных поделок, девять пуговиц, сложные подвески, орнаментированные поделки с двумя отверстиями, поделки с сетчатым орнаментом, 8-образные поделки, обломки поделок и звеньев сложных подвесок» [1, с. 56].

Обратимся к таким информативным находкам, как наконечники поворотного гарпуна. В погребении 16(59) обнаружено шесть подобных изделий [1, рис. 36/128—133]. Один из этих предметов представляет собой заготовку, и определить тип конструкции, которую мог бы иметь наконечник, изготовленный из нее, не представляется возможным.

Один наконечник, как справедливо отмечают С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев, является незаконченным, однако его конструктивный тип можно определить — 2А2МЗс(1—1) [1, с. 93, рис. 36/128]. Наконечник имеет открытое гнездо колка и одно отверстие для линия (второе отверстие явно предполагалось, но по каким-то причинам не было просверлено). У гарпуна



Рис. 2. Наконечник гарпуна. Погребение 16(59). Коллекция МАЭ РАН

имеются также две симметричные боковые бородки-зазубрины и симметричная шпора из трех бородок. Наконечники данного типа — достаточно редкий вариант древнеберингоморских гарпунов, представленный на Уэленском могильнике небольшим количеством экземпляров.

Конструкции остальных четырех полностью завершенных гарпунных наконечников — 2А2х2МЗ, 1ВУМЗ, 1ВХМЗ, 1ВХМЗ; один из них покрыт графическим орнаментом (рис. 2). Наконечники с формулой 2А2хМЗ, как отмечалось при описании аналогичного гарпуна из погребения 18(57), появились в раннем древнеберингоморье и могут считаться классическими для ДБК. Наконечники типов 1ВУМЗ и 1ВХМЗ максимально близки к упоминавшемуся выше гарпуну 1ВУМ5 из того же уэленского захоронения и отличаются только меньшим количеством бородок, а в случае с 1ВХМЗ — иным расположением





Рис. 3. «Крылатые предметы».  
Погребение 16(59). Коллекция МАЭ РАН

прорези для концевого копыцца: прорезь на гарпуне 1ВХМЗ располагается в параллельной плоскости отверстия для линия. Так же как гарпунные наконечники типа 1ВУМ5, наконечники 1ВУМЗ и 1ВХМЗ относятся к наиболее распространенным древнеберингоморским гарпунам.

В данном конкретном случае принадлежность одного из гарпунов 1ВХМЗ из погребения 16(59) к древнеберингоморской традиции дополнительно подтверждается характером его графического декора. Узор, выгравированный на этом наконечнике, относится к древнеберингоморскому орнаменту раннего типа, ДБК-I (рис. 2).

Согласно С.А. Арутюнову и Д.А. Сергееву наконечники конструкций 2А2х2МЗ и 1ВХМЗ сосуществовали друг с другом на этапе высокоразвитой древнеберингоморской культуры [1, с. 72]. Учитывая это наблюдение и принимая во внимание тот факт, что на одном из гарпунов 1ВХМЗ из

погребения 16(59) выполнен орнамент ДБК-I, можно предполагать, что рассматриваемое захоронение следует датировать переходным периодом от ранней стадии в эволюции древнеберингоморской культуры, ДБК-I, к стадии «высокого древнеберингоморья», ДБК-II.

Не исключено, что этим же отрезком времени датируется и описанное выше погребение 18(57), содержащее сходные по конструкции гарпунные наконечники, один из которых, как отмечалось, покрыт орнаментом, близким к ранней орнаментальной традиции ДБК.

Помимо наконечников в состав погребального инвентаря захоронения 16(59) входили другие детали древнеэскимосского гарпунного комплекса, несущие в себе ценную информацию — два «крылатых предмета» (рис. 3).

Стабилизаторы гарпуна, обнаруженные в данном погребении, имеют большие сквозные отверстия в центральной части под крыльями, что позволяет отнести их к выделенному С.А. Арутюновым и Д.А.



Сергеевым конструктивному типу А, характерному для стадий ДБК-I и ДБК-II [2, с. 153—171].

Один из «крылатых предметов» выполнен в классическом для типа А варианте и покрыт гравировкой ДБК-I. Второй стабилизатор, неорнаментированный, обладает уникальной конструктивной особенностью: у него две пары крыльев, расположенные одна под другой. Отмеченная выше принадлежность «крылатых предметов» из погребения 16(59) к типу А, характер орнамента на одном из них, а также небольшие размеры обоих стабилизаторов дают основание уверенно предполагать, что они тяготеют к кругу ранних древнеберингоморских форм.

Вывод о том, что погребение 16(59) относится к древнеберингоморской культуре, причем, как уже отмечалось, по-видимому, к одному из сравнительно ранних периодов в ее развитии, подтверждается также типом орнаментальной гравировки на остроге (центральном зубце шатины?) и на пластинах, найденных в данном археологическом комплексе. Узоры на этих изделиях идентичны орнаменту на наконечнике гарпуна и «крылатом предмете», т. е. относятся к стилю ДБК-I (рис. 4, 5б).

Наряду с такими находками, как детали гарпунного комплекса, наконечники копий, стрел, острог, которые сравнительно часто встречаются в древнеберингоморских погребениях, захоронение 16(59) содержало необычные изделия, требующие особых комментариев. Одно из них — резная гравированная пластина, напоминающая снеговые очки (рис. 5б). Пластина во многом схожа со снеговыми очками из погребения 14 Эквенского могильника [см. 2, рис. 51/2], однако в ней отсутствуют отверстия для глаз. Таким образом, перед нами предмет, который не имел обыденного предназначения.

Уникальный комплекс предметов располагался компактно в области лопаток скеле-



Рис. 4. Наконечник острога. Погребение 16(59). Коллекция МАЭ РАН

та: обломки тонких звеньев костяной цепочки (цепочек?), а также костяные пуговицы, пластины, многочисленные подвески. Три пластины из этого комплекса серповидной и полуовальной форм декорированы таким образом, что напоминают оскаленный рот или зубастую пасть (рис. 5а). Часть подвесок имеют более или менее близкие аналоги в подвесках, найденных в единичных экземплярах в древнеберингоморских погребениях Уэлена и Эквена, однако они никогда не встречались в таком количестве и расположенными компактной группой.

Совершенно специфический характер носят подвески из двух звеньев (рис. 6). Наиболее близким аналогом этих предметов представляются т.н. swivel (вертлюг, шарнирное соединение), известные по раскопкам Ипиутакского могильника на Аляске.

Характерные для культуры ипиутак необыкновенные, неутилитарные предметы,



искусно вырезанные из кости, — различные виды swivel, резные ажурные изделия, цепи, декоративные элементы соединения цепей и связанные в цепи предметы, резные стержни и декоративные кинжалы и наконечники стрел — были найдены именно и только (за редкими исключениями) в поверхностных погребениях Ипиутакского могильника. Лишь несколько экземпляров незаконченных предметов такого рода обнаружены в жилищах на поселении Ипиутак [14, с. 149].

Х. Ларсен и Ф. Рейни интерпретировали все перечисленные выше предметы как шаманские регалии [14, с. 149], а поверхностные погребения Ипиутака как погребения, принадлежавшие представителям особой социальной группы — возможно, шаманам, или по более осторожной оценке — персонам высокого социального статуса [14, с. 60]. Существенным возражением этим суждениям служит слишком большое количество погребений рассматриваемого типа на Ипиутакском могильнике: 79 из 138 [14, с. 58].

### Выводы

Рассматриваемые уэленские погребения 18(57) и 16(59) в целом — за исключением позы погребенных — не представляют собой исключения из общего контекста древнеэскимосских погребений северовосточной оконечности Чукотки. Конструкции гарпунных наконечников, «крылатые предметы», характер графического орнамента на изделиях из кости позволяют достаточно определенно говорить о принадлежности обоих захоронений к древнеберингоморской культуре — по-видимому, к переходному периоду от ее ранней стадии к средней.

Инвентарь захоронений, несмотря на заметные различия в количестве предметов, носит достаточно типичный характер. Подобным инвентарем сопровождалась обычно погребения людей зрелого возрас-

та, которые несли на своих плечах все тяготы хозяйственной деятельности морских арктических зверобоев и занимали достойное, но несколько усредненное положение в обществе.

Вместе с тем обнаруженный в погребении 16(59) комплекс изделий из кости, имевших, вероятно, культовое назначение, позволяет высказать предположение, что пожилой мужчина, который был в нем захоронен, выполнял определенные ритуальные функции. Предположение о том, что этот человек мог быть шаманом, не противоречит наличию в захоронении многочисленных орудий охоты. Согласно этнографическим материалам, собранным на Чукотке в конце XIX — начала XX в., практикующий шаман не был отделен от хозяйственной и промысловой деятельности коллектива [3, с. 182].

Тот факт, что многие из культовых предметов, найденных в погребении 16(59), располагались компактно в области лопаток скелета, указывает на то, что они могли быть нашиты или прикреплены каким-то другим образом к одежде в виде подвесок. Это вызывает ассоциации с известными по этнографическим данным шаманскими костюмами некоторых народов Сибири. Однако исходя опять-таки из данных этнографии мы знаем, что именно у эскимосов шаманского костюма как такового не было. Большинство эскимосских племен Северной Америки имело представление о специальном наряде для шаманских занятий, но этот наряд нередко сводился к кожаному поясу с прикрепленными к нему бахромой и маленькими фигурками из кости [15, с. 114]. Что касается азиатских эскимосов, то у них существовала такая традиция, как ритуальная нагота [3, с. 203].

Не было зафиксировано этнографами и специфической формы погребения для шаманов у эскимосов Чукотки [8, с. 211]. В то же время мы можем достаточно опреде-





ленно говорить о том, что азиатские эскимосы, как это имело место у многих других народов, нетерпимо относились к шаманам, совершавшим преступления против людей. По сообщению Т.С. Теина, «шаман, совершивший такое преступление, уничтожался». Даже умерший или убитый шаман с неадекватным поведением представлял существенную угрозу для общины и отдельных ее членов: «уничтоженный ими шаман становился извечным врагом той патриархально-семейной общины, которая умертвила его. И этот шаман с того света старался наказать своих убийц» [11, с. 227].

В свете этих данных рискну предположить, что в уэленском погребении 16(59) мог быть захоронен именно такой шаман. Поза погребенного лицом вниз, возможно, была обусловлена тем, что данный человек каким-то образом преступил законы своих соплеменников и по этой причине был похоронен необычным способом.

Было ли второе погребение ничком на Уэленском могильнике тоже шаманским? Погребальный инвентарь захоронения

Рис. 5 (а-б). Серповидная пластина (а), пластина в виде снеговых очков (б). Погребение 16(59). Коллекция МАЭ РАН

18(57) дает, скорее, отрицательный ответ на этот вопрос. Однако стоит вспомнить о том, что в засыпке данного погребения были крупные камни, раздавившие костяк захороненной в нем женщины. Не исключено, таким образом, что эти камни, так же как и поза погребенной, указывают на ее особое положение, на принадлежность к категории людей, которые нарушали общепринятые нормы поведения и представляли опасность для социума не только при жизни, но и после смерти. Можно также высказать предположение, что у древних эскимосов, оставивших Уэленский могильник, существовал некий специфический погребальный обряд, в основе которого лежали архетипические представления об особом пути в мир мертвых и особом месте в этом мире для людей, преступивших закон. Возможно, после смерти такого человека древние обитатели Уэ-





Рис. 6. Подвески из двух звеньев.  
Погребение 16(59). Коллекция МАЭ РАН

лена совершали определенные ритуальные действия, призванные защитить социум от опасного влияния покойника.

Косвенными аргументами в пользу высказанных выше соображений являются археологические данные о погребениях ничком, полученные в других, удаленных от Чукотки ареалах. На территории Сибири это погребение в пади Гаранькин Лог, относящееся к XVIII—XIII вв. до н. э., и погребение 5 в Усть-Уде несколько более позднего шиверского этапа [9, с. 316]; погребение на Кокэльском могильнике гунно-сарматского времени [5, с. 149]; погребение афанасьевского времени на Алтае в урочище Куюм [6, с. 56]. Вероятно, изучение обширной археологической литературы прибавило бы еще несколько фактов к этому небольшому списку, однако и названные примеры с очевидностью свидетельствуют о том, что захоронения ничком

— это всегда единичные и исключительные погребения. На Кокэльском могильнике из 470 погребений только одно содержало погребение женщины в положении лицом вниз [5, с. 149]. Как исключительные трактуется захоронения ничком в могильниках глазковского времени и А.П. Окладников [9, с. 316].

Количественное соотношение погребений лицом вверх и лицом вниз убедительно свидетельствует о том, что захоронение ничком являлось отклонением от общепринятого обряда и практиковалось в исключительных случаях по отношению к определенным персонам. Здесь резонно обратиться к этнографическим материалам, трактующим причины такой исключительности.

По сообщению Г.М. Василевич, лицом вниз, в землю, хоронили самоубийц у некоторых групп эвенков [5, с. 150]. Такой же способ погребения самоубийц описывается в якутских легендах [4, с. 188, 191; 7, с. 155—156]. У некоторых племен Дакото



ты в Северной Америке самоубийцу погребали лицом вниз, головой на юг и с куском пакли во рту [13, с. 108].

Особо хочется отметить, что, согласно данным этнографии, ничком нередко хоронили шаманов. Так поступали якуты с опасными «злыми» шаманами [4, с. 8—9; 10, с. 52]. У бурят, по сообщению Д.А. Клеменца и М.Н. Хангалова, если черный шаман или шаманка совершали служение «восточным тэнгриям» или же среди народа распространялся слух, что черный шаман или шаманка напускали на людей болезнь или съедали у кого-нибудь душу, то они подвергались страшной казни. Их за-

капывали живыми вниз головой в специально вырытую яму, прижимая лицо к земле, и засыпали землей для того, чтобы ни одна из душ шамана или шаманки не вырвалась на волю и не получила возможности вредить людям [12, с. 152]. В этнографической литературе есть и другие примеры, когда шаманов хоронили лицом вниз.

Подводя общий итог описанию погребений ничком на Уэленском могильнике, можно уверенно говорить о том, что исследование данных археологических комплексов существенно расширяет современные представления об обычаях и обрядах древних эскимосов Чукотки.

#### Примечание:

<sup>1</sup>В 1987—1995 гг. раскопки Эквенского могильника продолжала Чукотская археологическая экспедиция Государственного музея Востока, научным руководителем которой был С.А. Арутюнов. — *Прим. ред.*

#### Использованная литература

1. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.
2. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
3. Вдовин И.С. Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX — начала XX вв.). Л., 1981.
4. Геккер Н.Л. Три якутские могилы // Изв. якутского отдела РГО. Т. XXVI. № 4—5. Иркутск, 1896.
5. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.
6. Киселев С.В. Древняя история южной Сибири. М., 1951.
7. Константинов И.В. Материальная культура якутов 18-го века. Якутск, 1971.
8. Крупник И.И. Похоронная обрядность / Эскимосы / Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.
9. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 43. Часть №. М.-Л., 1955.
10. Пекарский Э.К., Попов Н.Н. Среди якутов. Очерки по изучению Якутского края. Вып. 2. Иркутск, 1928.
11. Теин Т.С. Шаманы Сибирских эскимосов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
12. Хангалов М.Н., Клемнц Д.Н. Общественные охоты у северных бурят (*зэгэтэ-аба* — охота на росомах). МЭР. Т. 1. 1910.
13. Jarrow H.C. A further contribution to the study of the mortuary customs of the American Indians. Washington, 1884.
14. Larsen H., Rainey, F. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 42. 1948.
15. Rasmussen K., Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos // Report of the Fifth Thule Expedition. 1921-24. Vol. 7 № 1. 1929.





Е.С. Сухорукова  
Государственный музей Востока  
(Москва)

## Эволюция древне- берингоморского орнамента и приемы его цветового акцентирования

Художественная традиция древнеберингоморской культуры, существовавшей в I тыс. н. э. на побережье Чукотского полуострова и островах северной части Берингова моря, относится к одному из ярких явлений в истории не только арктического, но и мирового традиционного искусства. Своеобразные, богато декорированные изделия из моржового клыка и оленьего рога уже давно привлекают внимание специалистов. В отечественной науке одно из ведущих мест в изучении древнеберингоморской культуры, безусловно, принадлежит Сергею Александровичу Арутюнову. С его именем связаны исследования двух крупнейших на азиатском континенте, хрестоматийных в арктической археологии памятников древнеберингоморья — Уэленского и Эквенского могильников. Богатый изобразительный материал, полученный в результате раскопок Уэлена и Эквена, является базовым в изучении древнеберингоморского искусства. В объемных монографиях по материалам



Уэлена и Эквена, выпущенных в соавторстве с Дорианом Андреевичем Сергеевым, и множестве других публикаций Сергей Александрович не раз обращался к проблемам древнеэскимосского и, в частности, древнеберингоморского художественного творчества [См., напр., 1, с. 170—184; 2, с. 172—183].

В декоре древнеберингоморских изделий нашли зримое воплощение религиозно-мифологические представления их создателей — древних морских зверобоев, обитателей арктических побережий. Древнеберингоморское искусство известно нам лишь с момента своего наивысшего расцвета — уровень исполнения наиболее древних из дошедших до нас образцов свидетельствует о накоплении опыта не одним поколением резчиков. В основе принципов декорирования лежала уже давно сложившаяся, обусловленная традицией система, логику которой нам еще предстоит понять: семантика конкретного изделия диктовала смысловое содержание его художественного оформления, принятая стилистика подразумевала определенный набор изобразительных приемов общего оформления и композиционных штампов в передаче конкретных образов и сюжетов.

Декор древнеберингоморских изделий основан на оригинальном пластическом оформлении поверхности и последующей гравировке. Своеобразные, тщательно проработанные, микродетализированные орнаментальные гравированные композиции долгое время являлись главным объектом интереса исследователей, и в настоящее время это наиболее изученная сторона древнеберингоморского искусства. Тем не менее некоторые данные заставляют вернуться вновь к проблеме древнеберингоморской орнаментации. Речь идет об использовании

инкрустации и красителей в декоре изделий — фактах, известных специалистам<sup>1</sup>, но ранее не отмеченных должным вниманием. Между тем эти изобразительные приемы, являясь существенными составляющими финальной отделки предметов, дополняли декоративный эффект гравированных композиций, а в некоторых случаях обуславливали технологические особенности декора. Приведенные в настоящей статье данные, основанные на исследовании части эквенских находок, хранящихся в фонде «Археология Чукотки» Государственного музея Востока, позволяют скорректировать наши представления о внешнем облике древнеберингоморских изделий. Систематизация обнаруженных фактов показывает, что приемы цветового акцентирования декора менялись, и процесс этот связан с эволюцией древнеберингоморского орнамента.

В древнеберингоморском искусстве выделяют три основных типа орнамента, соответствующие трем, хронологически последовательным художественным традициям — раннего (ДБК-I), среднего (ДБК-II) и позднего (ДБК-III) древнеберингоморья. Объем настоящей статьи не позволяет останавливаться на проблеме эволюции древнеберингоморского искусства в целом, которая остается спорной. Позиция автора была изложена ранее [6] и заключается в том, что эквенский материал позволяет рассматривать эволюцию древнеберингоморского искусства начиная с этапа ДБК-II как цепь последовательной трансформации единой художественной традиции. Не отрицая хронологического первенства традиции ДБК-I, автор пока не находит достаточно убедительных данных, чтобы с уверенностью поставить ее в начало этой цепи.

Систематизация всей совокупности эквенских художественных изделий поз-





Рис. 1. Зооморфное изделие. Эквенский могильник. Коллекция ГМВ, инв. № 133 Др-IV

воляет конкретизировать специфику изобразительного искусства разных этапов древнеберингоморья, которая проявляется в особенностях стилистики изображений и пластического оформления поверхности, в пантеоне образов, в наборе категорий декорируемых предметов и т. п., но наиболее ярко в орнаментации. Формально-стилистический анализ изделий, соотношения пластики и гравировки в передаче образов, приводит к убеждению, что специфика древнеберингоморских орнаментальных традиций заключается не только в типе орнаментации и наборе ее элементов. Вероятно, нам никогда не удастся полностью постичь глубинный семантический смысл древнеберингоморской орнаментации — в частности, микроскопических, еле различимых невооруженным глазом деталей, создающих ритм орнамента. Но мы можем про-

следить последовательный процесс вырождения орнаментальной традиции как знаковой системы, приводящий к изменению роли орнамента в общей композиции декора. Параллельно с этим меняются и приемы цветового акцентирования орнамента — инкрустация и применение красителей.

«Золотой век» орнаментальной традиции, безусловно, приходится на два первых известных нам этапа древнеберингоморской культуры — ДБК-I и ДБК-II (см. рис. 4). Соответствующие художественные традиции имеют существенные отличительные признаки, в том числе в деталях орнамента, однако принятые в эти периоды стилистические приемы оформления изделий сходны. Поверхность в большинстве случаев делится на выраженные композиционные зоны, подчеркнутые рельефом, нередко ограниченные глубокими прорезями и заполненные самостоятельными орнаменталь-



ными композициями. Общими чертами также являются особая тщательность, детализированность орнаментальной отделки и активное использование инкрустации. В большинстве своем орнаментальные композиции ДБК-I и ДБК-II включают концентрические окружности, часть из которых дополнена просверленными отверстиями. В некоторых отверстиях сохранились вставки-штырьки из моржового клыка, оленьего рога, дерева. Время нивелировало общую цветовую гамму изделий, но в древности цвет вставок должен был, очевидно, выделяться на светлом фоне кости, акцентируя наиболее важные в семантике изображения точки. Сохранившиеся фрагменты деревянных вставок на головке гарпунного древка из эквенского погребения 250 позволяют думать, что инкрустация предполагалась и в продольных разграничительных пазах. Декоративный эффект орнаментальных композиций усиливался заполнением линий гравировки пигментами. Трудно сказать, был ли этот прием обязательным правилом — в некоторых случаях линии орнамента едва намечены, но он, безусловно, имел широкое распространение. Можно предположить, пока очень осторожно, за неимением в настоящее время более обширной базы фактов, что приемы выделения гравировки в ранних художественных традициях были различны (рис. 1—2)<sup>2</sup>. В коллекции Государственного музея Востока автором обнаружено 19 убедительных образцов древнеберингоморских изделий ранних периодов с фрагментами пигмента в гравировке. При этом все изделия с орнаментацией ДБК-I (6 предметов) содержат пигмент только красного цвета, в образцах же с орнаментацией ДБК-II в шести случаях встречено сочетание красного и черного. Наилучшим образом пигменты сохранились в зоо-

морфном изделии из эквенского погребения 222 (рис. 2), в гравировке которого более глубокие линии, обозначающие основные элементы композиции, заполнены красным пигментом, а тонкие вспомогательные — черным. Одним из отличительных признаков орнамента ДБК-II является так называемая прерывистая линия, когда линия гравировки прочерчивается с неравномерным нажимом. Данный образец, на взгляд автора, достаточно убедительно демонстрирует технологическую обусловленность этой детали, практически незаметной для невооруженного глаза, но логичной для обеспечения хорошего сцепления пигмента с поверхностью кости.

Художественная традиция позднего древнеберингоморья, ДБК-III, стилистически существенно отлична от более ранних (см. рис. 4). Серия изделий из коллекции Государственного музея Востока, стилистику которых можно охарактеризовать как переходную, ДБК-II-III, убеждает, что процесс эволюции древнеберингоморского искусства в этот период носил характер последовательной трансформации.

В оформлении ранних изделий орнаментальная гравировка вписывалась в конфигурацию выделенных зон, из которых складывалась общая композиция декора. Конкретизация образов осуществлялась пластическими средствами. Орнамент мог включать элементы, которые одновременно являлись деталями фигуративных изображений — обычно это были окружности (как вариант — овалы), обозначающие глаза животного или семантически важные точки. Но при этом каждая орнаментальная композиция, изъятая из общего контекста, выглядит самодостаточной и носит, с точки зрения современного человека, абстрактный характер.





Рис. 2. Зооморфное изделие. Эквенский могильник. Коллекция ГМВ, инв. № 111 Др-IV

В переходный период пластика и гравировка все чаще являются равноправными изобразительными приемами в передаче конкретного образа. Постепенно исчезает дробность композиций, микродетализация орнамента теряет свое значение.

В гравировке декора изделий позднего древнеберингоморья мы наблюдаем, по сути, уже не орнамент, а стилизованные, орнаментализированные сюжетные композиции. К сожалению, автору пока не удалось обнаружить фактических данных о применении пигментов в искусстве ДБК-III. Но вероятнее всего, этот прием не утратил своей актуальности. Возможно, именно последующей окраской обусловлена типичная для этого времени особенность гравировки, когда изображение обозначается сплошными и пунктирными параллельными линиями — за-

полненные пигментом, зрительно они должны были производить впечатление целого и эффектнее выглядеть на поверхности.

Со снижением семантической функции и упрощением орнамента меняется характер инкрустации костяных изделий. С одной стороны, можно заметить, что инкрустационные отверстия, дополняющие гравированные композиции, уменьшаются в размерах, а то и вовсе заменяются небольшими углублениями, не предполагающими вставок. С другой стороны, инкрустация все чаще выступает в роли единственного декоративного элемента. Видимо, в связи с этим разнообразнее становится форма и материал инкрустационных вставок. В качестве одного из примеров можно привести уникальный экземпляр нашивной бляхи с инкрустацией железом из эквенского погребения № 303 [3, кат. № 429, фотография на с. 156]. Любопытно, что только в поздние периоды древнеберингоморцы использу-





ют в своем творчестве камень, в том числе для инкрустации.

Тенденция ко все большей лаконичности художественного оформления изделий, которая прослеживается в стилистике позднего древнеберингоморья, приводит к новым принципам декорирования. «Весь имеющийся у нас материал позволяет проследить в деталях лишь нисходящую, но никак не восходящую ветвь развития древнеэскимосского искусства. ...Можно проследить постепенный упадок, декаданс и вырождение... искусства орнамента», — отмечали С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев [2, с. 178]. Этап ДБК-III считается финальным для древнеберингоморской культуры. В то же время исследователи сходятся во мнении о генетическом родстве древнеберингоморья и раннепунукской культуры, бытовавшей наряду с культурой бирнирка на территории Чукотки в последующий за древнеберингоморьем период. Сопоставление раннепунукских и древнеберингоморских об-

Рис. 3. Детали гравировки с фрагментами пигментов. Зооморфное изделие. Инв. № 111 Др-IV

Макросъемка Е.Ю. Гири

разцов убеждает, что графический декор, который принято считать раннепунукским типом орнамента, является не орнаментом, а сюжетными изобразительными композициями — аналогичными древнеберингоморским, только крайне схематичными [5] (см. рис. 4). И аналогично древнеберингоморским они дополнены инкрустацией и пигментами: на светлом фоне кости композиции из одинарных гравированных линий и точечных отверстий выделяются при помощи черного пигмента и миниатюрных вставок из китового уса [3, кат. №75, фото на с. 114]. Продолжая в целом изобразительную традицию древнеберингоморья, искусство раннего пунука полностью отказывается от орнаментации, являясь логичным завершением эволюции древнеберингоморской орнаментальной традиции.



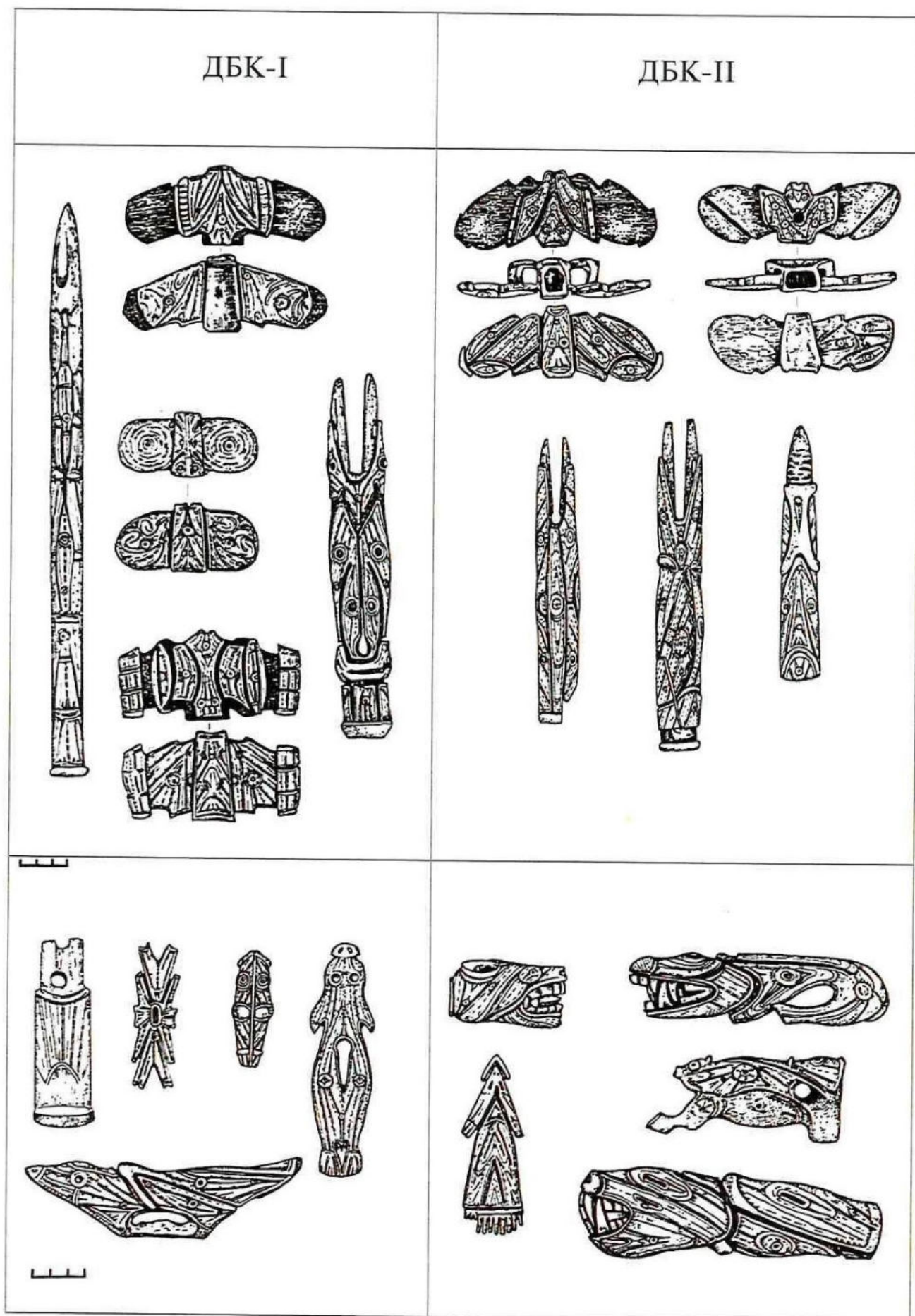


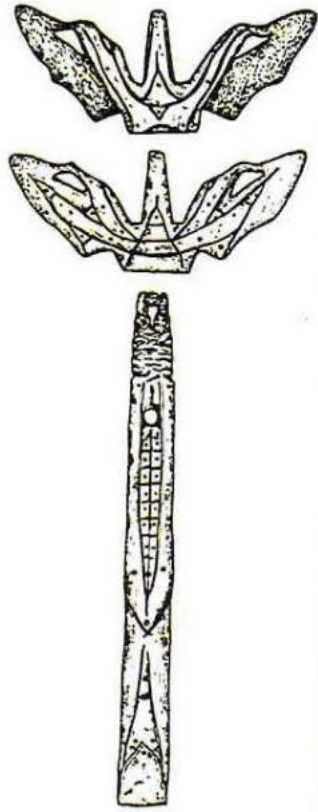





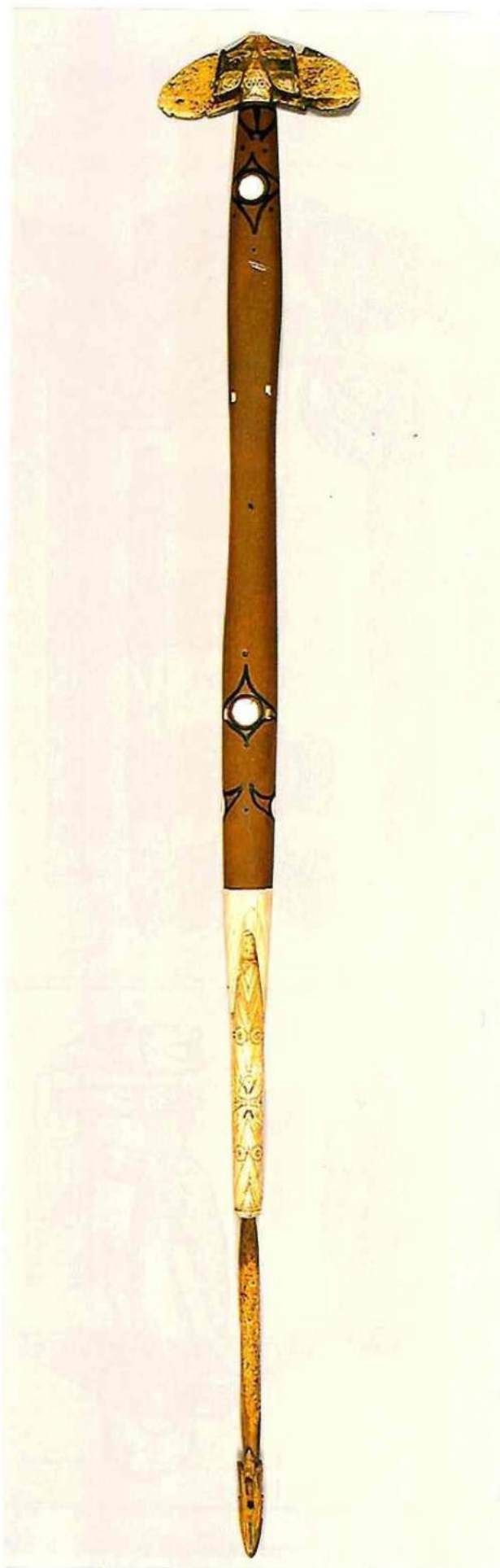
Рис. 4. Таблица древнеэскимосских орнаментальных мотивов. Орнаменты ДБК-I и ДБК-II



ДБК-II-III	ДБК-III	Ранний Пунук
		
		

Орнаменты ДБК-II-III, ДБК-III, Ранний Пунук





В поле зрения исследователей древнеэскимосского искусства попадают преимущественно изделия из моржового клыка и оленьего рога. Спектр используемых в художественном творчестве материалов, конечно же, был гораздо шире. К сожалению, наши возможности представить древнеберингоморскую изобразительную традицию во всей совокупности проявлений ограничены избирательной сохранностью материалов.

Тем не менее отдельные находки позволяют реконструировать некоторые ее звенья. В частности, можно утверждать, что традиция орнаментальной отделки с использованием инкрустации и красителей распространялась и на декор деревянных изделий. Отдельные находки деревянных предметов, довольно ветхих и деформированных, но со следами красной краски на поверхности и инкрустированных вставками из зуба моржа, известны давно. Скопления аналогичных вставок, так называемых «гвоздевидных предметов», типичны для погребальных комплексов времени ДБК-I и ДБК-II. Уникальная по сохранности находка, в настоящее время единственная в мире, хранящаяся в Чукотском районном музее поселка Лаврентия [4], позволила представить декор деревянных древнеберингоморских изделий воочию. Она представляет собой практически целое древко гарпуна с насаженным на него «крылатым предметом», оформленным в стилистике ДБК-II.

На иллюстрации можно видеть реконструкцию древнеберингоморского гарпуна в сборе, выполненную по аналогии с этой находкой (рис 5). Выше бы-

Рис. 5. Гарпун. Древние эскимосы, I тыс. н.э. Коллекция Чукотского районного музея (п. Лаврентия)



ло высказано осторожное предположение о типичности для художественной традиции ДБК-II использования красителей двух цветов — красного и черного. Возможно, не случайно аналогично

цветовое оформление деревянного древка: окрашенное в красно-бурый цвет, оно расписано черным орнаментом и инкрустировано светлыми костяными вставками.

### Примечания

<sup>1</sup>Сведения о различного рода инкрустационных вставках встречаются достаточно часто, но исключительно как упоминание факта при формальном описании изделий. Вопрос о применении красителей частично затронут в работе Я. Менъера. Автор, суммируя сведения различных исследователей, отмечает факт использования красного и черного пигментов в декоре древнеэскимосских, и в том числе древнеберингоморских, изделий, но акцентирует внимание на семантической, а не декоративной функции этого приема [7, с. 42—43].

<sup>2</sup>Произведения древнеэскимосского искусства, которые представлены на рис. 1 и 2, можно уверенно отнести к числу наиболее ярких экспонатов, хранящихся в фонде «Археология Чукотки». Одно из них — скульптурная композиция с типичным орнаментом раннего древнеберингоморья (рис. 1) — было обнаружено в погребении 255 Эквенского могильника. Вторая скульптура, покрытая графическим декором, характерным для среднего древнеберингоморья (рис. 2), происходит из эквенского погребения 222. Погребение 255 обнаружено Чукотской археологической экспедицией ГМВ в 1989 г. Погребальный инвентарь данного захоронения, помимо рассматриваемого в статье Е.С. Сухоруковой произведения, включал в себя другие высокохудожественные изделия из моржового клыка — миниатюрную скульптуру нерпы, «крылатый предмет», наконечники гарпуна (см., напр., *Arktische Waljager vor 3000 Jahren. Unbekannte sibirische Kunst. Mainz-München, 1993. С. 96, 116, 118, 178-179*). Захоронение 222 было выявлено археологической экспедицией ГМВ в 1987 г., когда непосредственное участие в ее работе в Эквене принимал С.А. Арутюнов. Среди других произведений искусства из моржового клыка, входивших в состав данного погребального комплекса, особого внимания заслуживают рукоять мотыги, миниатюр-

ные орнитоморфные скульптуры, ритуальный гребень (см., напр., там же, с. 153-154, 191, 197). (Прим. ред.).

### Использованная литература

1. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М. 1969. С. 170—184.
2. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М. 1975. С. 172—183.
3. Бронштейн М.М., Днепровский К.А., Сухорукова Е.С. Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное. М.-Анадырь, 2007.
4. Днепровский К.А. Стандарты и модули древнеэскимосского гарпуна. Гарпунный комплекс из Чукотского районного музея пос. Лаврентия // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005. С. 134—142.
5. Сухорукова Е.С. К вопросу о бирнирско-пунукской художественной традиции в древнеэскимосском искусстве на Чукотке // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005. С. 142—150.
6. Сухорукова Е.С. Художественные изделия из Эквенского могильника и проблема эволюции древнеберингоморского искусства // М.М. Бронштейн, К.А. Днепровский, Е.С. Сухорукова. Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное. М.-Анадырь, 2007. С. 48—59.
7. Meunier Yannick. Le décor du harpoon esquimau // Etudes Canadiennes. № 32. 1992. Pp. 35—55.





**К.А. Днепровский, Н.В. Лопатин**

Государственный музей Востока,  
Институт археологии РАН  
(Москва)

## Методика исследования поселений в условиях вечной мерзлоты

*(по материалам древнеэскимосских  
памятников Чукотки  
Эквена и Пайпельгака)*

Полномасштабные археологические раскопки древних поселений на Крайнем Севере организуются в нашей стране нечасто. Это связано как с труднодоступностью таких памятников, так и с техническими сложностями проведения работ в вечной мерзлоте. Древнеэскимосские жилые памятники на Чукотке исследовались и ранее, однако, как правило, по достижении уровня вечной мерзлоты работы останавливались [1; 3]. По этой причине опыт Чукотской археологической экспедиции Государственного музея Востока (Москва) и Музейного центра «Наследие Чукотки» (Анадырь), которая в течение многих лет проводит подобные исследования, заслуживает, с нашей точки зрения, внимания<sup>1</sup>. Наши соображения об оптимальной методике раскопок в вечной мерзлоте могут быть интересны не только тем, кто планирует работы в аналогичных условиях, но также всем, кому небезразличны проблемы применения стандартных приемов археологических работ к памятникам различного характера.





**Внешний вид остатков древнеэскимосских поселений и жилищ, сбор подъемного материала, выбор объекта раскопок**

Древние эскимосы — оседлые морские зверобои — селились на удобных для своего промысла берегах океана, то есть в таких местах, где удобно было наблюдать за морем и легко выйти в море на байдаре или каяке. Практически на всех таких местах побережья Чукотки в настоящее время обнаруживаются остатки поселений. Их можно заметить по остаткам жилищ — неровностям поверхности, из которых нередко видны кости кита, использовавшиеся в качестве строительного материала. Китовые кости выступают на поверхность как на неповрежденных объектах, так и в особенности на подмываемых морем.

Распространено мнение о том, что в эпоху неолита и раннего металла жилища эскимосов и береговых чукчей были «полуподземными». Часто, в том числе в этнографических описаниях, они именуются землянками. Раскопки двух жилищ, осуществленные нашей экспедицией, показали, что это

Рис. 1. Расчистка культурного слоя на Пайпельгаке

не вполне точно. Жилища возводились на древней дневной поверхности, и лишь входной коридор мог быть углублен ниже уровня пола. Стены жилищ, однако, снаружи были заложены большими объемами грунта, в том числе кусков дерна, в результате чего жилища имели, вероятно, вид всхолмлений, как бы вырастающих из земли.

В настоящее время остатки таких всхолмлений часто имеют вид невысокого кольцевидного вала, поскольку на месте жилого помещения грунт проседает глубже, чем на местах окружающих его стен. В случае если обвалились также перекрытия входного коридора, последний может быть тоже хорошо виден на поверхности в виде разрыва земляного кольца. Именно такую картину можно наблюдать на нескольких жилищах поселения у с. Инчоун, где остатки коридоров направлены в сторону понижения склона, в том числе в некоторых случаях противоположную морю. Отсутствие просевших центральных частей на остатках жилых объ-



ектов может свидетельствовать о том, что они использовались вторично либо были заполнены намывами или другими природными отложениями.

Представительный подъемный материал на месте будущих раскопок может быть собран, по нашим наблюдениям, только в тех случаях, когда на поселениях имеются объекты, нарушенные эрозией береговой линии, а также другими природными или антропогенными воздействиями. Как показал опыт наших исследований, в жилищах, не подвергшихся разрушению, наибольшее количество находок сосредоточено внутри жилых помещений на уровне пола.

Если необходим “чистый” объект, не осложненный многократными реконструкциями и наложениями друг на друга разновременных жилищ и хозяйственных сооружений, то до начала раскопок он должен иметь четко ограниченные края, а по центру следы проседания перекрытия (седловины) и торчащие наружу китовые кости — остатки опорных столбов и каркасов стен.

#### **Планирование и разбивка раскопа на месте жилища. Начало раскопок с нижней точки обшей площади будущего раскопа**

Накопленный нами опыт свидетельствует, что жилище, расположенное в вечной мерзлоте, необходимо исследовать несколько полевых сезонов. Жилище на Эквенском поселении исследовалось шесть полевых сезонов. Изучение заложенного в 2002 г. пайпельгакского раскопа, в котором обнаружены четыре разновременных жилых структуры, продолжается и поныне. Теоретически можно представить себе раскоп, заложенный на значительной площади одновременно и захватывающий целое жилище. Однако и в этом случае изучить всю толщу культурного слоя в условиях вечной мерзлоты за один сезон невозможно. Особо следует отметить, что применяемая в других условиях шурфовка жилых памятников раскопами в

1 кв. м или 2 x 2 м в условиях вечной мерзлоты недопустима. В этом случае дно шурфа постоянно находится в тени и мерзлота практически не тает. Достичь в шурфе материка или просто значительной глубины, как правило, не представляется возможным.

Раскоп следует начинать с площади в 16—32 кв. м, увеличивая его от сезона к сезону и поддерживая отдельные участки на разном уровне. Это позволяет добиваться относительного осушения более высоко расположенных участков раскопа. Выведение большей части раскопа на единый уровень необходимо на стадии нижнего горизонта жилища, где наилучшим образом проявляется его планировка. В верхних горизонтах, в которых многочисленны хаотично расположенные детали завала кровли и стен, единый уровень раскопа не столь важен.

В интересах поддержания основной части раскопа в сухом состоянии нужно начинать работы с участка, расположенного наиболее низко по высотным отметкам. Этот участок впоследствии должен служить дренажным колодцем, из нижней точки которого отводится дренажная траншея, куда вода идет самотеком или выкачивается. В Пайпельгаке первоначальный участок А площадью 4 x 4 м и выведенная из него до обрыва берега траншея хорошо отводила талую воду из раскопа площадью 96 кв. м на протяжении четырех полевых сезонов (рис. 3).

Если дренаж самотеком осуществить невозможно, как это было в эквенском жилище Н-18, то приходится вычерпывать воду из колодца, сооруженного на раскопанной площади. Такой колодец постоянно углубляется по мере оттаивания мерзлоты на его дне и углубления раскопа.

#### **Опережающее снятие дерна**

Важным техническим моментом раскопок памятников данного типа является опережающее снятие дерна, который служит теплоизолирующей оболочкой культурного





слоя. На обычном задернованном участке в Эквене и Пайпельгаке горизонт вечной мерзлоты залегает на глубине около 0,4 м. Наш опыт свидетельствует о том, что если снять дерн на участке, планируемом к раскопкам в следующем сезоне, то оттаивание мерзлоты в летний период происходит на глубину до 0,6—0,7 м, что позволяет исследовать более значительную часть культурных отложений.

#### **Главная особенность археологизации данного типа памятников**

Работая на Чукотке, мы неоднократно убеждались в том, что в древнеэскимосских жилищах сохраняется значительное количество строительных остатков. Это не только уровни пола из горизонтальных бревен, костей или каменных плит, но, прежде всего, столбы из плавникового дерева и костей кита, находящиеся в первоначальном вертикальном положении, а также завалы других остатков, опирающихся на них. В некоторых случаях сохраняются фрагменты небольших горизонтальных перекрытий: например, пе-

*Рис. 2. Переносим треногу из "плавника" — без ветра было бы легче*

рекрытие входного коридора жилища, исследуемого в Пайпельгаке, и перекрытие коридора, обнажившегося на поселении Эквен в результате обрушения береговой линии.

Сохранение вертикального положения столбов объясняется тем, что они с самого начала были углублены в слой вечной мерзлоты, без оттаивания которой изъять или повалить эти конструктивные элементы практически невозможно. Этим же фактором объясняется, что верхние части китовых костей зачастую возвышаются над современной поверхностью, а деревянные столбы сохраняются до верхнего уровня летнего оттаивания грунта.

#### **Другие особенности**

Основная часть культурных остатков из органических материалов, как показали наши исследования, хорошо сохраняется в культурном слое, лежащем ниже уровня оттаивания вечной мерзлоты в летний период. Нам



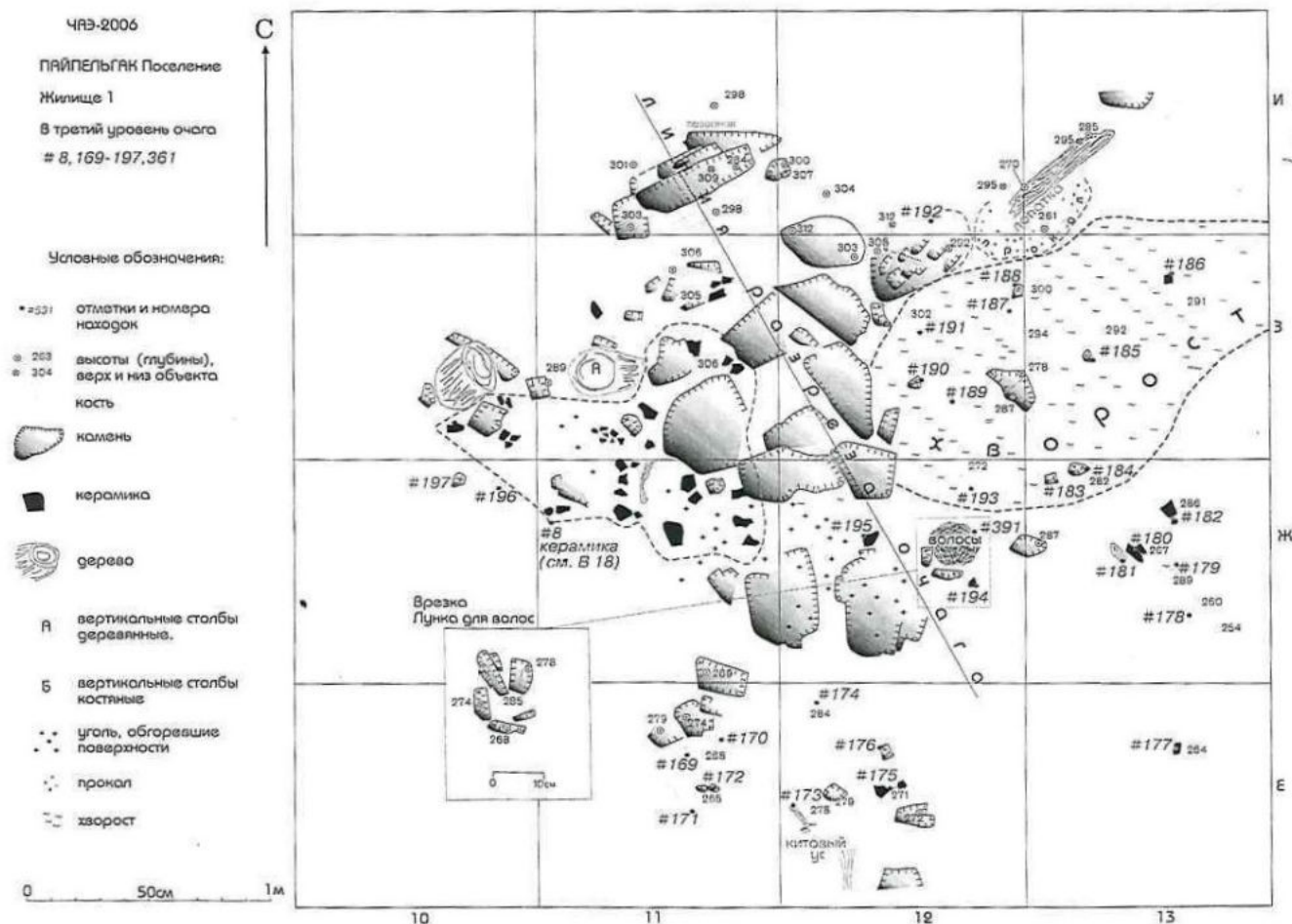


Рис. 3. Раскоп на Пайпельгаке: один из многочисленных уровней фиксации

приходилось также сталкиваться с мерзлотными линзами и трещинами. Их появление было вызвано замерзанием воды в пустотах, которые появлялись в культурном слое вследствие сохранения необвалившихся или частично обвалившихся перекрытий.

### Некоторые элементы строительной техники древних эскимосов

Не претендуя на подробное описание домостроительства древних эскимосов Чукотки, остановимся на некоторых аспектах этой темы, необходимых для дальнейшего изложения методики раскопок жилых объектов данного типа. Как уже было отмечено выше, основными строительными материалами в Эквене и Пайпельгаке являлись стволы деревьев, выброшенные морем («плавник»),

кости кита и грунт, в том числе куски дерна. Бревна и кости равным образом использовались в вертикальном (опорные столбы) и горизонтальном (настилы полов, конструкции стен, потолочные перекрытия) положениях. Наиболее удобными для строительства являлись кость нижней челюсти кита, расколота надвое: из нее получалось два столба длиной от 1,5—2 м (молодой серый кит?) до 7 м (гренландский кит). Часто использовались также китовые черепа, лопатки, позвонки, ребра. При этом черепа и позвонки могли устанавливаться друг на друга для сооружения составных столбов, а также применялись в качестве фундаментных подпорок в нижних частях бревенчатых стен и как «опалубка» земляных засыпок с внешней стороны стен. На поселении Эквен в качестве опалубки была использована хвостовая часть туши кита — позвонки в анатомическом порядке и остатками плоти.



Другими строительными материалами были каменные плиты (они применялись главным образом как для сооружения вымосток полов в жилых помещениях и коридорах, так и нижних уровней стен помещений) и китовый ус, служивший подкладкой под бревна. Мы часто обнаруживали также колышки из дерева и кости и фрагменты деревянных и костяных орудий труда, которые использовались в качестве подпорок, выгородок и, очевидно, для закрепления шкур животных на полу помещения. Шкуры, вероятно, тоже были строительным материалом, но их нам удавалось обнаруживать редко.

#### **Характер культурного слоя выше горизонта вечной мерзлоты, его раскопки**

По нашим наблюдениям, верхняя часть культурного слоя, около 0,4 м, представляет собой сухие перегнившие наслоения, в которых сохраняются предметы из кости и камня, а также керамика. По характеру формирования данные наслоения обычно являются остатками завалов земляных стен или переотложены в результате природных и антропогенных факторов. По этим причинам находок в них мало, наблюдения за стратиграфией малорезультативны, и повышенной тщательности при исследовании этого горизонта культурного слоя, на наш взгляд, не требуется.

#### **Характер культурного слоя в вечной мерзлоте, процесс его вскрытия. Невозможность применения квадратно-пластового и послойного методов вскрытия культурного слоя. Понятие «уровни расчистки» (digging levels)**

Проводя исследования древнеэскимосских жилищ в Эквене и Пайпельгаке, мы имели возможность неоднократно убедиться в том, что по достижении верхнего уровня вечной мерзлоты вскрывается ровная твердая поверхность, которую быстро раскопать невозможно: необходимо ждать оттаивания слоя. Ускорить этот процесс без вреда для со-

державшихся в нем культурных остатков нельзя или весьма затруднительно. Этот фактор роковым образом сказался на результатах экспедиций наших предшественников, ресурсы которых не были рассчитаны на длительные раскопки в течение нескольких сезонов. Также следует отметить, что раскопы малой площади, например шурфы, нет смысла закладывать, так как из-за затененности стенками поверхность слоя не будет оттаивать и довести шурф до материка, по крайней мере в течение одного полевого сезона, не удастся.

В то же время последовательные расчистки оттаивающего культурного слоя дают известные преимущества перед исследованиями обычного культурного слоя. Оттаивающий слой по своему характеру можно сравнить с мокрым культурным слоем средневековых русских городов. Сходство это проявляется во внешнем виде, цвете, консистенции, запахе, составе. Скорость оттаивания составляет приблизительно 3—5 см в сутки. Эта прослойка превращается в полужидкую «кашицу», которая легко счищается с нижележащего нарастающего слоя, обнажая находки и конструктивные детали сооружений. В ходе подобных работ мы использовали в качестве основных раскопчных инструментов треугольные мастерки; счищенный слой собирали в ведра и выносили в отвал.

Наш опыт проведения раскопок в вечной мерзлоте свидетельствует о том, что традиционный для многих типов археологических памятников квадратно-пластовый метод снятия слоя здесь, как правило, неприменим. Глубина расчистки всегда обусловлена скоростью оттаивания, в плане же свободные от остатков конструкций участки обычно редки. Мало применим, на наш взгляд, и послойный метод. Основная часть массы культурного слоя однородна: это темно-коричневый гумусированный слой. На конкретных участках в нем могут отмечаться значительные включения щебня, глины, кусков дерна, однако они не составляют значитель-





Рис. 4. При рабочей фотосъемке тренога отлично заменяет подъемную штангу и дистанционное управление фотокамерой

ных однородных слоев, которые можно было бы снимать целиком, отдельно от других.

Наиболее приемлемой единицей снятия культурного слоя оказались «уровни расчистки» (в Эквене, когда раскопки поселения вместе с нами вели зарубежные коллеги — археологи из Германии, Швейцарии, Дании и Канады, — эти уровни именовались «digging levels»). «Уровни расчистки» — условные слои, как правило, близкие к горизонтальным, толщиной 5—10, иногда до 15 см. Их толщина в каждом конкретном случае обусловлена скоростью оттаивания и насыщенностью участка находками и строительными конструкциями («заполнение чертежа»). Так, например, при условии оттаявшего слоя участок земляной стены, бедный находками, может быть за одну «расчистку» раскопан на 15 см, а на уровне пола жилища зачастую из-

за большой насыщенности находками снятие слоя более 5 см толщиной бывает невозможно. Расчищенные находки мы отмечали тонкими деревянными кольшками до момента графической и фотографической фиксации на плане уровня расчистки вместе с остатками конструкций (рис. 1-2).

Вариантом раскопок слоя мерзлоты является исследование уровней, вскрытых в предыдущем сезоне и поэтому в начале лета текущего сезона уже оттаявших. Такие слои могут быть лишь слегка влажными или полностью сухими, но по сохранности органических остатков соответствующими замерзшим или мокрым.

#### **Графическая фиксация «уровней расчистки». Фотографическая тренога-стремьянка из бревен плавника и веревок**

Работая в Эквене и Пайпельгаке, мы убедились в том, что внутри раскопа неудобно вбивать постоянные колы, соответствующие перекрестиям координатной сетки квадратов, поскольку большая часть площади на той или иной глубине занята строительными конструкциями. Кроме того, близко от расчищенной поверхности находится слой льда, в который вбивать колы невозможно. Поэтому для фиксации целесообразно ограничиваться колами, забитыми через 1 м по периметру раскопа на его стенках. При опоре на эту сетку составляется план в масштабе 1:10, отметки глубин берутся с помощью нивелира. Элементы конструкций из разных материалов, а также расположенные в разных плоскостях, помечаются на плане условными знаками. Так, в нашей документации приняты следующие буквенные обозначения: А — вертикальные деревянные опоры; Б — вертикальные костяные опоры и т. д. (рис. 3).

Методика, изложенная в данном материале, не была единственной, которая применялась при исследовании эквенского жилища Н-18. Наши немецкие коллеги в качестве



альтернативного предложили метод исследования отдельными квадратами 1 x 1 м с фиксацией материала по горизонтам через 10 см. Представляется, что предложенный нами метод имеет ряд преимуществ.

Фотофиксация на раскопе, заложенном в вечной мерзлоте, не имеет какой-либо специфики по сравнению с памятниками других типов. Мы проводили фотографирование как каждого уровня расчистки, так и необходимых деталей. В Пайпельгаке успешно зарекомендовала себя простейшая стремянка, сооруженная из трех бревен плавникового дерева с помощью крепких веревок. Она относительно легко передвигается к любому краю раскопа и легко складывается (рис. 2, 4).

#### **Баланс расчисток в горизонтальной плоскости и исследования стратиграфии в профилях**

По причине, уже не раз упоминавшейся выше (большое количество остатков строительных конструкций, расположенных в самых разных плоскостях), оставление бровок на раскопе нецелесообразно. При раскопках площадями участков 4 x 4 м, 4 x 8 м в большинстве случаев достаточно фиксировать профили стенок раскопа.

#### **Консервация раскопа на период межсезонья**

На период между полевыми сезонами целесообразно, с нашей точки зрения, минимально консервировать неоконченный рас-

коп, с тем чтобы весной и в начале лета следующего года оттаивание мерзлоты происходило максимально. Вместе с тем конструкции, которым в результате оттаивания угрожает обрушение, а также стенки раскопа можно и нужно подпирать дерновыми блоками, при необходимости сложенными «штабелями».

#### **Деформация и разрушение стенок и бровок в результате оттаивания замерзшего грунта и мерзлотных трещин**

Стенки раскопа в результате оттаивания мерзлоты проседают и могут разрушаться, обваливаясь в раскоп. Особенно пагубно на их сохранность влияют мерзлотные трещины, полностью заполненные льдом. Уберечь от разрушения такие участки стенок нам удавалось только немедленным закладыванием таких трещин в стенках дерновыми блоками, причем максимально плотно.

Предложенные в настоящей статье методы исследования памятников с мощным культурным слоем, лежащим преимущественно в вечной мерзлоте, находятся еще в стадии разработки. Учитывая специфику каждого конкретного комплекса, могут быть применимы и другие методики, обеспечивающие наиболее точную фиксацию материала и получение полной информации о культурных отложениях.

#### **Примечание:**

<sup>1</sup>С 1995 по 2002 г. экспедиция проводила раскопки поселения Эквен (жилище Н-18)[2], а с 2002 г. по настоящее время ведет работы на поселении Пайпельгак (жилище 1) [4].

#### **Использованная литература**

1. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977.

2. Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М., 2001. С. 587—619.

3. Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.

4. *Dneprovsky K. A. A Late Birnirk House at Paipelghak in Northern Chukotka: A Preliminary Report Based on the Excavations from 2002—2004 // Alaska Journal of Anthropology. Volume Four, Number 1—2. Anchorage, 2006. Pp. 34—53.*





**Н.В. Лопатин**

Институт археологии РАН  
(Москва)

## О древне- эскимосском гончарстве

*(по материалам  
поселения Пайпельгак)*

В составе погребального инвентаря классических древнеэскимосских могильников — Эквенского и Уэленского — присутствует керамика, однако материалов для ее изучения здесь было недостаточно, поскольку условия залегания погребений на верхнем уровне вечной мерзлоты не способствовали сохранности этой категории находок. Исследователи могильников С.А. Аругюнов и Д.А. Сергеев отмечали, что керамические сосуды были толстостенными, чашевидными, круглодонными, из рыхлого теста с большим количеством примесей, серовато-черного цвета, некачественного обжига; поверхность часто была покрыта неглубоким штамповым орнаментом (налегающие друг на друга концентрические круги, волнистые и прямые параллельные линии, оттиски веревок); в полости чаш обнаружены жирные органические остатки [1, с. 148, 154; 2, с. 150].

Многочисленные фрагменты керамических сосудов, подобных вышеописан-



ным, находят в подъемных материалах, особенно в тех местах, где разрушается береговая линия на территории древнеэскимосских поселений. Довольно много керамики происходит из раскопок этих поселений — как на Чукотке [3, с. 613], так и на Аляске, где, судя по описаниям [8, р. 40–42], «неоэскимосская керамика» типа бирнирк по основным признакам находит соответствие в керамике поселений Эквен и Пайпельгак.

Гораздо лучше изучены по материалам могильников штампы из моржового клыка для орнаментации керамики, рельефная поверхность которых соответствует отпечаткам на фрагментах сосудов (рис. 1) [1, с. 148, 151; 2, с. 148, 149]. Известны такие штампы и в подъемных материалах, а в материалах раскопок на поселениях Эквен и Пайпельгак эти находки очень редки. Только на шестой сезон раскопок Пайпельгака в нижнем строительном горизонте жилища 1 был найден один целый штамп (рис. 1) и фрагмент еще одного, а в следующем сезоне — штамп с гладкой поверхностью (рис. 2).

В научной литературе накоплен некоторый опыт изучения технологии производства древнеэскимосской керамики, дополняющий приведенные выше наблюдения о внешних признаках сосудов. М.М. Бронштейн и К.А. Днепровский, ссылаясь на определения А.А. Бобринского, пишут, что керамика поселения Эквен изготавливалась методом выколачивания из сырого керамического теста на твердой матрице в положении «дном вверх» [3, с. 613].

Керамике поселения Эквен посвящена специальная статья А. Жельбер [7; поскольку в моем распоряжении имелась электронная копия данной статьи, ссылки на нее ниже приводятся без указания страниц издания]. В этой работе фрагменты сосудов из подъемного материала



Рис. 1. Штамп для выбивания керамики в культурном слое жилища на поселении Пайпельгак. Рядом с ним — окатанная морем кость кита, которая также могла использоваться в качестве лопатки для выбивания ровных поверхностей сосудов

(осыпь береговой линии) и шурфов анализировались с точки зрения морфологии и технологии. Результаты представляют большой сравнительный интерес для нашей работы, поскольку керамика в целом аналогична (но более широкого хронологического диапазона). Сходной была и методика исследования, заключавшаяся главным образом в наблюдении внешних признаков. В работе А. Жельбер выявлено четыре способа формовки: лепка вручную с последующим выбиванием штампом на подложенной небольшой наковальне-гальке (1) или без выбивания (2); формовка с помощью плетеной формы — на ее внешней (3) или внутренней (4) стороне. Вывод о таком значительном технологическом разнообразии расходится с



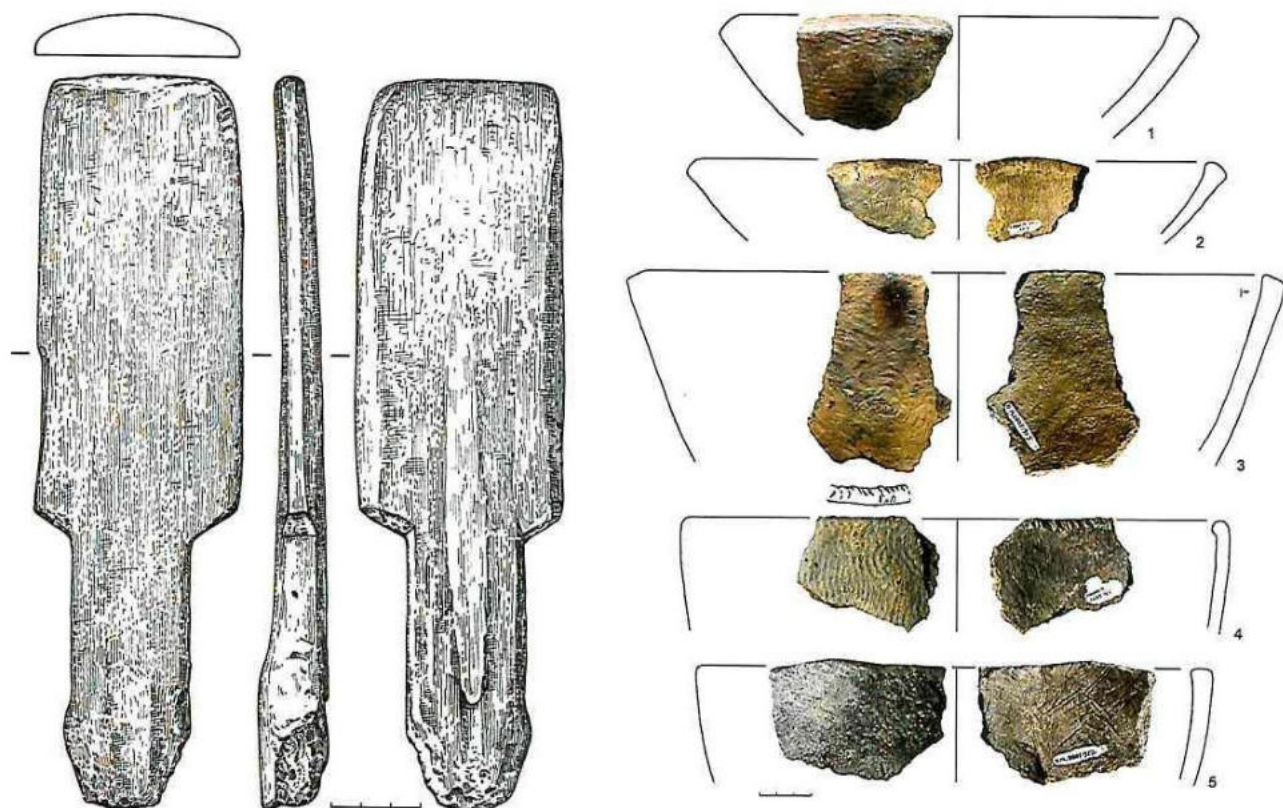


Рис. 2-3. Штамп с плоской поверхностью для выбивания керамики из нижнего горизонта поселения Пайпельгак (прорисовка); керамика поселения Пайпельгак;

моими наблюдениями, а также с вышеупомянутыми определениями А.А. Бобринского. Это заставляет поставить ряд вопросов к будущим исследованиям, поскольку в настоящее время нельзя уверенно судить о том, чем объясняется различие выводов – собственно материалом или субъективными взглядами исследователей.

С.В. Гусев и С.С. Жушиховская изучали керамику с поселения Дежнево (Канискак) и сделали выводы о составе формочной массы, технике формовки, обработке поверхности, обжиге [4, с. 56–59], некоторые из которых будут упомянуты ниже. И.Ю. Понкратова исследовала технологию древнеэскимосского гончарства в контексте традиций всего Северо-Востока Азии [6].

С 2002 г. экспедиция Государственного музея Востока и Музейного центра «Наследие Чукотки» под руководством К.А. Днепровского проводит раскопки поселения Пайпельгак (устье р. Чегитун, берег Чукотского моря, 80 км к западу от мыса Дежнева). Раскопом изучается жилище 1, относящееся к культуре бирнирк и датированное по радиоуглероду началом II тыс. н.э.<sup>1</sup>. Из этих раскопок также происходит значительная коллекция керамики. Целых форм не обнаружено, однако многие фрагменты позволяют составить представление о формах сосудов. Мои наблюдения свидетельствуют о заметном единообразии технологических приемов, применявшихся древними гончарами (ср. данные А. Жельбер о разнообразии гончарных технологий Эквена).

1) Все сосуды круглодонные и приближаются по форме к сегментам шара (в различной степени усеченного горизонтальной плоскостью). Среди форм есть открытые – «миски» (рис. 3/1–3) и слег-



ка закрытые — «котелки» (рис. 3/4, 5). Данные о поселенческих материалах согласуются с выводом С.А. Арутюнова и С.С. Сергеева об отсутствии среди керамики из погребений специфических форм жировых светильников, хорошо известных по инвентарям эскимосских кладбищ позднего времени [1, с. 148]. А. Жельбер считает, что закрытые сосуды служили для приготовления пищи, а открытые — в качестве жирников, хотя и отмечает, что явных следов внутреннего горения на них не зафиксировано. Она же справедливо указывает, что часть жирников могла быть не круглой, а овальной в плане формы, что по фрагментам проверить практически невозможно.

Ни разу не встречены на поселении Пайпельгак и налепы-ручки с горизонтальными проколотыми отверстиями, известные как по публикациям [4, с. 58; 5, с. 141], так и по нашим сборам на соседнем долговременном поселении Сегтун и других памятниках. По всей видимости, это признак хронологический и свидетельствует (наряду с другими данными) об относительно узкой датировке поселения Пайпельгак, не имеющего поздних культурных отложений.

2) На внешней поверхности многих сосудов выявлены отпечатки штампов, полностью покрывающие поверхность и налегающие друг на друга. Наиболее вероятно, что они нанесены способом выбивания. Отпечатки совпадают с рельефными геометрическими изображениями, имеющимися на вышеуказанных штампах. Основные элементы этих изображений (как на керамике, так и на самих штампах) — концентрические круги (рис. 3/3-4) и параллельные линии (рис. 3/1). Встречены также шнуровые отпечатки предположительно соответствующие штампам с намоткой перевитого шнура (рис. 4). А. Жельбер пишет о при-



Рис. 4. Экспериментальный штамп с обмоткой шнуром

мерах отпечатков плетенки на внешней поверхности сосудов и ссылается на аналогичное наблюдение из литературы [8, с. 42], но в этой статье буквально говорится о «внешних отпечатках шнуров или нитей (плетение или текстиль)». Последнее объяснение в скобках выглядит как предположение, так что вопрос о характере шнуровых отпечатков на внешних поверхностях сосудов следует оставить пока открытым. Сосуды, не имеющие на внешней поверхности рельефных отпечатков, вероятно, выбивались гладкими лопаточками (у А. Жельбер — сходное мнение). В качестве такого инструмента мог выступать не только специально изготовленный инструмент (рис. 2), но и любой плоский гладкий предмет, в том числе окатанная в море кость, найденная вместе с керамическим штампом на Пайпельгаке (рис. 1).





Рис. 5. Сбор глины в месторождении на пляже Чукотского моря

3) На внутренней поверхности многих фрагментов выявлены отпечатки эластичных материалов (кожа?), которые покрывали некую твердую основу. Характерные признаки этих отпечатков — наличие (в некоторых случаях) нерегулярных складок (рис. 3/4), а также мелкая хаотичная рябь неясного происхождения. Некоторые отпечатки могут быть отнесены к плетеным или тканым фактурам. Следы тканых или плетеных емкостей фиксировались на внутренней поверхности керамики поселений Дежнево [4, с. 57] и Эквен [7; 5, с. 15].

Зафиксирован отпечаток нескольких хаотично расположенных крученых шнуров (рис. 3/5). Без применения микроскопа и экспериментального исследования невозможно сделать уверенный вывод о происхождении всех разнообразных отпечатков на внутренних поверхностях. Поскольку отпечатки швов не за-

фиксированы, можно предполагать, что использовались емкости естественного происхождения, в частности, желудки животных. Судя по видовым определениям костей, найденных на поселении, а также по размерам сосудов, могли использоваться желудки ластоногих (нерпа, лахтак).

Характер отпечатков на внутренней поверхности крупных фрагментов позволяет предполагать, что использовались цельные формы-основы — вероятно, емкости, заполненные песком. В некоторых случаях имеются локальные отпечатки или неровности, относительно которых высказывалось предположение, что это следы подкладывания небольшой основы (круглый камень?) во время выбивания штампом [7; 5, с. 15]. В пользу этого предположения может свидетельствовать и локальный характер некоторых рябчатых отпечатков. Однако допустимо предположить, что все это локальные неровности единой большой формы-основы.



Во всех случаях (и когда на внутренней поверхности заметны какие-либо следы, и когда она гладкая) следы заглаживания не фиксируются. Иными словами, все отпечатки на внутренней поверхности статичны.

4) Край сосуда обычно имеет утолщение и слегка оттянут наружу. Чаще всего он оформлен плоскостью, которая у «котелков» горизонтальна или наклонена внутрь (рис. 3/5), а у «мисок» наклонена наружу (рис. 3/1—3). Также вполне обычно подтреугольное (двускатное) оформление края. В этом случае край часто покрыт отпечатками неопределенного штампа, не повторяющего рисунок на внешней поверхности сосуда. Это частые удлиненные лунки, расположенные поперек края двумя рядами — внутрь сосуда и наружу (рис. 3/4). Таким штампом могло быть ребро того же штампа-лопаточки, которым обрабатывалась внешняя поверхность. Реже край закруглен или имеет козырек, направленный наружу (рис. 3/4).

5) На изломах фрагментов не замечено следов спаев каких-либо глиняных элементов (лент, жгутов, лоскутов), что свидетельствует, вероятно, о формовке сосудов из цельного куска глины (А. Жельбер приходит к такому же выводу). Никакие признаки многослойного нанесения глины, а также обмазывания внешней поверхности глиной другого состава, в отличие от данных по керамике поселения Дежнево [4, с. 57, 58], не наблюдались. Впрочем, они могут быть выявлены при более тщательном микроскопическом исследовании.

В общем виде наблюдаемые признаки керамики (формовка на шаблоне-основе, использование штампов для выбивания, круглодонность, круглое горизонтальное сечение и отсутствие горловины) объединяют широкий круг культур неолита и палеометалла от Якутии до Аляски [6].



Рис. 6-8. Накладывание глиняной лепешки на форму-основу; обработка «ножом» края котелка с козырьком

На основе перечисленных признаков был осуществлен эксперимент по изготовлению керамики.

Глина взята из месторождения, представляющего собой языкообразное скопление на пляже Чукотского моря между бывшими поселками Чегитун и Сутпэн (рис. 5).

Скопление глины наблюдается в этом месте нами уже в течение шести полевых сезонов. Оно пополняется в результате смывания поверхностной породы с высокого коренного берега моря. Именно в таких условиях добывался материал для изготовления посуды в былые времена местными жителями (сообщение жительницы пос. Энурмино). Более подробные сведения о местном гончарстве получить не удалось, поскольку эти традиции на памяти ныне живущего поколения уже не существовали.





Рис. 9. Заглаживание края миски

Глина в сыром состоянии серого цвета, имеет естественную минеральную примесь — песок?) и мелкие камни. Собранная влажная глина разминалась руками, в процессе чего из нее удалялись наиболее крупные включения примесей, обнаруженные на ощупь.

Для изготовления формы-основы в эксперименте использовались мешки из тканого полотна, по форме имитировавшие вышеописанные естественные емкости. Сшитый мешок с полукруглым низом заполнялся морским песком. Свободный край мешка туго винтообразно закручивался и заминался внутрь образовавшегося приплюснутого шара. Полученный шар помещен на плоскую подставку узлом вниз (рис. 6) и еще раз плотно примят и выправлен, с тем чтобы по возможности избавиться его от неровностей и складок.

Учитывался фактор усадки глины при высыхании. Необходимо было предусмо-

треть возможность высыпания песка из формы-основы до полного высыхания сосуда. Особенно это важно при изготовлении закрытых сосудов («котелков»). С этой точки зрения удобна кольцеобразная подставка, внешний диаметр которой чуть меньше наибольшего диаметра формы-основы, а в отверстие посередине можно выпустить и расправить узел мешка. В эксперименте использовались плоское кольцо и цилиндрическая подставка, диаметр которых был меньше диаметра сосуда (рис. 7-8). Это давало возможность доступа к краю сосуда до снятия его с формы и подставки.

Брался комок глины, достаточный для изготовления всего сосуда. Он раскатывался в шар и затем в небольшую толстую лепешку, которая накладывалась на форму-основу (рис. 6). Лепешка равномерно размазывалась по поверхности формы, постепенно формировался ровный край сосуда, обращенный вниз и имевший утолщение (рис. 10-11). Последний элемент, присутствующий на





большинстве экземпляров археологической керамики, естественно связан с применявшимся способом формовки, поскольку край сосуда подвергается наибольшей нагрузке — и при изготовлении сосуда, и при удалении формы до полного высыхания сосуда.

После частичного высыхания (когда глина перестает липнуть) внешняя поверхность обрабатывалась многочисленными легкими ударами штампа-лопаточки (рис. 4), изготовленного из деревянного бруска и повторявшего по рисунку древнеэскимосские штампы с концентрическими кругами (рис. 12). Ощущения при работе штампом приводят к следующему выводу: обработка поверхности этим способом позволяла дополнительно выровнять ее и придать ей соответствующую фактуру, а также уплотнить глину.

Также до снятия с формы обрабатывался край сосуда. Применялись способы заглаживания (рис. 9) и срезания лишней глины ножом — твердой заостренной

Рис. 10-12. Миска в процессе изготовления; начало изготовления котелка (на переднем плане) и миска после выбивания штампом; котелок и миска после выбивания штампом

пластиной (рис. 7-8). При этом, имея доступ снизу к краю сосуда, легко можно снять не только глину с внешней стороны, но и полоску глины, непосредственно примыкающую к форме. Таким образом получается двускатное оформление края.

Следующий шаг — снятие изделия с формы — осуществляется в тот момент, когда оно уже почти не подвержено деформации, но высыхание и усадка не завершились. В эксперименте сосуд снимался через два-три дня после лепки. Усадку отчасти можно контролировать на ощупь по постепенному более плотному прилеганию края к форме. «Миски» непосредственно снимались с формы осторожным поднятием за край. «Котелки» освобождались от формы путем высыпания из нее песка, в результа-





Рис. 13. Миски и котелок после высушивания

те чего сосуд плавно опускался на подставку.

Через некоторое время сосуд переворачивался и устанавливался на мягкую подставку, частично принимающую его форму, чтобы не деформировать внешнюю поверхность в придонной части. В таком положении дополнительно обрабатывался край. При обработке края применялись: срезание лишней глины ножом, заглаживание пальцами и легкое выбивание штампом. В качестве штампа использовалась кость, край которой соответствовал боковой стороне древних штампов. В соответствии со следами на археологических образцах многочисленные отпечатки штампа наносились перпендикулярно окружности края сосуда, налегая друг на друга и образуя двускатную форму. Одновременно увеличивалось расширение края в обе стороны, хо-

тя этот процесс можно было контролировать путем периодического заглаживания выступающих козырьков.

По завершении всех перечисленных работ по формообразованию и обработке поверхности сосуды окончательно высушивались (рис. 13) и затем обжигались в сооруженном из кирпича горне: задача реконструировать древнеэскимосский способ обжига керамики, о котором мы прямых сведений не имеем, не ставилась. В большинстве случаев сосуды хорошо выдерживали высокотемпературный обжиг (рис. 14), несмотря на то что формовочная масса не имела никаких специальных добавок.

Проведенный эксперимент позволил подтвердить и детализировать ряд представлений о древнеэскимосском гончарстве (в первую очередь из области формовки и обработки поверхностей сосудов), известных как по литературе, так и по нашим наблюдениям.





Рис. 14. Серия сосудов разных форм после обжига

**Примечание:**

<sup>1</sup>Керамика из более ранних горизонтов того же раскопа пока не изучалась.

**Использованная литература**

1. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969.

2. Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.

3. Бронштейн М.М., Днепровский К.А. Жилище морских зверобоев древней Чукотки // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М., 2001.

4. Гусев С.В., Жущиховская И.С. Реконструкция технологии производства керамики приморских культур Восточной Чукотки // Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов. СПб., 2000.

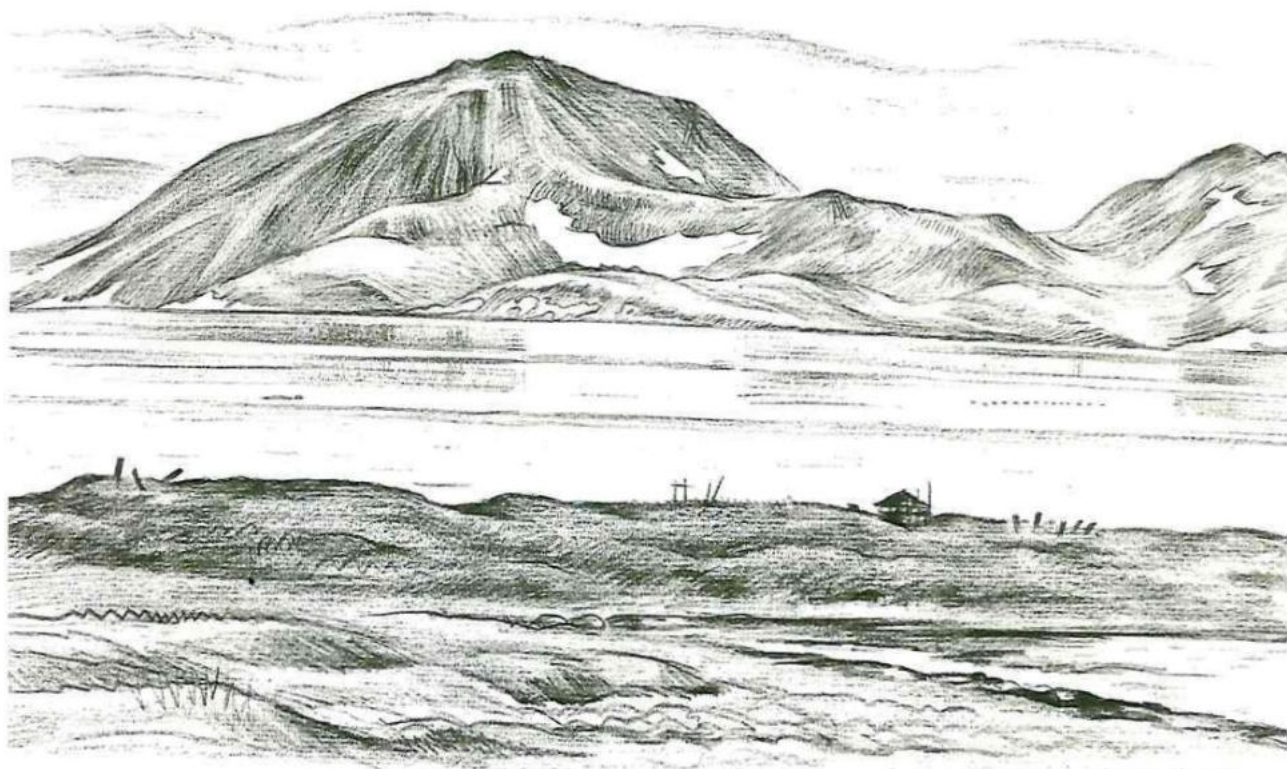
5. Днепровский К.А.. Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пунука (по материалам археологического комплекса Эквен): Автореферат дис... к.и.н. — М., 2001.

6. Понкратова И.Ю. Гончарство Северо-Востока Азии и сопредельных территорий: общее и особенное // Диковские чтения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н.Н. Дикова. Магадан, 2001.

7. Gelbert A. Pottery from the Bluff at the Ekven Settlement // Archaeology in Northeast Asia: On the Pathway to Bering Strait. / Ed.: Don Dumond and Richard Bland University of Oregon Anthropological Papers No. 65. Pp. 159—189. 2006.

8. Stimmell C. Going To Pot: A Technological Overview of North American Arctic Ceramics // Threads of Arctic Prehistory: Papers in Honour of William E. Taylor Jr., David Morrison and Jean-Luc Pilon, eds. Canadian Museum of Civilization, Mercury Series, Archaeological Survey of Canada Paper 149. 1994.





М.А. Членов, И.И. Крупник  
Государственная классическая академия  
им. Маймонида (Москва);  
Смитсоновский институт  
(Вашингтон, США)

«Новая земля»:  
история последней  
миграции азиатских  
эскимосов  
(1920—1935)

Настоящая статья посвящена весьма примечательному событию в истории азиатских эскимосов (юпик) — их последней свободной миграции (переселению) в 1920—1930-х гг. с мыса Чаплина и юго-восточного побережья Чукотского полуострова в район залива Креста и устье реки Анадырь. Хотя совершались эти переселения формально уже при советской власти, проходили они без всякого участия и даже минимального присутствия органов советской администрации. Поэтому общий характер и детали этих переселений открывают нам элементы традиционного социального устройства эскимосов в более ранний период. К сожалению, все последующие массовые переселения эскимосов на Чукотке в середине и второй половине XX в. совершались под прямым давлением властей, часто вопреки желаниям и интересам самих эскимосов.

Что побудило нас обратиться к этой теме и к материалам своей полевой ра-



боты среди азиатских эскимосов в 1970—1980-е годы? За минувшие десятилетия ушли из жизни два поколения эскимосских старейшин, свидетелей и современников описанных нами событий начала и середины прошлого века. Новые поколения, родившиеся после 1960-х гг., слабо осведомлены об истории и культурных традициях своего народа, хотя интерес к ним не угасает и даже растет. Соответственно ученые и местные историки, желающие обратиться к прошлому азиатских эскимосов, даже сравнительно недавнему, лишены тех источников информации, личных знаний, рассказов и воспоминаний, которые были доступны нам в 1970-е гг. То, что тогда было известно многим, теперь в большой мере сохранилось только в наших полевых тетрадях, записях бесед с информантами и неопубликованных материалах. Очевидно, что наш долг теперь — вернуть эти знания детям и внукам людей, у которых мы собирали их почти сорок лет назад, или хотя бы начать такое «возвращение» [4]<sup>1</sup>.

Нынешний интерес к традиционным миграциям эскимосов также вызван тем, что многие события ранней истории Арктики, особенно переселения древних эскимосов из района Берингова пролива и Северо-Западной Аляски в Канадскую Арктику и Гренландию, принято объяснять экологическими факторами, в первую очередь потеплениями климата. Впервые такая интерпретация, связавшая заселение северной Канады и Гренландии эскимосами культуры пунук-туле с резким потеплением климата в период «средневекового климатического оптимума» (Medieval Climate Optimum) около 1000—1100 гг. н.э., была предложена канадским археологом Р. Мак-Ги [16—17]. Согласно гипотезе Мак-Ги, потепление климата Арктики около 1000 г. н.э. вызвало отступление к северу летней границы паковых

льдов в полярных морях. В результате значительные пространства вдоль побережья северной Аляски, вокруг островов и проливов Канадской Арктики оказались свободными ото льда. В эти районы устремились морские животные, особенно гренландские киты, и, следуя за ними, охотники на этих животных — древние эскимосы. В наши дни, как известно, наблюдается столь же быстрое потепление Арктики и аналогичное сокращение площади многолетних льдов в полярном бассейне. Уже в ближайшие годы по прогнозам климатологов можно будет ежегодно наблюдать свободную ото льда чистую воду на всем пространстве от Берингова пролива до Северо-Западной Гренландии [10]. Значит, мы можем впервые проверить гипотезу Мак-Ги в той ее части, что касается льдов, климата, распространения морских животных и возможных путей миграций древних эскимосов [15].

Нам особенно приятно, что эта статья о последнем свободном переселении азиатских эскимосов опубликована в сборнике, посвященном нашему другу, коллеге и соавтору С.А. Арутюнову. С именем С.А. Арутюнова, или Гусябы, Гусяплика (он же Маленький Гусик), как он известен среди своих друзей, связано много ярких страниц в истории арктической археологии и этнологии. Тема древних миграций — одна из них. Для нас обоим наше научное сотрудничество с Арутюновым ярче всего ассоциируется, пожалуй, именно с темой миграций в ее разнообразных проявлениях: совместном изучением древнего памятника «Китовая аллея» [1], жизнь в охотничьей избушке на Сиклюке в 1977 г., плаваниях на эскимосском вельботе вокруг островов пролива Сенявина, обследованием заброшенных эскимосских поселков. История путешествий (миграций) самого Маленького Гусика по Чукотке за более чем 50 лет его работы на Северо-Вос-



токе Азии — предмет отдельного исследования. Мы надеемся, что читатель оценит то, что мы выбрали рассказ о последнем свободном переселении эскимосов в качестве своего посвящения нашему другу в год его 80-летия. Многих лет жизни и свободных миграций Маленькому Гусику!

#### Путь на запад — новые стимулы

«Новой землей» для эскимосов юго-восточной Чукотки в начале XX в. стали район залива Креста и западное побережье Анадырского залива, вплоть до устья реки Анадырь, удаленные от основных мест их проживания на 700—800 км. Освоение «новой земли» выглядит неожиданно мощной, хотя весьма кратковременной миграционной волной, занявшей всего полтора десятилетия: с 1920 по 1935 г. В эту волну были вовлечены около 200—250 человек, почти 25% тогдашней численности азиатских эскимосов, включая целые кланы и даже поселки. Казалось, какая-то неведомая сила толкнула людей с обжитых берегов и увлекла их в долгий путь на запад в поисках новой жизни и мест обитания. На последнем отрезке почти 800-километрового пути в 1920-е гг. возникла цепочка новых поселков и стойбищ, основанных переселенцами с мыса Чаплина и выходцами из других эскимосских поселков. Они протянулись от залива Креста до города Анадыря, тогда называвшегося Ново-Мариинском; в те годы он был уже крупным торговым и административным центром.

Эта последняя миграция азиатских эскимосов проходила уже при советской администрации, но еще до того, как новая власть начала коренную ломку традиционного образа жизни. Поэтому внешне переезды регулировались традиционными нормами эскимосского общества. Принадлежность к одному клану, сильному линиджу или охотничьей бригаде были основными факторами при комплектовании

групп мигрантов. Слабые семьи и одиночки присоединялись к крупным семьям и линиджам с достаточным количеством взрослых мужчин. Одновременно действовала и другая модель, также уходящая корнями в традиционное общество: несколько слабых семей объединялись на основе партнерства или родства и составляли одну миграционную группу.

Заселение эскимосами «новой земли» мотивировалось двумя причинами: лучшими возможностями для обмена с чукчами-оленеводами и желанием освоить новые участки для пушной охоты ближе к потенциальным рынкам сбыта пушнины (см. ниже). Пушная охота (коммерческое трапперство) была для эскимосов сравнительно новым занятием, стимулированным торговлей с европейцами. Напротив, обмен с оленеводами-чукчами был важным элементом их традиционной экономики по крайней мере с XVIII — начала XIX в. (или даже более раннего времени) и существовал независимо от контактов с русскими или американцами. Обмен с оленеводами был частью торгово-обменных связей, которые соединяли береговое и тундровое население, жителей разных береговых поселков, обитателей Чукотки с эскимосами Аляски и о. Св. Лаврентия с глубокой древности. В.Г. Богораз подробно описал эти связи, используя ранние русские источники и собственные наблюдения периода 1895—1901 гг. [13, р. 53—59]. Во время нашей работы в 1970-е гг. было еще немало людей, которые хорошо помнили, как действовал традиционный обмен, по рассказам своих отцов и дедов:

*«Старик Тивля с моим дедом Панаугви раньше ежегодно ездили к Анадырю на веслах, до моторов еще. Потом волоком, как бурлаки, подымались по реке Анадырь. Ранней весной набьют моржей, лахтаков, нерп, ремней наделают, шкур лахтачьих и мясо моржовое*



тоже. А оттуда шкуры везут оленьи и мясо. При мне ездили уже на вельботах, а раньше, говорят, были большие байдары; назывались они, кажется аюк'льих'так' — «аляскинские» по-нашему. Потому что такие делали аляскинские эскимосы» (Владимир Ятта, 1977, Новое Чаплино; 4, с. 232—233)<sup>2</sup>.

Каждое лето с окончанием весеннего сезона охоты на китов и моржей и завершением связанных с ними праздников вереница байдар из разных эскимосских поселков начинала двигаться вдоль побережья на запад, в сторону Анадыря:

*«Когда маленькая была, с берега видела, как из Кивака, из Чаплина, из Авана мимо нас в Сирениках в Анадырь ехали. На больших байдарах, аюк'льих'так' ехали. У нас здесь не было раньше таких байдар, их на Сивукаке покупали, сами наши не делали» (Анкана, 1977, Сиреники; 4, с. 232).*

*«Отец ездил меняться в Янракыннот, в Анадырь, в Уэлькаль на байдаре с веслами и парусом. Ремней лахтачьих наделают, торбасов мать нашьет длинных, коротких (летних. — Прим. авт.), и отец уедет. Целое лето его нет. Один раз они даже в Нунлигране зимовали (на обратном пути из Анадыря). Их потом на нартах привезли... а летом они потом за своей байдарой поехали. У нас ведь была такая большая байдара, аюк'льих'так'... Много семей брали и даже маленьких детей с собой» (Зинаида Анака, 1977, Новое Чаплино; 4, с. 234).*

В годы работы Богораза на Чукотке (1895—1901) такие дальние поездки чаплинских эскимосов в Анадырь были обычным явлением. Эскимосы приезжали на своих больших байдарах, поднимавших до 4 т груза или 25—30 человек, и затем поднимались вверх по р. Анадырь и ее притокам ближе к оленеводческим стойбищам, где производили обмен с оленеводами.

Около 1890 г. регулярная летняя ярмарка, которая действовала в течение второй половины XIX в. в 40 км к северу от устья Анадыря, была перенесена в сам Ново-Мариинск. Торговые встречи происходили дважды в году: весной, когда съезжались на собачьих и оленьих упряжках приморские охотники из поселков вплоть до мыса Чаплина и оленеводы; и летом, к подходу парохода (из Владивостока, то есть середине — концу июля. — Прим. авт.). В это время здесь собирались от 10 до 15 больших байдар из различных эскимосских поселков [13, р. 59]<sup>3</sup>.

Как видно, при обживании «новой земли» эскимосы-переселенцы шли по знакомым маршрутам и опирались на давнюю традицию торговых поездок в Анадырь, глубиной как минимум в несколько поколений. Что было необычным для ситуации 1910—1920-х гг., так это неожиданное стремление навсегда покинуть родные места и освоить новые районы, столь удаленные от родины. Казалось, эскимосы вполне могли найти свободные уголья в пределах известных им племенных земель. К тому же рядом находился обезлюдевший в тот момент о. Св. Лаврентия, готовый предложить переселенцам знакомую экологическую нишу и окружение соплеменников, говоривших на том же языке<sup>4</sup>. Тем не менее после 1910 г. переселения на остров с азиатского материка были единичны и поток мигрантов устойчиво направлялся в сторону Анадыря.

Имелись и другие возможности. У ряда кланов в составе самого большого среди азиатских эскимосов племени унгазигмит в то время еще была жива память о своем прежнем жительстве вдоль восточного берега Чукотского полуострова, откуда когда-то ушли их предки<sup>5</sup>. Эти земли в начале XX в. либо пустовали, либо были заняты небольшими чукотскими стойбищами. Тем не менее нам неизвестна ни одна по-



пытка переездов эскимосов в начале XX в. в район Мечигменского залива, залива Лаврентия, бухты Поутен или других бывших эскимосских земель к северу от пролива Сенявина.

Причину миграций южных эскимосов в сторону залива Креста и Анадыря, очевидно, следует искать в новых экономических реальностях, наступивших вслед за упадком, а затем и полным прекращением коммерческого китобойного промысла в районе Берингова пролива и северного побережья Аляски<sup>6</sup>. Распад всей экономической системы, связанной с китобойным промыслом, наступил после 1907 г., когда парижский модельер Поль Пуарэ предложил новую модель женского платья. Впервые в истории европейской моды женщина открывала ноги до колена. В один год кончилась многовековая эра длинных юбок и корсажей, для производства которых незаменимым материалом был ус гренландского кита. Эхо новой моды отозвалось за тысячи километров: китобойный промысел в арктических морях потерял коммерческий смысл [12, с. 335—337].

Но к новому женскому костюму требовалось и новое элегантно украшение — меха. Именно начало XX в. ознаменовалось небывалым прежде ростом цен на мех относительно дешевых и доступных пушных зверей: песца и лисицу. Это поставило эскимосов Чукотки, а также северной Аляски и Канадской Арктики перед жизненным требованием. Чтобы не быть отброшенными назад и лишиться ставших для них необходимыми европейских изделий — огнестрельного оружия и охотничьего снаряжения, покупных продовольственных товаров, — они должны были освоить новые источники доходов, то есть перейти к коммерческому трапперству.

С прекращением подходов китобойных судов после 1910 г., а с началом Пер-

вой мировой войны также и торговых шхун жители самого крупного эскимосского поселка Унгазик на мысе Чаплина, по существу, оказались зависимыми от единственной торговой фактории в бухте Провидения. Ее владелец Юлиус Томсен предпочитал опираться на жителей ближайших эскимосских селений Авана и Угрилыка, готовых служить дешевой рабочей силой. Такая ситуация никак не устраивала зажиточную и предприимчивую торговую элиту Унгазика, активно связанную с китобоями и обладавшую большими товарными ресурсами. Этим людям пришлось искать новые рынки сбыта, где спрос на пушнину и другие эскимосские товары был шире и разнообразнее.

Такой рынок в 1910-е гг. складывался на Чукотском полуострове в двух местах: на севере в Уэлене и на западе в Анадыре. Более близкий путь в Уэлен шел через чукотские береговые поселки, и конкуренция там со стороны местных жителей явно была очень сильной. Кроме того, в самой узкой части Берингова пролива издавна существовала традиционная система аборигенных поселков-монополистов, которые жестко контролировали торговые связи между Чукоткой и Аляской, а также с проходившими торговыми шхунами и китобойными судами. На азиатской стороне таковыми были Уэлен и Наукан; на американской — поселок Киги (Wales) на мысу Принца Уэльского. Так что обращение к Уэлену как потенциальному рынку пушнины было для южных эскимосов мало-перспективным.

Оставался Анадырь, тогда Ново-Мариинск, русский административный центр, где исторически никогда не было своего «изначального» аборигенного населения. В первые два десятилетия XX в. этот поселок переживал эпоху взлета в связи с кратковременной «золотой лихорадкой», развитием рыбной и горнодобывающей про-





мышленности [2, с. 138—142]. Ко времени революции 1917 г. в Ново-Мариинске уже действовали представительства нескольких русских и иностранных компаний и множество мелких коммерсантов, занимавшихся скупкой пушнины. Этот растущий и в то время открытый экономический центр и обратил на себя внимание элиты унгазигмит, искавшей пути для восстановления своего благосостояния.

### Вехи западного пути

Путь на запад в сторону Анадыря начинался для унгазигмит цепочкой знакомых им эскимосских поселков вдоль южного побережья Чукотки: Кивак, Аван, Имтук и Сиринык (Сиреники), где у многих были родственники, знакомые и торговые партнеры. Вдоль этого пути уже в 1910-е гг. двинулись отдельные семьи унгазигмит, которые стали оседать на землях других эскимосских племен. Но к западу от Сириныка начиналась уже чисто чукотская земля, с небольшими береговыми и олен-

Рис.1. С.А. Арутюнов с эскимосами с. Новое Чаплино 1977 г.. Старшее поколение чаплинцев хорошо помнило отъезд своих родственников в эскимосскую "новую землю" в заливе Креста, а Инпи (1914-1993; на снимке третья слева) сама совершила в детстве путешествие в Анадырь на вельботе своего отца

Фото И.И. Крупника

ными стойбищами, жители которых впоследствии были собраны в чукотских поселках Нунлигран и Энмелен.

Далее за мысом Ъеринга, где стоял последний крупный чукотский поселок Энмелен, берег был практически пустым. Не считая нескольких стойбищ морских охотников-чукчей, его посещали лишь группы оленеводов, которые выходили сюда летом на промысел, а зимой откочевывали обратно в глубь полуострова. Не исключено, правда, что часть этих чукчей генетически восходила к более древнему эскимосскому населению, ассимилированному чукчами еще в XVIII в. [9]. Кроме того, вдоль берега встречались остатки старых



зброшенных селений с развалинами землянок, очень похожих на такие же развалины жилищ в пределах эскимосской территории. Эти древние жилища также не прошли мимо внимания переселенцев, поскольку служили лучшим свидетельством пригодности территории для обитания. И хотя новопоселенцы не осознавали прямой генеалогической связи с этими жилищами, они явно чувствовали культурную преемственность. В принятой у эскимосов традиции мигранты попытались связать их со своими предками и приписать известным им эскимосским племенам. Эту модель они активно использовали в своем движении на запад в сторону Анадыря.

В десятилетие 1910-х гг. поездки унгазигмит в район Анадыря становятся регулярными. Они уезжали туда целыми бригадами, часто с семьями, по окончании весенней охоты в Унгазике. В Анадыре они могли оставаться до конца лета, чтобы к осени успеть вернуться домой. Регулярные плавания в Анадырь постепенно превратились в привычный элемент жизни для всех южных эскимосов. На этом пути они обживали промежуточные стоянки. Два мыса, отмечающие восточный и западный входы в широкий и беспокойный залив Креста, были естественными и наиболее удобными пунктами для таких остановок. Здесь байдары и вельботы отходили от берега в открытое море и пересекали напрямик залив Креста, что было весьма серьезным плаванием протяженностью около 50 км. На этих двух мысах впоследствии и возникли главные поселки переселенцев: Уэлькаль на западном берегу и Нутапельмен на восточном. Другими местами промежуточных стоянок служили устья рек или приметные мысы, делившие побережье на естественные отрезки: мыс Поворотный, мыс Низкий, коса Русская Кошка и др.

### Хронология «новой земли»

Люди старшего поколения, еще помнившие в 1970-е гг. обстоятельства переселения полувековой давности, единодушно называли две причины миграций: лучшие возможности для песцового промысла и для контактов с оленеводами-чукчами на западном побережье Анадырского залива: *«Моего отца звали Тынгатагин. По его рассказам, мы уехали в Уэлькаль в 1927 г. Там я вырос. Отец говорил, что трудно жилось в Чаплине, не хватало шкур оленьих для одежды. На той стороне, где Уэлькаль, — там много кочевников, оленей достаточно. При том там пушнины очень много, песка и лисицы. Охота хорошая, потому туда приехали... Туда, в Анадырь, к кочевникам ездили менять шкуры лахтака, моржовые, нерпичьи, ремни лахтачи на оленьи шкуры»* (Василий Нанок, 1971, Новое Чаплино).

*«Санбраун и еще две семьи поехали на зиму 1919 г. на 18-й участок (рядом с Уэлькалем. — Прим. авт.) для охоты. Они ездили в Анадырь для обмена пушных шкур на товары. Охотники отправлялись в Анадырь часто. Здесь на 18-м участке две-три семьи поселились на зиму, много было пушнины. Они там перезимовали, увидели, что место хорошее. Уехали потом в Чаплино, а потом здесь поселились Санбраун и другие»* (Дмитрий Ателькун, 1976, Уэлькаль).

Западное побережье Анадырского залива привлекало в те годы не одних только эскимосов-унгазигмит. В нескольких километрах севернее Уэлькаля (это чукотское название по-эскимосски произносится *Вилькаля*) одновременно с эскимосским стойбищем, а может, и чуть раньше его возникло чукотское поселение из двух-трех десятков человек. Здесь объединились обедневшие оленеводы и несколько семей приморских чукчей из района Энмелена. Их главой был торговец из Эн-



мелена, береговой чукча Амлярытка. Место это называлось Ангувэлькаль, или по-русски «Второй Уэлькаль».

Среди тех, кто одним из первым освоил эти места, чаще всего называют имя жителя Унгазика Ухкахтака (*Ух'эк'аг'так'* — ок. 1870—1943)<sup>7</sup>, который остался в памяти под своим английским прозвищем Санбраун, то есть «загорелый». В то время он был человеком средних лет. Происходя из клана сянигмыльнгут, он был активным торговцем и, безусловно, коммерческим партнером своего родственника Куварына<sup>8</sup>. После смерти Куварына Санбраун стал самым богатым человеком Унгазика и даже купил себе у американцев небольшую шхуну. Помнившие его люди характеризуют Санбрауна как человека делового, энергичного и корыстолюбивого.

Санбраун был бездетен, хотя имел трех жен. Поэтому он не мог опираться на своих взрослых детей или свойственников, как того требовали нормы обычного права. Мало мужчин было и в генеалогическом линидже Санбрауна. Поэтому Санбраун окружил себя большим количеством приемных детей — в большинстве девочек, которых он воспитывал и выдавал замуж за мужчин из слабых семей или сирот, превращая их в своих свойственников и клиентов. Именно Санбраун первым зазимовал в Уэлькале в 1918 г. вместе с двумя другими семьями-унгазигмит. В ходе этой зимовки и родился первый уэлькальский ребенок — цитированный нами выше Дмитрий Ателькун (1919—1984).

### Первопоселенцы

Строго говоря, первопоселенцем, своего рода колумбом «новой земли», следует считать все же не Санбрауна, а молодого охотника Акатагина (*Ак'атагын'* — ок. 1900—1940) из поселка Напакутак к северу от Унгазика. Около 1917 г. он первым с группой подростков-братьев и сестер от-

правился жить к устью Анадыря. Вспоминают, что около 1919 г. он уже жил на мысе Гека, в месте, которое по-чукотски называлось Кансинрайгу (оконечность южной косы, отделяющей Анадырский лиман от Анадырского залива). Вскоре к нему присоединились две семьи эскимосов-сиреникцев из Имтука — братья Тышки (*Тышки*, ок. 1880 — ок. 1940) и Вакат (*Вак'ата'* — ок. 1885—1950), двинувшиеся в путь также независимо от Санбрауна.

Но первое стойбище быстро распалось: сиреникцы двинулись дальше, ближе к русскому поселку Угольные копи, а Акатагин перебрался на северную косу, отделяющую от моря Анадырский лиман, которая называется по-русски «Русская кошка» (по-чукотски Сюнрайгун).

*«Тышк,и и Вак,ата были сянликские (санлыг,мит), я их видела еще в Имтуке. Говорили они по-сянлыкски и Танти, моей матери муж, тоже. Тышк,и и Вак,ата уехали из Имтука, когда я еще жила там; поехали в Анадырь, зачем поехали — не знаю.*

*Жили они сначала подальше от Анадыря, сюда [к Уэлькалю] поближе. Как называлось их место, я не знаю. ...Жили они от всех отдельно, чукчей и эскимосов с ними других не было, не помню. Дочь Тышк,и Тьма потом вышла замуж за Анашкан,а. Он сиг,унпак,ун,азиг,ми, там они и поженились. Там дальше за Майн,ын,ытама жили еще эскимосы, семья Акатагына, Анашкан,а — старший брат его. Они из Чаплино приехали раньше, наверное, чем чаплинские в Уэлькаль. Тьма так и жила с Анашкан,а в другом месте поблизости, чуть дальше (мыса) Поворотного. Там она и умерла. Весь тот берег был чисто эскимосский, чукчей там совсем не было.*

*Моя старшая сестра Арин,тун,авын была замужем за Акатагыным, братом Анашкан,а. Они там вместе жили» (Екатерина Кутхаун, 1976, Уэлькаль)*



Через пару лет к одиночной яранге Акатагина присоединились еще четыре эскимосские семьи из Авана — братья Сырыскук (*Сыгыск'ук'* — ок. 1895 — ок. 1940) и Анканга (*Ан'к'ан'а* — ок. 1890—1950), их двоюродный брат Натагми (*Натыг'ми* — ок. 1890—1940) и зять Тукуся (*Тукуся* — ок. 1900—1948), выходец из Напакутака.

*«Когда я только замуж вышла, еще молодой была, мы всей семьей поехали в Анадырь (около 1924 года). Четыре семьи наши из Авана поехали: Ан,к,ан,а с женой и детьми; Сиг,ыск,ук, - его брат с семьей; мы с мужем Тук,уся — у нас детей еще не было; и Натаг,ми с женой. Вельбот у Ан,к,ан,ы был; на этом вельботе все поехали. Место это по-нашему называлось Сюнрайгун — это кося большая около реки Анадыря [Русская Кошка]. Когда туда приехали, там одна яранга стояла — Ак,атагин жил чаплинский с семьей. Вместе стали жить: четыре яранги у нас было. Через год или два мы с мужем вернулись назад в Аван. А Ан,к,ан,а, Сиг,ыск,ук, и Натаг,ми там остались. Там эти старики и умерли, я их потом больше не видела. А дети некоторые молодые вернулись в Урелики уже во время войны.*

*Почему мы поехали в Сюнрайгун, почему это место они выбрали — я не знаю: меня ведь не спрашивали. Я уже плохо совсем помню, потому что недолго там жила» (Аринаун, 1977, Новое Чаплино).*

Не исключено, что присутствие Тукуси стало для аватмит стимулом двинуться к Анадырю и подселиться к его соплеменнику Акатагину. Как видно, движение в сторону Анадыря с самого начала захватило всех южных эскимосов, и унгазигмит осваивали этот район независимо от других эскимосских племен.

Основание постоянного поселения на месте современного поселка Уэлькаль можно датировать 1923-м или 1924 г.:

*«По-моему, они раньше ездили (из Унгазика. — Прим. авт.) в Анадырь на нартах, на вельботах. Алекан хотел, видимо, поселиться первым, но у него детей не было, не мог один. А у его брата, моего деда Агвалика, много детей. В то время они были уже совсем взрослые, мой отец и его сестра же замужем были. Они и стали первыми людьми, которые поселились здесь... Но вообще, говорят, здесь кто-то жил, там есть ямы, нылю (землянки. — Прим. авт.) стоят. Якобы там от голода умерла семья, кто — не знаю. Но когда дед с братом приехали, уже пустое место было совсем» (Вера Агнальквасяк, 1976, Уэлькаль).*

В первой зимовке в Уэлькале участвовало около 15 человек, обитатели трех яранг. Первопоселенец Алекан (*Алик'ан*, ок. 1870—1935) из клана *саниг'мылн'ут* стал по эскимосской традиции «хозяйном» нового поселка. Почти одновременно с ними или на год позже на мысе Поворотном (по-чукотски Мейнгынгыттама) осела другая группа унгазигмит из клана *армарамкыт*, приехавшая из поселка Тыфлык к северу от Унгазика. Главой этого стойбища из трех или четырех яранг стал Атаин (*Атагын*, ок. 1890 — ок. 1950). Летом 1925 г. в Уэлькаль из Унгазика на двух вельботах прибыла еще одна волна переселенцев: Санбраун с многочисленными приживальщиками и Силга (*Силга*, ок. 1870—1940) из клана *армарамкыт*, женатый на сестре Санбрауна.

Охота на песцов отнимала у новых поселенцев гораздо больше времени и сил, чем это было на их родине. Она требовала рассредоточения охотников, каждому из которых был необходим свой участок угодий. Поэтому на новом месте мигрантам пришлось полностью перестроить свой привычный образ жизни, разбившись на маленькие стойбища из одной-двух яранг.



Прибыв в Уэлькаль, Силга и Санбраун отдали нескольких из прибывших с ними молодых женщин в жены жителям стойбища Алекана, но не стали присоединяться к нему, а основали собственные стоянки далее на юг по побережью. Санбраун поселился в местности Куйнгыгыргын, или по-эскимосски Куйнгык, т. е. «домашний олень»; Силга же двинулся еще дальше, в местность Рыпатынгу (по-эскимосски Паткулгук), в 10 км не доезжая стойбища его родственников-армарамкыт на м. Поворотном. С ними он стал кооперироваться на период летней охоты. Образ жизни в этих маленьких стойбищах отражают следующие воспоминания:

*«Зимой 1937 г. я ездил на нартах на комсомольскую конференцию в Анадырь из Providения. Проехали Куйнгыгыргын — там Укхактак (Санбраун. — Прим. авт.) жил. Уэлькаль проехали — там все унгазигмит. Уже недалеко от Анадыря наши аванские яранги стоят. Еще все живые тогда были. Первой стояла яранга Натагми. Переночевали и поехали к Анганге, он жил 15 км дальше по берегу на юг. У Анганги переночевали и дальше к Сырыскуку поехали. Он на самой Русской кошке стоял, еще южнее километров десять. Так они по одной яранге и жили зимой, а летом, наверное, вместе сходились... При мне они тогда на песцов охотились, поодиночке, по одной яранге. Там песцов очень много» (Петр Напаун, 1977, Сиреники; 4).*

Во второй половине 1920-х гг. связи «новой земли» с Унгазиком были оживленными и регулярными. Мужчины-переселенцы специально ездили в Унгазик и Имтук и забирали оттуда овдовевших родственников, детей-сирот и женщин из своих кланов. Переселение в Уэлькаль захватывало все новые и новые семьи. В 1926 и 1927 гг. сюда прибывает несколько вельбо-

тов армарамкыт из Унгазика, ранее знакомых с этими местами по торговым поездкам в Анадырь. В 1923 г. на территории от залива Креста до Анадыря жило около 50 эскимосов<sup>9</sup>, в 1929 г. — уже 120, а в 1930-е гг., когда переселение в основном завершилось, — около 200 [3, с. 86—87].

Большинство жителей «новой земли» составили активные, в прошлом зажиточные люди, привыкшие к постоянному общению с европейцами. Их миграция была типичным примером индивидуальной инициативы таких «сильных людей», чья энергия и предприимчивость толкали их к смене места жительства и образа жизни. Новое удивительно переплеталось в них со старым. Об этом говорит, например, и такой факт, что большинство лидеров переселений в залив Креста имели по несколько жен, что было уже редкостью в то время в самом Унгазике.

#### **Нутапельмен: выбор лякагмит**

Миграции унгазигмит на запад продолжались вплоть до полного укрепления советской администрации. Завершающим их аккордом стало переселение группы унгазигмит из многочисленного клана лякагмит на восточный берег залива Креста в конце 1920-х гг. Лякагмит, как и сянигмыльнгут и армарамкыт, традиционно жили в Унгазике на южной стороне поселка. Территория расселения этих кланов в поселке очень пострадала от наводнений из-за сильных штормов около 1910 г., которые привели к размыву южной части мыса Чаплина. Разъехавшись из Унгазика, семьи лякагмит сначала пытались создать отдельные стойбища на мысе Чаплина и островах пролива Сенявина. Когда эта тактика не оправдала себя, лякагмит также включились в движение на запад. Но они предпочли не присоединяться к главному потоку, в котором доминировали сянигмыльнгут и армарамкыт. Выбор лякагмит



пал на чукотский поселок Нутапельмен, расположенный напротив Уэлькаля, на другой стороне залива Креста.

Переселение льякамит началось в 1928 или 1929 г. В нем приняли участие в основном молодые охотники, которыми руководил человек по имени Амкынга (*Амкын'а*, ок. 1890—1935), старший сын Атангали, бывшего главы поселка льякамит в Мейнгыгуке. В течение двух-трех лет к ним присоединились другие родичи. Через несколько лет в Нутапельмене вырос вполне солидный по местным масштабам поселок, где жили 40—50 эскимосов. Они поддерживали постоянные связи с Унгазиком, Уэлькалем и другими эскимосскими колониями далее на запад вплоть до Анадыря. В последних, в частности, они искали себе брачных партнеров.

В отличие от Уэлькаля, на побережье, освоенном льякамит, уже было свое оседлое чукотское население. Здесь на косах Мээчкын и Редькин находились крупные моржовые лежбища. Хозяйственные и родственные отношения связывали местных жителей с чукотскими поселками далее на восток, в сторону мыса Беринга (Энмелен, Валькальтен и др.). Поэтому Нутапельмен стал единственным эскимосским поселком, где «хозяином земли» считался чукча Тынганвыреун. Его же называли хранителем окрестных моржовых лежбищ. Это подтверждает факт присоединения эскимосов к местной чукотской общине. И хотя льякамит по традиции не могли считать Нутапельмен «своей» землей, они быстро превратились в новую советскую элиту поселка — лидеров сельсовета и колхоза, заведующих местным отделением кооперации, школой и магазином.

#### **Конец свободного трапперства: Уэлькаль**

Именно с ранними фазами коллективизации в начале 1930-х гг. и был связан конец мелких эскимосских поселков и семейных

стойбищ «новой земли». В итоге к 1940 г. остались только два самых крупных: Уэлькаль и Нутапельмен. Уэлькаль вобрал в себя все населенные пункты почти до самого Анадыря, то есть Аннюалькаль, Куйныгыргын, стойбища Силги, Атаина и Акатагина. Только группа аватмит осталась жить отдельными ярангами на так называемом «10-м участке» на Русской кошке. Они не поддерживали связи с Уэлькалем и другими эскимосами и, по существу, просто исчезли; их отдельные потомки живут сейчас в г. Анадыре. Нутапельмен просуществовал до 1950-х гг., постепенно превратившись в чукотский поселок из-за оседания в нем оленеводов-кочевников. Его эскимосские жители либо растворились среди чукчей, либо отдельными семьями перебрались к своим соплеменникам в Уэлькаль.

«Новая земля» для азиатских эскимосов осталась памятником короткой эпохи коммерческого трапперства. Пушная охота в отличие от морского промысла требовала разбросанности расселения и ориентации каждой отдельной семьи на товарный рынок. Но золотой век трапперства на берегах Берингова пролива был недолгим и закончился в середине 1930-х гг. В Америке это было вызвано падением цен на песцовый мех и общим крахом северного пушного рынка, вызванным мировым экономическим кризисом [11; 8; 18]. В Советском Союзе причины целиком сводились к государственной политике и начавшейся перестройке аборигенной экономики в рамках плановой коллективизации. Новая власть несла с собой идеологию коллективного, а не индивидуального труда и концентрации населения в крупных поселках, где жизнь должна была регулироваться новыми социальными институтами.

Объединенный Уэлькаль, где в итоге собрались почти все переселенцы «новой земли», оказался довольно крупным по-



селком с населением около 200 человек. Здесь быстро восстановилась старая система социальных связей, основанная, как в Унгазике, на клановой солидарности и коллективной охоте на морского зверя.

*«Когда мы росли в Уэлькале, там много народу было. Все такие большие, крепкие — мужчины и женщины. Сейчас даже таких людей и не встретишь, вроде маленькие все стали ростом. Много там было семей — все чаплинские. Но во время войны сильная эпидемия была по всей Чукотке, грипп. Тогда очень много народу умерло: в Анадыре, здесь — в Чаплино и в Уреликах, и у нас там в Уэлькале.*

*Зимой, помню, мужчины наши: отец, брат его и другие — часто ездили в Анадырь. Это примерно 150–200 километров от Уэлькаля. На нартах ездили: пушнину менять и продукты покупать. А летом они на моржа охотились на вельботах — как здесь в Чаплино.*

*Стариков тогда в Уэлькале много было. Старики, старухи — гуляют на улице, подолгу стоят, разговаривают между собой. Наверное, старую жизнь вспоминают. Или спорят: какой месяц, какая луна. Потому что раньше у каждого были свои национальные праздники: их по луне определяли — через сколько-то дней как месяц зайдет. В Уэлькале тогда много праздников было» (Василий Нанок, 1977, Новое Чаплино; 4, с. 246).*

В поселке образовались устойчивые промысловые бригады из 5–7 мужчин, объединенные на основе клановой принадлежности и родственных уз.

*«Когда я вырос побольше, стал с ними на охоту ходить (в середине 1930-х гг. — Прим. авт.). У нас свой вельбот был и своя команда из родственников. Тогда в Уэлькале было пять или шесть вельботов: моего отца, Силги, Тантикина (все армарамкыт. — Прим. авт.), Мыкыли (сянигмыльнгут. — Прим. авт.) и*

*других» (Василий Нанок, 1977, Новое Чаплино; 4).*

Как видим, бригадами колхозных команд в Уэлькале, как правило, становились прежние владельцы вельботов или их сыновья, унаследовавшие лидерство у своих родителей.

Обитатели Уэлькаля и соседних поселков не образовали новой общности в составе азиатских эскимосов. По рассказам и воспоминаниям 1970-х гг., все переселенцы продолжали ощущать свою принадлежность к унгазигмит и сохраняли клановое самосознание и историческую традицию, привязанную к их прежней родине на м. Чаплина.

*Мы с моим мужем еще маленькими дружили в Старом Чаплино. Потом родители меня в Уэлькаль увезли, мне лет 15 было. Но они за мной туда приехали — Фсюк, а и старик Ивак, ак,, отец его. Тогда мы снова говорили и родители говорили, и все согласились. Ивак, ак, отцу моему подарки привез какие-то, нам даже не показали. И когда меня назад увозили в Чаплино, тоже наши подарки дали, но я не видела: все родители и родственники разобрали. Говорили «не хозяева вы».*

*Праздник (свадьба) у нас был в Уэлькале, ...в яранге у Тын, атагына, а не у моего родного отца (Ака), и все подарки Ивак, ак, тоже Тын, атагыну отдал. На свадьбу сшили нам специальную одежду. Помню, Тын, атагын, наверное, в Анадыре русскую одежду купил. В пологе уже сидели на празднике в рубашке.*

*...Как приехали в Ун, азик,, сначала жили у Ивак, ак, а в яранге. Там большая у них семья, яранга большая. Отдельный полог для себя поставили, там жили. (Кыльпа, 1977 г., Новое Чаплино; 4, с. 354)*

Могло ли в этом случае образоваться новое племя после сселения их в один



крупный поселок (в данном случае Уэлькаль)? Для этого требовался ряд дополнительных условий. Во-первых, необходим был разрыв связей с материнским племенем. Новые стойбища должны были укорениться на своих местах на протяжении какого-то времени и тем придать своим землям идеологическое значение, как это было у традиционных кланов. Во-вторых, для создания племени необходимо было подключение к нему каких-либо инородных, иноплеменных локусов, например, семей аватмит или сириныгмит, которые обитали ближе к устью Анадыря. Эти семьи, как известно, не поехали в Уэлькаль.

Без этих компонентов миграция в Уэлькаль оказалась чистой территориальной экспансией племени унгазигмит. Неудивительно, что жители Уэлькаля еще в 1970-е гг. сохраняли (и, возможно, до сих пор продолжают сохранять) тот фрагмент клановой структуры Унгазика, который организовал переселение. В объединенном крупном поселке, каким стал Уэлькаль, коллективная морская охота вновь стала стержнем социальной жизни. Так что к концу 1930-х гг., когда миграция уже

закончилась, Уэлькаль в принципе не отличался от других поселений в пределах основной территории азиатских эскимосов. История как бы совершила обратный ход, оставив трапперский период необычной страницей прошлого, быстро стирающейся из памяти с уходом из жизни старшего поколения жителей Уэлькаля, Унгазика и других поселков.

### Благодарность

История «новой земли» была восстановлена по рассказам следующих информантов: Ким Акилькак (Ак'ылк'ак', 1916—ок. 1990), Аринаун (Арин'авын, 1900-1985), Дмитрий Ателькун (Атылькун, 1919—1984), Екатерина Кутхаун (К'утгавын, 1914—1992), Кыльпа (1913—1989), Николай Лейта (Легта, 1910—1975), Василий Нанок (Нанук, 1925—1995), Петр Напаун (Напагун (1912—1983), Вера Никифорова (Аг'налк'уасяк', 1928—1983), Вера Укыгагаут (Укигаг'ун, 1934—1988) и других. Никого из них уже нет в живых. Мы благодарны этим людям, которые щедро делились с нами своими знаниями.

### Примечания:

<sup>1</sup>В начале 1990-х гг. в Уэлькале умерла Анна Рына (Рын,ан,а), 1924 г. рожд., последняя из эскимосских переселенцев, приехавших из Унгазика. В период нашей работы в 1970-е гг. в Уэлькале и других поселках были живы еще около 20 человек из тех, кто лично совершил переезд в залив Креста, будучи подростками или молодыми людьми.

<sup>2</sup>Во всех случаях при цитировании рассказов информантов мы указываем год и место записи и ссылку, если этот рассказ был ранее опубликован.

<sup>3</sup>Как показывает пример самого В.Г. Богораза, в 1901 г. плавание на байдаре с веслами и парусом с мыса Чаплина до устья Анадыря занимало примерно месяц. С остановками по дороге и гостеванием в поселках оно могло занимать 5—6 недель.

<sup>4</sup>Эскимосское население о. Св. Лаврентия за период между 1875 и 1895 гг. сократилось с 1000

—1500 до примерно 300 человек. Причинами такого резкого снижения числа жителей стали эпидемии, голод и плохие условия охоты. Хотя значительное количество эскимосов Чукотки переселилось на остров в 1880-е и 1890-е гг. [14], остров был тогда слабо заселен и многие его части совершенно обезлюдели.

<sup>5</sup>Об историческом расселении азиатских эскимосов и динамике их ареала — см. подробнее 5, 9, 1.

<sup>6</sup>Коммерческая добыча китов американскими китобоями в водах Чукотки и Аляски началась после 1850 г. Она привела к подрыву популяций морских животных; вовлечению эскимосов и приморских чукчей в сферу коммерческого китобойного промысла; активной торговли и контактов с китобоями и торговыми шхунами (см. подробнее 12).

<sup>7</sup>В скобках дается эскимосское написание имени согласно орфографии азиатско-эскимос-



ского языка и годы жизни лиц, упомянутых в тексте. Даты рождений в большинстве случаев установлены приблизительно; даты смерти взяты по имеющимся записям ЗАГС или составленным нами родословным.

<sup>8</sup>Куварын (Кувар, *К.уварын*, ок.1850 — ок. 1910) — богатый эскимосский торговец из Унгазика, упомянутый во многих документах и источниках конца XIX — начала XX в. Владелец нескольких лавок, по многим рассказам, самый богатый человек на всем побережье Чукотки. Весной 1901 г. в одном из домов, принадлежавших Куварыну, останавливался В.Г. Богораз и члены его группы, работавшей в Унгазике.

<sup>9</sup>По данным описи Чукотского уезда, зимой 1924 г. в Уэлькале числилось 23 эскимоса (6 мужчин, 8 женщин и 9 детей), живших в 4 ярангах. В соседнем Аннуалькале тогда жило 29 чел. Более южные эскимосские стойбища, расположенные ближе к городу Анадырю, в описи не упомянуты [7].

## Использованная литература

1. Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.
2. История Чукотки. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н.Н. Дикова. М., 1989.
3. Крупник И.И. Древние и традиционные поселения эскимосов на Юго-Востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски / Отв. ред. В.П. Алексеев. М., 1983.
4. Крупник И.И. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975—1987 гг. *Чукоткам юпигита ун'упамсюгит* / Ред.-сост. Крупник И.И. М., 2000.
5. Крупник И.И., Членов М.А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. — 1970-е гг.) // Советская этнография. № 2. 1979. С.19—29.
6. Крупник И.И., Членов М.А. 1993. Азиатские эскимосы в 20-м веке: Стратегия выживания. 1900—1990 гг. Неопубликованная рукопись
7. Материалы по статистике Камчатской губернии. Петропавловск-Камчатский, 1925.
8. Файнберг Л.А. Очерки этнической истории Зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М., 1971.
9. Членов М.А., Крупник И.И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII—XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). Л., 1983.
10. ACIA. Arctic Climate Impact Assessment. Cambridge, Cambridge University Press. 2005.
11. Alunik, I., Kolausok, E.D., and Morrison D. Across Time and Tundra: The Inuvialuit of the Western Arctic. University of Washington Press, Seattle. 2003.
12. Bockstoe J. Whales, Ice, and Men: The History of Whaling in the Western Arctic. University of Washington Press, Seattle, 1986.
13. Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. Religion. Social Organization. Memoirs of the American Museum of Natural History. Vol. XI, pt. I-III. Leiden-New York, 1904—1909 (reprint 1975, AMS).
14. Krupnik I. 'Siberians' in Alaska. Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880—1940. *Etudes/Inuit/ Studies*, 18(1-2). 1994. Pp. 49-80.
15. Krupnik, I., Chlenov M. Distant Lands and Brave Pioneers: Thule Eskimo Migration Revisited // On the Track of the Thule Culture from Bering Strait to East Greenland. Grønnow, Bjarne (ed.) Proceedings of the SILA Conference "The Thule Culture — New Perspectives in Inuit Prehistory". *Publications from the National Museum. Studies in Archaeology and History*, Vol. 15, 2009. Copenhagen Pp. 13—24
16. McGhee R.. Speculations on Climatic Change and Thule Culture Development // Folk 11—12. Copenhagen, 1969—1970. Pp. 173—184.
17. McGhee R.. Thule Prehistory of Canada. In: Damas, D. (ed.). Arctic. Handbook of North American Indians. Vol.5. Smithsonian Institution, Washington, DC, 1984. Pp. 369—376.
18. VanStone J. Exploration and Contact History of Western Alaska. In: Damas, D. (ed.). Arctic. *Handbook of North American Indians*. Vol.5. Smithsonian Institution, Washington, DC, 1984. Pp. 149—160.





Н.Б. Вахтин

Институт лингвистических  
исследований РАН  
(Санкт-Петербург)

## Материалы Е.С. Рубцовой по эскимосскому языку<sup>1</sup>

Как и вся человеческая история, линии научной преемственности, особенно междисциплинарной, прочерчиваются задним числом. Современники — народ невнимательный, не замечающий, а иногда и просто не знающий тех, кто работал в смежных областях до них или одновременно с ними. Только по прошествии времени, когда события прошлого выстраиваются, как железные опилки на листе бумаги в известном школьном опыте, вдоль загадочных, неясно откуда берущихся магнитных линий, мы начинаем понимать, *что* на самом деле произошло, начинаем видеть в истории развития двух смежных научных областей четкие сюжетные линии.

Особенно это касается такой изначально междисциплинарной области знаний, как североведение, где лингвисты часто «не замечают» работ этнографов, и наоборот. Границу между этнографическим и лингвистическим исследованием на Севере достаточно трудно провести, особенно для первой, довоенной половины XX в.: тогдашние



североведы — будущие этнографы и лингвисты — учились вместе в Институте народов Севера у В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга; и те и другие получили от них в наследство «боасовскую» традицию антропологии, согласно которой этнографическое описание не могло существовать без лингвистического и фольклористического, и наоборот. Г.Н. Прокофьев, С.Н. Стебницкий, А.Г. Форштейн, Н.Б. Шнакенбург, Е.А. Крейнович, В.И. Цинциус, Г.А. Меновщиков и другие занимались и языками, и этнографическими наблюдениями. В более поздние годы (1960—1970-е) другие школы, такие как «школа Дульзона» в Новосибирске, также уделяла внимание этнографическому и этнолингвистическому материалу. Однако сегодня эта традиция, к сожалению, никак не может называться *mainstream*’ом североведческих исследований. Только один пример: в прекрасной диссертации Петера Швайтцера, посвященной истории этнографического изучения Сибири и Севера [11], тщательнейшим образом проанализирована работа этнографов, но этнографическая работа лингвистов как-то выпала из сферы внимания автора, несмотря на то что лингвисты и этнографы, прежде всего петербургские, не замыкались в узких рамках своих отдельных наук, прекрасно знали друг друга, читали публикации друг друга, дружили, проводили совместные конференции и иногда даже совместные экспедиции — к тому же Институт этнографии и Институт языкознания, где работало большинство из них, располагались в те годы в двух шагах друг от друга, по обе стороны Биржевого переулка<sup>2</sup>.

Поэтому мне кажется уместным предложить в сборник, собираемый в честь замечательного *этнографа* Сергея Александровича Аругюнова, нижеследующую скромную заметку, цель которой — описание неопубликованных материалов одного из малоизвестных *лингвистов-североведов* —

Екатерины Семеновны Рубцовой (1888—1970). Тем более что «междисциплинарная преемственность», пусть и символическая, здесь, несомненно, прослеживается. Прежде всего, Сергей Александрович — по образованию лингвист-востоковед, активно использовавший свои лингвистические знания в этнографических исследованиях. Более того, насколько я знаю, Сергей Александрович впервые попал на Чукотку, в эскимосский поселок Уназик («Старое Чаплино») в июне 1958 г. проездом в Уэлен. За три года до этого Е.С. Рубцова была в Уназике в последний раз. Е.С. скончалась в 1970 г.; через два года после ее смерти я пришел в аспирантуру в Сектор палеоазиатских и самодийских языков Института языкознания и начал заниматься эскимосским языком. В 1977 г., во время моей второй экспедиции на Чукотку, я встретился в поселке Новое Чаплино, куда к этому времени были переселены все уназикцы, с экспедицией московского Института этнографии, в которую С.А. входил уже как руководитель экспедиции (кроме него, в ней участвовали М.А. Членов, И.И. Крупник и И.И. Пейрос). Это лето 1977 г. я вспоминаю как один из самых плодотворных полевых сезонов, и не в последнюю очередь благодаря присутствию С.А. — умног<sup>3</sup>, открытого и неунывающего человека, подарившего мне не только массу новых профессиональных знаний, но и множество прекрасных минут замечательного человеческого общения.

Кто такая Рубцова и что представляют собой собранные ею эскимосские материалы?

Екатерина Семеновна Рубцова родилась 29 октября (11 ноября н.с.) 1888 г. в деревне Русские Чукалы Симбирской губернии<sup>3</sup>. В анкетах в графе социальное происхождение писала «мещанка из крестьян». Ни в ВКП(б), ни в каких других партиях никогда не состояла. Работала сельской учительницей в Поволжье, в 1929 г. попала на Чукотку,



учительствовала там. В 1933 г., сорока пяти лет, Е.С. поступила на Северный факультет Герценовского института в Ленинграде, окончила его в 1938 г. (получив диплом по специальности «учитель русского языка и литературы и эскимосского языка средней школы») и стала работать вначале в Герценовском институте, затем — в Институте языкознания. Несколько раз — в 1940, в 1948 гг. и позже — снова ездила на Чукотку к эскимосам, на этот раз в длительные экспедиции.

Вот как вспоминает о работе Е.С. на Чукотке учительницей одна из ее учениц, Валентина Михайловна Выйе (1917—1997):

*«В 1929 году приехала учительница Рубцова Екатерина Семеновна. Мы ее так боялись, даже близко не подходили. Насчет школы стали говорить, для школы дали домик американский у Нумтагна, поставили железную печку, и там мы учились. Отец меня привел в школу, и стала ходить каждый день. В поселке часов не было, мы не знали, что время дня тоже считать можно. Каждое утро у школы поднимали красный флаг, и мы ходили в школу. Если рано встаем, следим за флагом, если поднимают — идем в школу. У нас в классе ничего не было, кроме доски. Мы сидели на полу или лежа писали буквы, изучали цифры. Когда первый раз учительница с нами говорила, мы совсем не понимали. У нас был один самоучка, который по-русски немного понимал, его звали Аляляун, он на уроках нам переводил, что говорила учительница, а он нам по-эскимосски переводил. Так трудно было учительнице Рубцовой в первые дни нашей учебы, а потом, когда мы выучили буквы и стали читать по слогам, Аляляун помог нам составить словари. Мы стали собирать слова по-эскимосски, а потом по-русски. Мы так стали понимать русские слова. Она, то есть учительница Рубцова, жила в яранге у Аляляуна, ей сделали полог из оленьих шкур и жирники, она готовила себе пищу на жирниках.... У нас была американская ножная машина швейная, отец*

*дал Рубцовой эту машину и заказал, чтобы она мне сшила платье, и она сшила только с белого материала. Отец так хотел, чтобы я по-русски научилась говорить, и я к учительнице стала ходить и пробовать разговаривать по-русски, и она меня так быстро научила говорить по-русски, в школе мы были отличниками с Атамой Михаилом. Потом на каждом собрании стали переводчиками»<sup>4</sup>.*

А вот как сама Е.С. описывает свой первый год на Чукотке:

*«Первое школьное помещение представляло собой маленький деревянный домик американского образца, сбитый из тонкого теса. Такие домики богатые туземцы до революции покупали у американских купцов для хранения охотничьего инвентаря... Домик состоял из двух половин. Первая была холодной, с одинарной стенкой, вторая обшита тесом с двух сторон. Представьте себе комнату в два метра шириной и в четыре длиной с маленьким разбитым камбузом (печью) в одном углу, с полочками, заменяющими книжный шкаф, — в противоположном, и вы получите картину класса, который предоставила в мое распоряжение местная администрация. Из классной комнаты дверь вела в третью «комнату», если так можно назвать куб высотой с человека среднего роста, где с трудом помещалась одна кровать. Здесь первое время, пока эскимосы не поставили зимних яранг, жила я»<sup>5</sup>.*

Приведу здесь полностью текст «Автобиографии» Е.С. Рубцовой — обязательно-го документа в любом личном деле<sup>6</sup>.

#### **Автобиография мл. научного сотр. Института языкознания Рубцовой Екатерины Семеновны**

Родилась в 1888 г. 29 октября ст. ст. в дер. Русские Чукалы Чувашской АССР Шемуршинского р-на. Начальную школу окончила в соседнем селении Новые Чукалы. С 1903 по 1906 (3 года) училась во второклассной учительской школе, которую окончила с похвальным листом. В 1907 г. сдала экза-



мен экстерном при канцелярии попечителя Казанского учебного округа и получила звание учительницы начальных училищ. С 1907 по 1910 г. (2 учебн. г.) шила на людей, так как не могла поступить на должность учительницы. С 1910 по 1915 г. (5 лет) учительствовала в дер. Люля бывш. Буинского уезда Симбирской губ. С 1915 по 1919 г. (4 года) учительствовала в дер. Мордовские Тюки теперь Чувашской АССР Шемуршинского р-на. С 1919 по 1927 г. (8 лет) учительствовала в с-це Малый Чилим теперь в Среднем Поволжье Сурского р-на.

В 1927 г. переехала в Петропавловск на Камчатке. К началу учебн. года опоздала, а поэтому зиму жила у брата. Весной 1928 г., 2 1/2 месяца, занималась с малограмотными техн. служащими больницы г. Петропавловска. 1928—1929 уч. год учительствовала на о-ве Медном (Командорские о-ва) в селе Преображенском среди алеутов. С 1929 по 1932 г. (3 года) учительствовала в р-не школы Имтук-Сиреники на Чукотке в Чукотском р-не. В 1932 г. получила отпуск по февраль 1933 г.

С 1933 по 1938 г. (5 лет) училась в педаг. Институте имени Герцена в Ленинграде. С 1938 по 1940 г. (2 г.) работала в ИНСе в качестве мл. научного сотрудника Лингвистической секции по эскимосскому языку. В 1940 г. была командирована Институтом народов Севера на Чукотку для сбора фольклорного и языкового материала на месте. В 1941 г. дирекция ИНСа телеграммой рекомендовала мне задержаться на месте, т. к. работа ИНСа была свернута из-за войны. С 1941 по 1946 г. (5 лет) преподавала в Анадырском педучилище на Чукотке русский язык и эскимосский язык.

Летом 1946 г. была вызвана правительственной телеграммой в Ленинград на 2 месяца для работы над учебниками по эскимосскому языку. С 1947 г. (январь) работала в Институте им. Марра, ныне Институт языкознания АН СССР.

В 1938 г. был арестован старший брат. За что его арестовали, никто из родных не знает. Со дня его ареста ни я и никто из родных ничего о нем не знаем. Считаем его умершим<sup>7</sup>.

*/подпись/  
1950 г. 25 октября*

В Институте языкознания Е.С. проработала до декабря 1964 г., до пенсии; ей, младшему научному сотруднику без степени, было 76 лет. В экспедиции к эскимосам ездила за время работы в Институте дважды — в 1948 и в 1954—1955 годах, каждый раз примерно по году проводила «в поле»<sup>8</sup>. В характеристике, выданной Е.С. и подписанной заведующим сектором языков народов Севера академиком И.И. Мещаниновым, отмечаются ее «исключительные знания эскимосского языка» и большая научная ценность собранного ею текстового материала, который «ею же и разрабатывается»<sup>9</sup>.

Екатерина Семеновна Рубцова была скромным человеком. «Исключительными» ее знания языка эскимосов называли другие, сама она писала в анкете в ответ на вопрос о том, какими языками, кроме русского, владеет: «эскимосский язык — владею слабо».

Но нет, «слабым владением» никак невозможно назвать то, как она знала язык. В списке ее научных работ — меньше десятка названий, но две из них стоят иных сотен: это сборник текстов в 556 страниц, увидевший свет в 1954 г. [8], и эскимосско-русский словарь на 19 000 слов, опубликованный в 1971 г. [9]<sup>10</sup>. Можно уверенно сказать, что без этих двух книг — даже с учетом той огромной работы, которую провел младший коллега Е.С., мой покойный учитель Г.А. Меновщиков — наши знания об эскимосском языке были бы неизмеримо беднее<sup>11</sup>.

Мне не довелось встретиться с Е.С. лично: она скончалась в 1970 г., а я пришел в



Сектор палеоазиатских языков на два года позже. Но мне кажется, что по рассказам старших коллег я могу представить себе ее: невысокая тихая пожилая женщина — почему-то мне кажется, что в нарукавниках — сидит за столом и пишет, пишет, пишет словарные карточки. Часами, неделями, годами...

В приказе № 156 от 25 декабря 1964 г. по поводу ухода Е.С. на пенсию сказано:

«Особенно большую научную и практическую ценность представляют работы, завершающие жизненный труд Е.С. Рубцовой. Это созданный ею фундаментальный эскимосско-русский словарь и «Материалы по языку и фольклору азиатских эскимосов». Вторая часть «Материалов» еще не опубликована, и коллектив Института сердечно желает Екатерине Семеновне здоровья и бодрости для успешного завершения этого труда и подготовки его к печати»<sup>12</sup>.

Увы, здоровья и бодрости ей не хватило: она не успела завершить второй том «Материалов», и он пролежал в Институте в рукописи больше 40 лет. Но в том-то и достоинство полевой лингвистической работы: мало на свете теорий, которые переживут такой срок — а тексты, записанные Е.С. на Чукотке в 1940—1941 гг., с каждым годом, как старое вино, только растут в цене.

Первый том текстов, напомним, вышел в 1954 г. [8]; он включает 45 текстов, записанных в 1940 г. в селении Уназик (Старое Чаплино) от слепого рассказчика Айвухака и перепроверенных Е.С. в 1948 г. во время экспедиции. Трудно переоценить значение этой книги для расширения наших знаний об эскимосском языке и культуре. Упомянутая выше «боасовская» традиция антропологии, воспринятая Е.С. от своих учителей — прямых учеников и коллег Франца Боаса — реализовалась в этой книге в полной мере: лингвистика, этнография и фольклор присутствуют в ней неразрывно.

Книга начинается с предисловия, в котором Е.С. описывает современный быт эскимосов (то есть «современный» для конца 1940-х — начала 1950-х гг.). Это короткое описание снабжено этнографическими рисунками (приложение, с. 514—553): общий вид яранги, каркас зимней яранги, план яранги, внутренний вид зимнего полога, модернизированные жилища (опять общий вид, каркас, планы), подмости для хранения хозяйственных принадлежностей, рисунки домашней утвари, одежды, обуви, охотничьего и рыболовного снаряжения, лодок, нарт, портреты людей, всего 54 карандашных рисунка, сделанных Е.С. в 1940-е гг. на Чукотке. Большинство рисунков имеют пояснения: эскимосские названия деталей жилищ, лодок, нарт. Приложение 5 (с. 505—513) представляет собой тематический словарь-указатель предметов, изображенных на рисунках. Другие приложения перечисляют эскимосские названия предметов питания, одежды, обуви, термины родства, наименования животных и растений.

Кроме того, в предисловии приведена полная библиография трудов по эскимосскому языку, вышедших на тот момент порусски, краткая история изучения языка, его диалектное членение и описание публикуемых текстов и их говорных особенностей.

Однако главная ценность книги — сами тексты и комментарии Е.С. к ним. Фольклорные тексты записаны с удивительной точностью; достаточно сказать, что Е.С. слышала и отмечала долготу гласных, которая редко отмечалась в последующих публикациях. Комментарии к текстам — глубокие и тонкие, часто до сих пор не превзойденные лингвистические наблюдения автора, семантические и морфологические параллели, разбор значений морфем, часто просто ассоциации, иногда не слишком систематизированные, но от того не менее ценные.



Второй том «Материалов» Е.С. готовила до конца 1960-х гг., уже будучи на пенсии, но, как было отмечено выше, не успела завершить. Рукописные материалы Е.С. ко второму тому собраны в трех папках. Папка 1 включает 18 текстов, папка 2—19 текстов и папка 3—24 текста и объединенные в три блока 134 мелких песенных текста, по несколько строчек каждый. Общий объем — примерно 900 машинописных и рукописных страниц. Степень готовности разная: от выправленной машинописи до черновых записей.

Ниже приводится полное описание коллекции<sup>13</sup>.

**Папка 1.** Рассказчик всех текстов — Налугйак' (всего 18 текстов, 119 страниц)<sup>14</sup>.

1. Сивук'ах'ми (Житель Сивукака<sup>15</sup>). Без даты. 10 страниц, рукопись, частично рукой Е.С. Рубцовой, частично другой рукой (В. Агналькасак?)

2. Йугыт стамат ан'лыгуткулх'ит (Четверо мужчин — родных братьев). Текст записан в середине ноября 1940 г. 12 страниц, правленая машинопись с вписанными ударениями и долготами.

3. К'уйилтык аг'наг'ак' (Девушка-оленеводец). Без даты. 13 страниц, рукопись, незнакомой рукой.

4. Айгыск'ыми к'уйилтык нукаг'алык (Оленевод с Крайнего Севера со второй женой). Текст записан в декабре 1940 г. 5 страниц, правленая машинопись. (Практически тот же текст — см. Папка 2, № 5).

5. Йугн'ук' авах'утах'льулг'и (Мужчина, у которого не живут дети). Текст записан 12 ноября 1940 г. 4 страницы, правленая машинопись.

6. Мыйн'ыгуг'ми (Житель Майныгука). Текст записан в конце ноября 1940 г. 5 страниц, правленая машинопись.

7. Йугыт талымат ан'лыгутулх'ит, нуйыктык' авак'утилн'ук' (Пять мужчин родных братьев, старший бездетный). Текст

записан 11 ноября 1940 г. 2 страницы, правленая машинопись.

8. Йак'ылтын'итак' (Бабочка). Текст записан 5 ноября 1940 г. 4 страницы, правленая машинопись.

9. К'уйылтык (Оленевод). Текст записан 30 октября 1940 г. 3 страницы, правленая машинопись.

10. Без названия (Ун'ипаг'ани имани йук аг'вын'йук'ак' «В сказке этой мужчина удачливый охотник на китов»). Текст записан 1 ноября 1940 г. 3 страницы, правленая машинопись.

11. Нугутк'ак' (Нугуткак). Текст записан в феврале 1941 г. 11 страниц рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

12. Ивгаг'ми (Житель Ивагака). Текст записан зимой 1940 г. 9 страниц, правленая машинопись.

13. К'авйараг'ми (Житель Кавьярака). Текст записан в ноябре 1940 г. 14 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

14. К'аспыта инлыг'наг'ми (Каспыта, житель Инлыгнака). Текст записан зимой 1940 г. 2 страницы, правленая машинопись.

15. Йугыт малг'ук ан'лышуткулх'ик (Двое мужчин родных братьев). Текст записан 29 ноября 1940 г. 7 страниц, частично рукопись (рукой Е.С. Рубцовой), частично правленая машинопись.

16. Айумик натын кийах'симафтат (Как люди жили раньше). Текст записан в январе 1941 г. 4 страницы, правленая машинопись.

17. Айумик тагна натын кийах'так'а (Как тогда давно жили люди). Текст записан в декабре 1940 г. 8 страниц, правленая машинопись.

18. Йугыт пин'айут сивунг'ит (Трое мужчин предков). Текст записан в ноябре 1940 г. 3 страницы, правленая машинопись.

**Папка 2** (всего 19 текстов, 115 страниц)

1. Наг'уйа мытын'льунун нын'ауйси-малг'и (Чайка ворону за жену отработыва-



ла). Текст записан 30 октября 1940 г. Рассказчик не указан. 1 страница, направленная машинопись.

2. Нагунах'ак' (Нагунахак). Текст записан 30 октября 1940 г. Рассказчик не указан. 2 страницы, направленная машинопись.

3. Ун'азиг'мит (Жители Уназика). Текст записан в декабре 1940 г. Рассказчик не указан. 4 страницы, направленная машинопись.

4. Натын тагани кийах'так'ат йугыт (Как тогда давно жили люди). Без даты, рассказчик не указан. 4 страницы, направленная машинопись.

5. Айгыск'ыми к'уйилгык нукаг'алык (Далеко на севере оленевод со второй женой). Текст записан в декабре 1940 г. Рассказчик не указан (Налугйак?). 6 страниц, направленная машинопись. (См. Папка 1, № 4).

6. Нук'аг'ми (Житель Нукака [Лорино]). Текст записан 14 декабря 1940 г. 7 страниц, рассказчик не указан, направленная машинопись.

7. Без названия (Имак'лыг'ми йук умилык... «Имакликский мужчина старшина...»). Текст записан в первых числах декабря 1940 г. 15 страниц, рассказчик не указан, направленная машинопись.

8. Без названия (Йугыт тальимат ан'дыгуткулх'ит... «Пять мужчин родных братьев...»). Текст записан зимой 1940 г. 3 страницы, рассказчик не указан, направленная машинопись.

9. Укигйаг'аг'мит (Жители Укигьягака). Без даты. Рассказчик не указан. 4 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

10. Ик'ан'их'ак' (Иканихак). Без даты. Рассказчик не указан. 3 страницы, рукопись, неизвестной рукой.

11. Аг'нак' уйин'илн'ук' (Незамужняя женщина). Без даты. Рассказчик не указан. 3 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

12. Нук'аг'мит (Жители Нукака (Лорино)). Без даты. Рассказчик не указан. 5 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

13. Кыгых'мит (Жители Кыгыка). Без даты. Рассказчик не указан. 7 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

14. Имак'льлиг'мит (Жители Имаклика). Текст записан 12 ноября 1940 г. Рассказчик не указан. 7 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

15. Анук'ыт ах'тираг'г'уткыльх'ат (Спор ветров). Текст записан 17 июля 1955 г. Рассказчик Имагми. Сиклюкский говор. 4 страницы, рукопись, неизвестной рукой.

16. Йук аг'вын'йук'ак' (Мужчина удачливый охотник на китов). Текст записан 12 марта 1941 г. Рассказчик Имагми. Сиклюкский говор. 14 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

17. К'укыльын (Кукылин). Без даты. Рассказчик не указан. 2 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

18. Имак'льлиг'ми нулилык (Житель Имаклика с женой). Без даты. Рассказчик не указан. 10 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

19. Имак'льлиг'мит (Жители Имаклика). Без даты. Рассказчик не указан. 14 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

**Папка 3** (всего 158 текстов, из них 134 очень короткие песни, в несколько строк, 265 страниц).

1. Мытых'льугы-нук наг'уйа-нук (Ворон и чайка). Текст записан весной 1941 г. Рассказчица Инйына:уйн. Уназикский говор. 4 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

2. Йук нулих'тук'ак' (Мужчина без жены). Текст записан зимой 1941 г. Рассказчица Инйына:уйн. Уназикский говор. 2 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

3. Пикилн'ауйн, кылукан'а:уйн (Пиклынауйн, Кылюканауйн). Текст записан зимой 1941 г. Рассказчица Инйына:уйн. Уназикский говор. 5 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

4. Майн'ыра (Майныра). Текст записан зимой 1941 г. Рассказчица Инйына:уйн.



Уназикский говор. 6 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

5. Сульпагми (Житель Сюльпака). Текст записан весной 1941 г. Рассказчик Эмма. Кивакский говор. 15 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

6. Пананрак (Пананрак). Текст записан весной 1941 г. Рассказчик Эмма. Кивакский говор. 10 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

7. Килгараг'ми алигналг'и (Килгаракский шаман). Текст записан весной 1941 г. Рассказчик Эмма. Кивакский говор. 15 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

8. Ных'сам вувальан'а (Нерпичий праздник). Без даты. Рассказчик Тагикак. 3 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

9. Умилык ан'ылг'и (Большой старшина). Без даты. Рассказчик Тагикак. 2 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

10. Куси (Ёж). Без даты. Рассказчик Тагикак. 1 страница, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

11. Калъук (Гроза). Без даты. Рассказчик Тагикак. 3 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

12. Ак'ана тун'тун'их'ак' (Акана — дикий олень). Без даты. Рассказчик Тагикак. 3 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

13. Нук'аг'мигн'ук (Два жителя Нукака (Лорино)). Без даты. Рассказчик Са'айа. Эстихетский говор. 3 страницы, рукопись, неизвестной рукой.

14. Без названия (Йун'ук' авак'утах'луграгнык'... «У мужчины, говорят, не живут дети...»). Текст записан весной 1941 г. Рассказчик Са'айа. Эстихетский говор. 2 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

15. Без названия (Сивунун Ан'ытик'уми литун'а... «Сначала в Антыкуке стала себя помнить...»). Шесть мелких текстов, без даты. Рассказчик Ринту'и. 5 страниц вместе с переводами, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

16. Без названия (Уксуми сикумун ан'йак'ат... «Зимой на льду охотивших-

ся...»). Без даты. Рассказчик Ринту'и. 13 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

17. Син'иг'ми (Житель Синика). Текст записан зимой 1941 г. Рассказчик Мумтак'. 6 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

18. Гыг'аг'ми (Житель Гыгака). Текст, видимо, записан зимой 1941 г. Рассказчик Мумтак'. 17 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

19. Укиваг'ми к'ун'йах'талг'и (Укивакский ревнивец). Текст записан зимой 1941 г. Рассказчик Утатаун. 17 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

20. Майырах'пак (Майырахпак). Текст записан в конце сентября 1952 г. Запись студентки Аналк'юасак. Рассказчик Итхуткак. 9 страниц, правленая машинопись.

21. К'уйилык алигналг'и (Оленевод шаман). Текст записан зимой 1941 г. Рассказчик Татко. 24 страницы, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

22. К'уйилык (Оленевод). Текст записан зимой 1941 г. Рассказчик Татко. 28 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

23. Илагатыг (Обрядовые и развлекательные песни). Без даты. Рассказчик(и) неизвестны. 56 очень коротких песен. 18 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой.

24. Агутыг (Плясовые песни). Без даты. Запись Альгами (?). При некоторых помечены рассказчики (Аг'лю, Сайак'а, Тина, Йатылин, Айвых'ак', Налуг'йак', Апатак', Сикльалык, и др.) 55 очень коротких песен. 14 страниц, рукопись, разными руками.

25. Сайутыг (Трудовые песни). Без даты. Рассказчики не указаны. 23 очень коротких песни. 6 страниц, рукопись, неизвестной рукой.

26. Уитуг'йуйисак аг'нак' (Женщина, не желающая выходить замуж). Текст записан в Анадыре 26 января 1943 г. Рассказчик Кейнына, студент педучилища. Науканский язык. 16 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой и еще одной неизвестной рукой.



27. Нукальпег'ак' мытыг'вигни (Мальчик у орлов). Текст записан в Анадыре 22 января 1943 г. Рассказчик Кейнына, студент педучилища. Науканский язык. 14 страниц, рукопись, рукой Е.С. Рубцовой и еще одной неизвестной рукой.

Из этого описания и из приведенного ниже списка рассказчиков видно, что главная ценность труда Е.С. — в том, что она сознательно и целенаправленно собирала тексты от носителей разных говоров — кивакцев (к'иваг'мит), сиклюкцев (сиклуг'мит), аванцев (аватмит), аткальхагми, истихетцев. В предисловии к Словарю [9, с. 5] Е.С., кажется впервые в истории изучения эскимосского языка, перечисляет чаплинские говоры — эстихетский, сиклюкский, кивакский — представителей, как она это называет, «разных семейно-общинных групп» (которые позднее стали называть кланами) и разных поселков, отмечает отличия эстихетского (аванского) говора от уназикского. В период, когда основной заботой лингвистов (а также партии и правительства) было формирование литературного эскимосского языка на основе уназикского говора, сама мысль, что необходимо собирать и хранить «неправильные» тексты, отклоняющиеся от стандарта, была достаточно новой и смелой. Сегодня благодаря этому говорному разнообразию ценность коллекции текстов Е.С. возрастает многократно.

#### Сведения о рассказчиках

*(Приводимые ниже сведения о людях, с чьих слов Е.С. записала свои неопубликованные тексты, были присланы мне И.И. Крупником, за что я ему искренне признателен).*

**Имагми** (Imagmii, русское имя Антон, 1903—1974) — мужчина из клана *сиг'унпагыт* в составе чаплинских эскимосов<sup>16</sup>; исторически это клан был связан с островами пролива Сенявина. Родился в поселке Напакутак на о. Ыттыгран, откуда вместе со всеми жителями около 1932 г. переселился в соседний поселок

Сиклюк. В 1952 г. вместе с последними жителями Сиклюка был переселен в Уназик (Старое Чаплино). Сиклюкский говор.

**Иныйнау** (Inyingaawen, по прозвищу «Бабуля», ок. 1890—1967) — женщина из клана *сяниг'мылн'ут*, считавшегося «хозяевами» Старого Чаплино. Дочь богатого эскимосского торговца Куварына. Не имела своей семьи и воспитывала детей из родственных семей своего клана. Уназикский говор.

**Итхуткак** (Itgutkaq, русское имя Петр, 1924—1965) — мужчина из клана *лякаг'мит*. Родился в Уназике, детство провел в Укигыяраке; был одним из молодых активистов, работал продавцом в чаплинском магазине. Последние годы жизни провел в Уэлькале; был женат на Вере Анальгвасак, эскимосской учительнице, выпускнице ЛГПИ им. А.И. Герцена. Уназикский говор.

**Кейнына** (науканский язык) — возможно, Кейн'она. Об этом человеке ничего не известно. Возможно, лежал в больнице в Анадыре, когда Е.С. оказалась там в 1958 г.

**Мумитак** (Muumetaaq, ок. 1880—1942) — известный охотник, бригадир из клана *сяниг'мылн'ут*. Родился и умер в Уназике. Уназикский говор.

**Налугйак'** (Nalugyaq, 1888—1942) — мужчина, глава небольшого клана *нын'лювагыт* («в землянках живущие»). Признанный знаток истории своей группы. От него Е.С. записала несколько текстов о жизни чаплинских эскимосов в XVIII—XIX вв., когда чаплинцы были рассеяны в небольших поселках вдоль побережья мыса Чаплина и на островах пролива Сенявина [см. 1, с. 84—85]. Уназикский говор.

**Ринтууи** (Rintugyi, ок. 1875 — ок. 1945) — мужчина, глава небольшой общины *атк'алгх'аг'мит*, жителей поселка *Атк'алгх'ак'* возле мыса Столетия, у западного входа в Бухту Провидения. По преданиям, *атк'алгх'аг'мит* происходили с о. Св. Лаврентия и около 1880 г. покинули свой



поселок и переселились жить в Имтук (и от туда в Сиреники около 1930 г.). В период работы Рубцовой в Сирениках в 1941 г. Ринтууи был самым старшим по возрасту в группе *атк'альх'аг'мит*; возможно, он был последним из тех, кто когда-то родился в поселке Аتك'альх'ак'. По воспоминаниям сирениковских старейшин, община *атк'альх'аг'мит* сохраняла в своем языке некоторые говорные особенности [см. 5, с. 448—451]<sup>17</sup>.

**Сяўайя** (Sawaya, также Саваткулин, ок. 1885—1950) — мужчина, уроженец селения Аван у входа в бухту Провидения. Около 1915 г. вместе со своей семьей и семьей старшего брата Нагныг'уна (Нагная, Nagneghun) переехал в Имтук, откуда вместе со всеми жителями около 1930—1932 гг. переехал в Сиреники. Разросшиеся семьи братьев Сяўайя и Нагнайя положили начало общине *аватмит* в составе эскимосов Сиреников. Е.С. была с ним хорошо знакома со времени своей учительской работы в Имтуке в 1929—1931 гг.

**Тагикак** (1926—1941, мальчик, сын охотника Гальмугйи) — уроженец Уназика, трагически погиб в возрасте 15 лет. Уназикский говор<sup>17</sup>.

**Татко** (Татку, Tatku, ок. 1875 — ок. 1944), чаплинский охотник из клана лякагми, старший брат Сиг'у. Родился и умер в Уназике. Уназикский говор.

**Утатаун** (Utataawen, 1900—1967) — известный охотник, бригадир из клана *сяниг'мыльн'ут*, «хозяев» Уназика, один из последних «настоящих охотников» среди чаплинских эскимосов. По воспоминаниям чаплинцев, Рубцова была особенно близка с семьей Утатауна и в свои приезды в Чаплино обычно жила в его яранге. Считалось, что жена Утатауна Ягта хранила некоторые рукописи и материалы Рубцовой, которые были оставлены ей на хранение после последней экспедиции Рубцовой к эскимосам в 1954—1955 гг. Уназикский говор.

**Эмма** (Ымма, Ema, 1886—1957) — мужчина из клана *лякагмит*. Родился в Унгазике, около 1915 г. его семья вместе с другими родственными семьями переехала жить в поселок Кивак, откуда в 1950 г. вместе со всеми жителями Кивака они вернулись в Старое Чаплино. За 35 лет жизни в Киваке Эмма мог усвоить некоторые особенности кивакского говора.

### География говоров

Рассказчики, от которых Е.С. записывала тексты (не считая двух текстов по-наукаански), были носителями пяти различных говоров и происходили соответственно из пяти поселков юго-восточной Чукотки, ни один из которых сегодня не сохранился. Поселок Аван (Эстихет или Истихет, от англ. East Head) был закрыт в 1942 г., Аткальхак покинут около 1880 г., Кивак закрыт ок. 1952 г., Сиклюк закрыт в 1950 г., Уназик — закрыт в 1958—1959 гг. Эти и многие другие данные о поселках можно найти в работе И.И. Крупника [4]. Географически поселки расположены (с юго-запада на северо-восток) от горловины бухты Провидения (пос. Аткальхак на западном, пос. Аван — на восточном берегу), через южную точку лагуны Кивак (пос. Кивак), мыса Чаплина (пос. Уназик) и до северной оконечности острова Ыттыгран (пос. Сиклюк), то есть охватывают практически весь ареал распространения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова (за исключением самой северной его части, поселков на о. Аракамчечен) [см. карту 4, с. 68].

Любопытна и «география» самих текстов, точнее сюжетов. Некоторые тексты не имеют никакой географической привязки: действие происходит в сказочном, условном пространстве («в некотором царстве, в некотором государстве...»). В текстах другого типа упоминаются как сказочные, так и реальные топонимы: персонажи сказок живут в конкретных поселках, путешествуют



по конкретным маршрутам, которые в принципе при наличии подробной карты этого ареала можно проследить. В первых шести текстах папки 3, например, упоминаются следующие топонимы: Агунгу (Аген), Имаклик, Иналык, Инсигвик, Канаргин, Килгарак, Курим, Майнырак, Маскын, Мыткугья, Нунлигран, Нывукак, Раткино (Руддер), Сивукак, Сюльпак, Такывак, Талькап, Тупак, Энурмино. Уже по одному этому примеру видно, что герои сказок странствуют по всему эскимосскому ареалу, от Имаклика и Иналика — поселков на островах в северной части Берингова пролива, до Сивукака — острова Св. Лаврентия. Иными словами, все это пространство в фольклорном сознании эскимосов было актуальным, освоенным, и пассажи типа «Чукча-оленеvod поехал в Аген, чтобы вылечить больного... Потом, после Агена, в Нунлигран направился. Нунлигранского больного вылечил... Снова еще поехал в Такывак. Такывакского больного вылечил...» и т.п. (текст № 7 «Килгаракский шаман» из папки 3, записанный от носителя кивакского говора) не нуждаются в пояснениях: рассказчик предполагает, что слушателям прекрасно известно местонахождение всех этих поселений. Было бы интересно составить полный свод упоминающихся в текстах топонимов, наложить их (по возможности) на карту и получить таким образом полную топографию эскимосского сказоч-

ного мира; тексты Е.С. дают превосходный материал для такого анализа.

Последнее, что хотелось бы здесь сказать. Перечисленные выше тексты Е.С. Рубцовой готовятся сейчас к печати. Значение их для того, что сегодня называется «endangered language documentation», трудно переоценить, не в последнюю очередь потому, что они фиксируют ныне исчезнувшие говоры чаплинского языка по состоянию на начало 1940-х гг. — времени, когда влияние русского языка на эскимосский еще практически не ощущалось. Более того, эти тексты — бесценный фольклорный материал: некоторые сказки включают новые мотивы, не учтенные в сводном указателе эскимосских фольклорных мотивов [см. 6]. Эти тексты, наконец, исключительно важны для эскимосских общин как на Чукотке, так и на о. Св. Лаврентия (США), жители которого говорят на том же чаплинском языке: через записанные Е.С. тексты к сегодняшним эскимосам вернется культурное наследие их предков, что может оказать позитивное влияние на возрождение эскимосского языка.

Материалы, описанные в данной публикации, — зримый результат подвижнического труда Екатерины Семеновны Рубцовой, уникальный лингвистический и фольклорный памятник. Вместе с опубликованным первым томом они составят бесценный свод языковой и культурной информации об эскимосском народе.

#### Примечания:

<sup>1</sup>Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды». Я признателен Игорю Крупнику, сделавшему ряд ценных замечаний и дополнений к первоначальному тексту этой статьи.

<sup>2</sup>См. рецензию на работу П. Швайцера [3].

<sup>3</sup>Личное дело Е.С. Рубцовой хранится в Архиве ИЛИ РАН, оп. 2, д. 356.

<sup>4</sup>Полный текст «Воспоминаний» В.М. Выйе см. в работе о языке сиреникских эскимосов [2, с. 15–17].

<sup>5</sup>Цит. по работе Г.А. Меновщикова и Н.Б. Вахтина [7, с., 14].

<sup>6</sup>Личное дело Е.С. Рубцовой. Архив Института языкознания АН СССР, л. 14/об.

<sup>7</sup>В личном деле есть и справка от 22 марта 1958 г. о посмертной реабилитации Василия Семеновича Рубцова — «за отсутствием состава преступления» (Личное дело Е.С. Рубцовой... л. 25).



<sup>8</sup>Личное дело Е.С. Рубцовой..., л. 18 и 19.

<sup>9</sup>Личное дело Е.С. Рубцовой..., л. 24 (без даты).

<sup>10</sup>См. профессиональную биографию Е.С.Рубцовой с полным списком выпущенных ею или при ее участии работ на эскимосском языке в некрологе: М. Krauss. E.S. Rubtsova, 1888-1971// *International Journal of American Linguistics*, 1974, 40, № 1, pp. 44-46. Об архиве Рубцовой см.: Будникова, С.В. Наследство Рубцовой// *Магаданская правда*. 1988, 23 ноября. (*Прим. ред.*).

<sup>11</sup>В архиве Магаданского Окружного краеведческого музея в разделе личных фондов хранится небольшой фонд Е.С. Рубцовой (Ф. 2851, 50 ед. хр., 1940—1971).

<sup>12</sup>Личное дело Е.С. Рубцовой... л. 31.

<sup>13</sup>Рукопись хранится в Отделе языков народов России Института лингвистических исследований РАН.

<sup>14</sup>Сведения о рассказчиках см. ниже.

<sup>15</sup>Названия типа Сивук'ах'ми, то есть произведенные от топонима (в данном случае от названия острова Сивук'ак') с помощью суффикса -ми, везде последовательно переводятся как «житель данного места», хотя, возможно, в отдельных случаях это уже собственные имена героев.

<sup>16</sup>О кланах чаплинцев (ун'азиг'мит) см. монографию С.А. Арутюнова, И.И. Крупника, М.А. Членова [1].

<sup>17</sup>В своей пока еще не опубликованной книге «Азиатские эскимосы в XX веке. Стратегия выживания» И.И. Крупник и М.А. Членов пишут о аткальхагмит следующее. «Их исконный поселок Аткальхак находился на м. Лесовского, у западного входа в бухту Провидения.... Последние представители аткальхагмит также ссылаются на былое своеобразие собственного «языка»: «язык аткальхагмит все же отличался от аванского, но сейчас мы все разговариваем одинаково» [Айн'ан'а 1977]. ...Екатерина Рубцова, серьезный и скрупулезный ученый... записывала фольклорные тексты от представителей разных племен и племенных групп. Так, в сказках, записанных от Рентугви, отца нашей информантки Айн'ан'а и старейшины аткальхагмит, она выделила около 20 таких «аткальхизмов», отличных, как ей казалось, от нормы чаплинского диалекта... Через 40 лет один из авторов (М.Ч.) проверил этот список с эскимосским учителем Глебом Наказиком из Нового Чаплина, который подтвердил полную идентичность чап-

линской норме почти всех выделенных Рубцовой слов... Лишь в трех случаях он отметил небольшие отличия (атк. qeenrakun, чапл. qaanrakun — 'санки, полозья'; атк. kiksaget, чапл. iksaget — 'подковки'; атк. nuvalla, чапл. wuwalla — 'праздник')... (См. о нем: 10, с. 509).

### Использованная литература

1. Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея»: древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

2. Вахтин Н.Б. Язык сиреникских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. [LINCOS Studies in Asian Linguistics, 33]. LincomEuropa: Munchen. 2000

3. Вахтин Н.Б. Рец. на (Schweitzer 2001) // Антропологический форум. № 2. 2005. С. 374—382

4. Крупник И.И. Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски. (Отв. ред. В.П. Алексеев). М., 1983. С. 65—95

5. Крупник И.И. (сост.) Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1977—1987 гг. М., 2000.

6. Левинтон Г.А. Типологический указатель мотивов // Сказки и мифы. 1985. С. 560—660.

7. Меновщиков Г.А., Вахтин Н.Б. Эскимосский язык: Учебник для педучилищ. 2-е издание. Л., 1990.

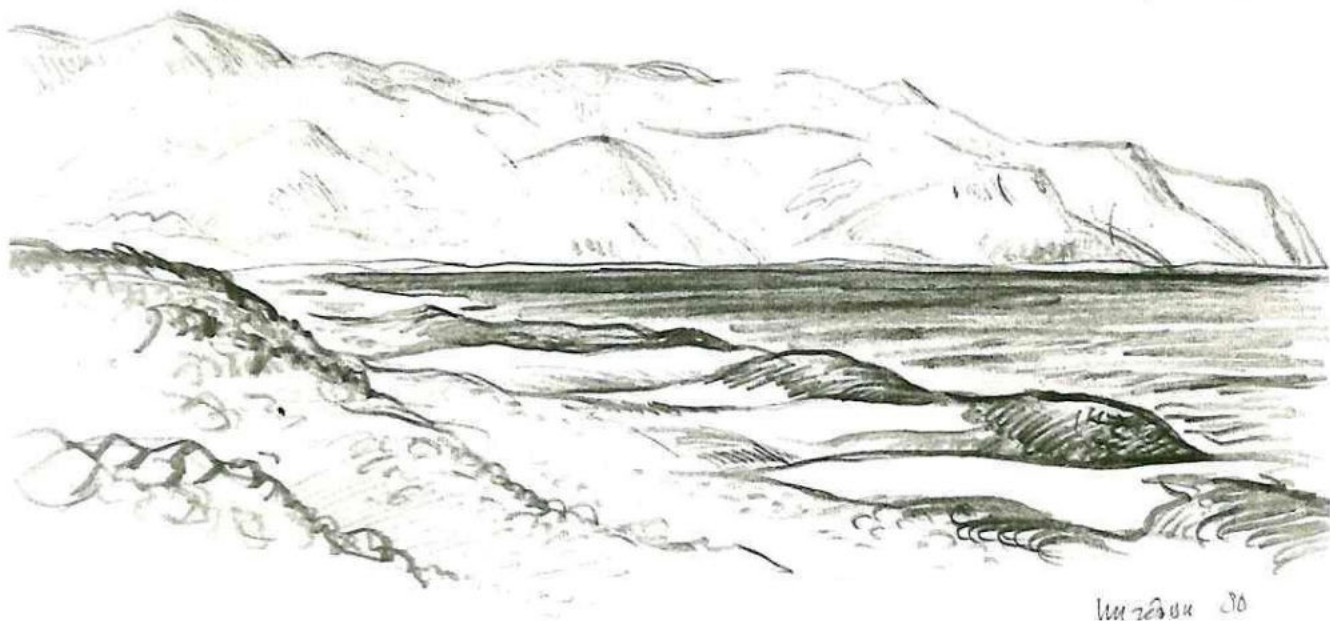
8. Рубцова Е.С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. Чаплинский диалект. Часть 1. М.-Л., 1954.

9. Рубцова Е.С. (сост.) Эскимосско-русский словарь. М., 1971.

10. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии (Сост. Г.А. Меновщиков.). М., 1985.

11. Schweitzer P. *Siberia and Anthropology: National Tradition and Transnational Moments in the History of Research*. Habilitationsschrift. Eingereicht an der human- und socialwissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. Wien, September, 2001





**А.К. Нефёдкин**

Редакция военно-исторического  
журнала "Paga bellum"  
(Санкт-Петербург)

## Чукотская война на море

*Середина XVII —  
середина XIX века*

Данная статья посвящена морскому военному делу приморских оседлых чукчей, многие элементы материальной культуры которых были заимствованы ими у азиатских эскимосов. Хронологическими рамками работы являются вторая половина XVII в., когда появились первые документальные письменные свидетельства о чукчах, в основном «отписки» казаков, и середина XIX в., когда еще происходили набеги чукчей на американских эскимосов. Причем для исследования темы главными источниками являются именно российские — собственно русские или сообщения иностранцев, побывавших либо служивших в России.

Боевые действия на море чукчи вели главным образом против эскимосов, населявших острова Берингова пролива и материковое побережье Аляски. Военные экспедиции в Америку по воде совершались в летнее время, когда Берингов пролив можно было преодолеть на лодках<sup>1</sup>. Судя по материалам письмен-



ных источников, морские походы устраивались достаточно часто. В конце XVIII в. американские эскимосы жаловались русским, что чукчи «почти ежегодно на байдарках приходя на их землю, истребляют их убийством, именно их грабят, а жен и детей берут в плен» [26, с. 20; с. 33, с. 231–232; 34, с. 225].

Флотилии, отправлявшиеся в походы, состояли, как правило, из сравнительно небольшого количества лодок. Так, в 1791 г. для торговли, которая могла в любой момент перерасти в сражение, чукчи снарядили на Аляску десять байдар [20, с. 121]<sup>2</sup>. Миссионер А. Аргентов упоминает, что в одной из чукотских экспедиций на Аляску участвовало 70 человек, то есть примерно семь байдар [3, с. 37; 4, с. 30–31]. Эскимосы с островов Берингова пролива еще в первой трети XIX в. отправлялись в полном вооружении для торговли к устью р. Кукоквим на Аляску также на десяти байдарках [10, с. 610]. Следовательно, можно считать, что более или менее стандартная по составу флотилия для нападения включала в себя приблизительно десять байдар, на которых находилось около ста человек. Такое количество воинов было, по-видимому, достаточным для победы в бою в случае внезапного нападения.

Если предполагалось, что враг будет оказывать сопротивление, то количество байдар было больше. Сотник И. Кобелев в 1789 г. упоминает существование в более ранние времена огромных флотилий, насчитывавших около сотни байдар (более 800 человек), которые направлялись на Аляску [8, с. 34, 93; 35, с. 140].

Байдары, на которых отправлялись в поход чукотские воины, представляли собой плоскодонные лодки из моржовой кожи, натянутой на деревянный каркас. Их длина составляла 6–10 м, ширина 2–3 м, грузоподъемность 4 т. Покрышку

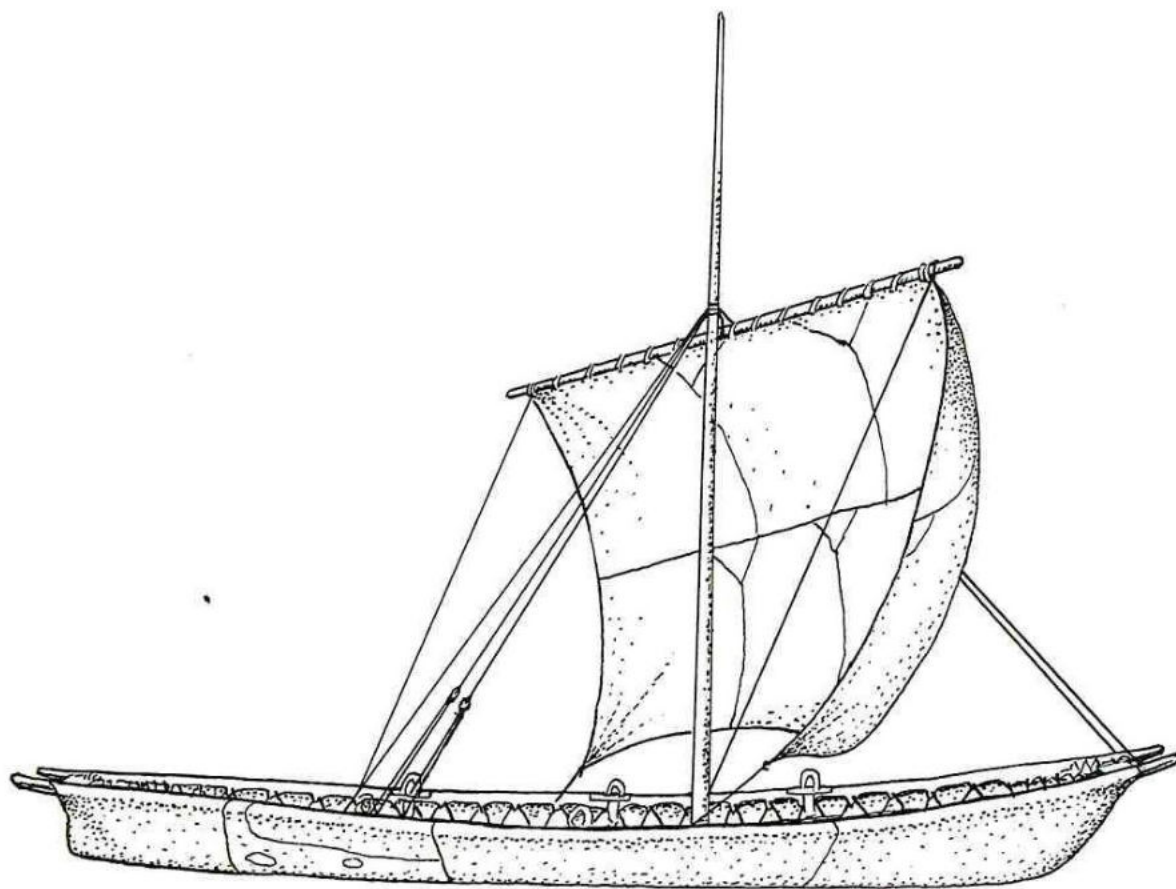
байдар обычно меняли раз в два-три года, поскольку со временем она становилась хрупкой. Байдара имела замшевый квадратный парус. Вес лодки был 130–160 кг. Помещалось в ней обычно восемь человек. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что такие байдары (по-эскимосски *ан'ьяник*) были типичны для береговых чукчей и эскимосов в XVIII — начале XX в. и использовались не только в военном деле, но, прежде всего, для морской охоты [15, с. 165; 16, с. 78, 81, 82, 88, 91; 18, с. 140; 19, с. 53; 28, 91, 110; 29, с. 98; 30, с. 186; 32, с. 232].

Экипаж на лодке размещался следующим образом: спереди сидел человек, отталкивающий багром льдины, сзади — рулевой, в центре на скамьях по 2–3 гребца с короткими однолопастными веслами, крепящимися в кожаных петлях [5, с. 57–59; 8, с. 40–41; 20, с. 119]. Как отмечал Н.Н. Беретти, дисциплина в такой байдаре была строгой: гребли синхронно, отдыхая 5–10 минут в час [5, с. 59]. Байдара, кроме экипажа, могла везти воинов — «десант». Сидя на полу, «десантники» помогали грести, дергая за веревку на конце весла. В походе во время высадки на байдаре ночью один из восьми членов экипажа был часовым [32, с. 232].

Существовал и специальный тип более крупной байдары с прямоугольным парусом из ровдуги для дальних поездок и походов. Такая лодка имела в длину примерно 15 м и по-эскимосски именовалась *ан'ьях'ляк* [19, с. 54]. Она могла принять дополнительно на борт от 10 до 20 человек [1, с. 157; 2, с. 399; 8, с. 41; 9, с. 100; 22, с. 269; 27, с. 40; 17, с. 88]. О. Е. Коцебу упоминает две больших байдары с чукчами — очевидно, с десятью гребцами и десятью воинами [16, с. 98]. Скорость байдар обоих типов достигала 10 км/ч [21, с. 307].

Что побуждало чукчей отправляться в морские военные походы? Согласно док-





тору К.-Г. Мерку, побывавшему в Берингоморье в конце XVIII в., «ради... грабежа переезжают оседлые чукчи на своих байдарах в Америку, нападают на стойбища...» [20, с. 121]. Вполне вероятно, что в каких-то случаях подобные нападения имели «ответный» характер. Якутский служилый человек П. Попов в 1711 г. рассказывал следующее. «И из давних де лет и по ныне у них, носовых чюкоч, с теми островными людьми (*эскимосами о. Св. Лаврентия*. — А.Н.) меж собою немирно, ходят друг на друга боем; а бой де у тех островных людей лучной и у чюкоч такой же» [15, с. 157].

Что касается продолжительности плаваний во время набегов на Аляску, известен случай, когда в 1840 г. воины с Чукотки плыли в район полуострова Стюарта в течение шестнадцати часов в обе стороны; при этом их пребывание на Аляске, сам бой, длились не более двух часов [31, с. 105; 35, с. 140; 36, с. 1].

Рис. 1. Чукотская байдара XIX в.  
В.Г. Богораз. Материальная культура чукчей.  
М., 1991. С. 65, рис. 44а

Миссионер А. Аргентов так описывает ход этого налета. «Движимые чувством мщения за какие-то старые обиды и имея в виду корысть, чукчи задумали сделать набег... В числе 70 человек пристали они к какому-то острову в туманную ночь; первым делом их было продырявить у туземцев байдары, затем они врасплох напали на сонных обитателей и многих перекололи. Испуганные гамом нападающих и отчаянными воплями своих, оставшиеся в живых кинулись было спасаться в своих байдарах: оттолкнулись на море и перетонули. Все годные женщины и дети взяты в плен, а хилые, хворые, увечные и престарелые убиты без остатка». «Для чего их жалких оставлять на мученье!» — такими словами закончил свой рассказ житель Чукотки, сообщивший А. Аргентову



о походе на Аляску в 1840 г. [3, с. 37; 4, с. 30—31].

Приведенный текст дает яркое представление о боевых действиях чукотских воинов на море. Набег был вызван, по всей видимости, кровной мстостью, соединенной с желанием захватить добычу, т. е. причинами, которые, как отмечалось выше, обусловили большинство чукотских военных походов. Нападавшие, чтобы не быть замеченными, причалили к берегу ночью, в туман, когда жители селения спали. Подобная практика была типичной для чукотских воинов. Они обычно стремились нападать внезапно, в ночные часы или в туман, чтобы не дать противнику подготовиться к бою [25, с. 294].

Причалив к берегу, участники предприятия, описанного А. Аргентовым, «первым делом» повредили лодки своих врагов. Это тоже был обычный прием при ведении боевых действий в прибрежной полосе. Байдары местных жителей, как правило, лежали на берегу, и нападавшие прорезали обшивку лодок, поскольку основным способом спасения от нападения было в большинстве случаев не бегство в глубь суши, а выход в море [32, с. 298]. Так, в августе 1745 г. чукчи, на которых напал отряд казачьего сотника С. Кривогорницына, собрали свои яранги, сложили имущество в 30 байдар и ушли в море [15, с. 165].

Для повреждения лодок противника использовалось также погружение в воду и вспарывание ножом дна байдары, которая шла ко дну вместе с экипажем [23, с. 65; 6, с. 164; 32, с. 399; 34, с. 229; 36, с. 9]. Впрочем, такие действия осуществлялись, вероятно, нечасто: они были слишком рискованными для «диверсанта», ведь чукчи, как и эскимосы, обычно не умели плавать.

А. Аргентов сообщает о том, что жители Аляски не смогли оказать организо-

ванного сопротивления. Они в панике стали спасаться бегством, столкнули байдары в море, и когда в лодки набралась вода, утонули. Нападавшие взяли в плен женщин и детей, а мужчин и стариков перебили. Подобная картина представляется достаточно характерной: боевые операции чукчей в прибрежной полосе проводились, по-видимому, именно так. Отметим, что по представлениям чукчей умерший насильственной смертью уходит в лучшую жизнь [13, с. 54—56]. Следовательно, убийство людей, которых по тем или иным причинам не хотели брать в плен, считалось нападавшими благом, поскольку избавляло их врагов от земных страданий.

Тактика высадки чукотских воинов на берег включала в себя и другие приемы, помимо приведенных выше. Так, при подходе к поселению врага флотилия могла разделяться на две части — большую и меньшую. Большая часть скрытно приставала к берегу, тогда как меньшая направлялась прямо к «пристани», отвлекая на себя внимание противника. Неожиданное нападение с тыла высадившейся скрытно партии решало исход дела [24, с. 326—327]. Высадка могла также происходить не рядом с вражеским поселением, а на некотором удалении, чтобы противник не узнал о ней, а приплывшие могли отдохнуть перед боем [24, с. 309]. Если нападающие на байдарах были замечены с берега, они, оставаясь на безопасном расстоянии в море, прекращали греблю и готовились к сражению: брали оружие и надевали доспехи. Эта традиция сохранилась и в торговых отношениях чукчей и эскимосов.

При ведении в прибрежной полосе оборонительных действий применялись следующие приемы. Когда ожидалось нападение с моря или когда враг уже был замечен, старались разведать его силы и





Рис. 2. Чукотский воин XVIII в. в пластинчатом доспехе. Историческая реконструкция А.В. Козленко

подготовиться к отражению атаки. Например, при приближении европейских кораблей эскимосы обычно высылали навстречу свои байдары, чтобы выяснить намерение прибывших и в случае опасности принять бой [16, с. 81—82]. В 1816 г. эскимосы залива Шиммарева (северо-запад Аляски) высылали двух разведчиков в каяках, которые подавали знак, стреляя в сторону своих жилищ из луков [16, с. 78].

Обороняющиеся обычно вели с берега стрельбу из луков по обшивке байдар, для того чтобы лодки противника залила вода и они вместе с командой утонули [24, с. 127]. Обстрел из лука приближающихся с моря врагов был, по-видимому, наиболее эффективным способом нанести им потери. При приеме опасных гостей мужчи-

ны выходили навстречу, вооруженные ножами, а женщины и дети прятались за жилищами [16, с. 96; 33, с. 231].

Источники свидетельствуют о том, что у воинов Берингова и Чукотского морей имелись некоторые элементы абортдажного боя. О.Е. Коцебу отмечал, что, когда две эскимосские байдары по десять человек в каждой подошли в заливе Шиммарева к шлюпке русских, двое эскимосов одной из байдар схватили шлюпку за борт, а остальные стали грозить оружием [16, с. 81—82]. Подобные действия скорее всего представляли собой модель настоящего боя: одни воины притягивают к себе вражескую лодку, а другие, прикрывая их, ведут интенсивный огонь по вражескому экипажу.

Тактика, использовавшаяся в морских сражениях, применялась чукчами и при ведении боевых действий в континентальных районах, там, где переброска сил могла осуществляться по рекам. В середине XVIII в. настоящая «речная война» развернулась между чукчами и русскими на р. Анадырь, куда первые приходили летом для охоты на диких оленей [1, с. 157; 8, с. 115; 11, с. 114]. Приведем некоторые примеры. 13 августа (по ст. ст.) 1744 г. чукчи «в байдарах и ветках» хотели «скрасть» казачий караул на одном из островков, однако, увидев «крепость» караула, бежали. Русские на четырех легких судах преследовали нападавших и, догнав, вступили с ними в бой «как на реке, так и по берегам». В результате сражения чукчи потерпели поражение и 22 человека — женщины и дети — были «взяты в полон» [15, с. 165]. В августе 1751 г. ситуация повторяется. Чукчи на семи байдарах и в ветках предприняли попытку русский «караул скрасть и внезапно учинить нападение». Однако стража их заметила, служилые люди погнались за неприятелем на судах, но не догнали [15, с. 175; 14, с.



144]. В августе следующего 1752 г. казаки на одиннадцати судах опять гнались 80 верст за чукотскими байдарами, часть из которых удалось захватить [15, с. 176; 14, с. 145].

Источники свидетельствуют о том, что, ведя в XVIII в. боевые действия против русских, чукчи использовали лодки главным образом для переброски сил, а не для сражений на воде. Лодками для перевозки воинов служили как традиционные байдары, так и одноместные однодеревки — лодки длиной 3,7—5,8 м, шириной 53—70 см, высотой 53—62 см, часто именуемые в источниках «ветками» или «батами». Обычно они использовались для охоты и рыбной ловли при передвижении по мелководным рекам и озерам, но применялась также во время боевых действий [15, с. 165]. Гребля в ветках и батах велась двулопастным веслом или просто шестом. Такие лодки были неустойчивыми [5, с. 61], и в них было небезопасно плавать, когда были волны: заливало водой.

Переброска воинов по рекам имела свои особенности. Если по реке нельзя было проплыть на лодке из-за низкой воды, байдары переносили на руках. Как отмечает Б. Кузнецкий, идут «в сухих местах пешком и байдары переносят на руках» [15, с. 182]. Разгрузив байдары, их переносили на плечах через песчаные косы. Большую байдару несли на плечах без особых усилий четверо мужчин [21, с. 307]. Против течения лодки тянули длинной бечевкой; на Анадыре для этих целей использовали также олень [7, с. 67—69].

Что касается собственно боевых действий, то, сражаясь в приречных районах, чукчи применяли ту же тактику неожиданного нападения, как и в сражениях на море. Неожиданность нападения имела особое значение в сражении с русскими,

поскольку в открытом бою вооруженные огнестрельным оружием они были сильнее чукчей.

Первоначальная задача чукотских воинов при нападении на казаков состояла в том, чтобы снять караул. Однако караул обычно не спал и подавал сигнал тревоги. Если начало боевой операции оказывалось для чукчей неудачным, они обращались в бегство; русские обычно пускались в погоню. Начиналась гонка на веслах. При непосредственной угрозе захвата русскими байдары, ее экипаж направлялся к берегу, чтобы либо спастись бегством, либо сражаться на земле. С байдар, которые не успели причалить, чукотские воины отстреливались из луков. Таким образом, разворачивалось, в частности, описанное выше сухопутно-речное сражение в августе 1744 г.

Завершались речные сражения также достаточно традиционно. К примеру, если казакам удавалось догнать чукотские байдары, они убивали мужчин, а лодки вместе с женщинами, детьми и имуществом — отправляясь в военный поход, чукчи нередко брали с собой семьи — захватывали.

В целом, как представляется на основании русских письменных и этнографических источников XVII—XIX вв., можно говорить о том, что у чукчей существовало определенное военно-морское искусство, характерное для данной стадии социально-экономического развития. Еще не было крупных морских сражений и специализированных боевых кораблей, но уже существовали навыки ведения боевых действий на воде, включая абордаж. В основном же лодки применялись как средство десантирования. Воины, находившиеся в байдарках, подразделялись на «экипаж» и «десант», хотя жесткой границы между двумя этими группами не было — сражались все.



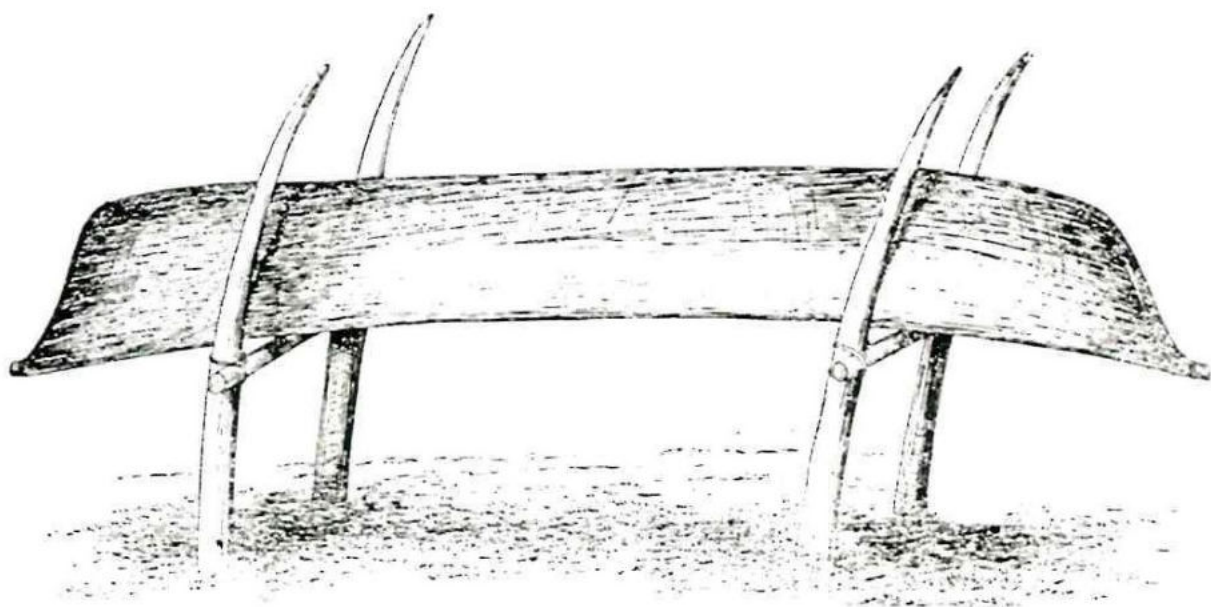


Рис. 3. Традиционная эскимосская байдарка.  
Рубцова Е.С. *Материалы по языку и фольклору эскимосов. Чаплинский диалект. Часть I.* М.-Л., 1954. С. 543, рис. 42.

Ведя морские и речные сражения, чукчи учитывали природные и погодные усло-

вия, время суток; большое значение придавали также внезапности нападения, что при небольшой численности отряда позволяло избежать лишних потерь. После высадки на берег чукотские воины действовали таким же образом, что и в сухопутной схватке.

#### Примечания:

<sup>1</sup> Походы к американским эскимосам имели место и зимой: в это время года чукотские воины передвигались по льду пролива на собачьих упряжках. Отметим также, что союзниками оседлых чукчей в набегах на американских эскимосов нередко становились их сородичи, кочевые оленные чукчи, а также ближайшие соседи — азиатские эскимосы [8, с. 41; 5, с. 16-17].

<sup>2</sup> Такое же количество чукотских байдар нападо на казаков на реке Анадырь в 1661 г. [22, с. 269].

#### Использованная литература

1. Андреев А.И. Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVIII вв. // *Изве-*

стия Всесоюзного географического общества. Т. 72. Вып. 2. 1940. С. 152—157.

2. А. П. Поход геодезиста Михаила Гвоздева в Берингов пролив, 1732 года // *Морской сборник.* Т. IV. № 11. 1850. С. 389—402.

3. Аргентов А. Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности // *Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества.* Кн. 4. 1857. С. 1—59.

4. Аргентов А. Путевые записки. Нижний Новгород, 1886.

Беретти Н.Н. На крайнем Северо-Востоке // *Записки Владивостокского отдела Государственного русского географического общества (Общество изучения Амурского края).* Т. IV (XXI). 1929. С. 5—201.

5. Богораз В.Г. О принятии чукоч в русское подданство // *Живая старина.* Год XII. 1902. Вып. 2. С. 147—164.



6. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.
7. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.-Л., 1965.
8. Вдовин И.С. История и культура чукчей в дооктябрьский период — с XVII в. до 1917 г. // История и культура чукчей. Л., 1987. С. 30—146.
9. Врангель Ф.П., фон. О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки между собою и с Чукчами // Телескоп. 1835. С. 604—613.
10. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.
11. Дьячков Г. Анадырский край (Записки Общества изучения Амурского края. Т. II). Владивосток, 1893.
12. Зеленин Д.К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораза (1865-1936). Сборник статей. М.-Л. С. 47—78.
13. Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII—XVIII век). Новосибирск, 2009.
14. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник документов. Л., 1935.
15. Коцебу О.Е. Путешествие вокруг света. М., 1948.
16. Лессепс И.Б., де. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. Ч. II. СПб., 1801.
17. Леонтьев В.В. Чукотские спартанцы // На Севере дальнем. № 1. 1969. С. 128—141.
18. Меновщиков Г.А. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959.
19. Мерк К.Г. 1978. Описание обычаев и образа жизни чукчей // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. Магадан, 1978. С. 98—155.
20. Норденшельд А.Е. Плавание на «Веге». Т. II. Л., 1936.
22. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке / Сост. М.И. Белов. М.-Л., 1952.
23. Сказки народов Северо-Востока / Ред. Н. В. Козлов. Магадан, 1956.
24. Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии / Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1985.
25. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост. Г.А. Меновщиков. М., 1974.
26. Слоцов П.А. Историческая записка о чукотском народе, обитавшем около берегов Ледовитого моря // Вестник Императорского русского географического общества. Кн. V. 1856. С. 19—25.
27. Стеллер Г.В. Из Камчатку в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII в. / Природа и люди. Кн. 11. Л., 1927.
28. Толмачев И.П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911.
29. Шамиссо А. Путешествие вокруг света / Рассказы о странах Востока. М., 1986.
30. Шишмарев Г.С. Сведения о чукчах капитана Шишмарева 1821 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. X. 1852. С. 178—200.
31. Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М., 1994. С. 9—161.
32. Эскимосские сказки и мифы / Сост. Г. А. Меновщиков. М., 1988.
33. Burch E.S., Jr. War and Trade of Siberia and Alaska / Ed. W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington, 1988. Pp. 227-240.
34. Burch E.S., Jr. The Cultural and Natural Heritage of Northwest Alaska. Vol. VII: International Affairs. Kotzebue; Anchorage, 1998.
35. Malaurie J. Raids et esclavage dans les sociétés autochtones de détroit de Behring // Inter-Nord: Revue international d'études arctiques et nordiques. №. 13—14. Décembre. Mouton; Paris; La Haye, 1974. Pp. 129-155.
36. Sheppard W. Assault on Qawiaraq: Siberian-Alaskan Warfare in Historical and Cultural Context // Manuscript on File at the Bureau of Indian Affairs, ANCSA Office. Anchorage, 2002. Pp. 1-17.





З.В. Венстен-Тагрина  
(Чукотка-Каноз, Франция)

## О реконструкции семейной шаманской песенной церемонии чукчей (на примере праздника «Мн'эгыргын»)

Изучение исчезающих жанров традиционных культур — одно из фундаментальных направлений современной культурологии. Весьма актуальна эта тема и для исследователей песенной культуры чукчей. Доступная в наши дни информация не может дать полного представления о том, какой она была до экономической и политической модернизации прошлого столетия. Но у нас есть возможность использовать метод реконструкции песенной традиции. Данная работа является первым опытом подобного исследования. В ней предпринята попытка реконструировать такое уникальное явление чукотской шаманской песенной практики, как семейное шаманское пение<sup>1</sup> на примере особого священного служения *Мн'эгыргын* — «Благодарение».

По словам известного знатока чукотского фольклора Г.Н. Тагриной, *Мн'эвагыргын* — «обрядовый образ жизни» является неотъемлемой частью традиционной культуры, и песнопения обрядового на-



значения сопряжены с календарными и благодарственными праздниками<sup>2</sup>. Эти праздники приурочены к смене сезонов года и обусловлены характером производственной деятельности и верованиями чукчей. Для определения особенностей ритуального песенного комплекса праздника *Мн'эгыргын* необходимо дать краткую характеристику чукотских календарных и благодарственных праздников. Основной цикл календарных праздников у оленных чукчей начинается с главных осенних праздников — *Вылгык'аанматгыргын* («Забой тонкошерстного молодого оленя») и *Тэтавн'ыгыргын* («Выделывание шкур для одежды»). Годовой цикл оленеводческих праздников продолжают праздники *Килвэя* («Обряды выставления рогов»), которые проводятся до четырех раз в году. *Килвэй* — один из древнейших чукотских праздников. Ему придавали большое значение и строго следили за его выполнением [15, с. 24, 258—287].

Праздник *Килвэя* под тем же названием есть и у другой группы чукотского общества — береговых чукчей [4, с. 91]. Существует у них и семейный праздник, который носит специальное название «праздник *Кэрэткуна*» — «Бога морей»<sup>3</sup>. Второе название данного праздника созвучно с одноименным названием праздника оленных чукчей *Лыгимн'эгыргын* — «Настоящий Праздник» [22, с. 389].

Согласно В.Г. Богоразу все праздники обеих групп чукотского общества проходили почти одинаково и представляли собой помимо семейного торжества важные общественные мероприятия. Так, в богатых районах соседние стойбища проводили календарные праздники в разные дни, чтобы жители разных селений имели возможность отпраздновать сначала на одном, потом на другом стойбище [22, с. 102—104]. Таким образом, проведение одного праздника растягивалось на месяц.



Рис.1. Самый древний из известных в настоящее время бубнов Чукотки. Эквен, жилище Н-18, конец I тыс. н.э. Раскопки Чукотской археологической экспедиции ГМВ. Коллекция ГМВ, № 51956/1-2 кп

Пение благодарственного посвятельного значения в одних случаях являлось частью календарных праздников, в других — было связано с благодарственными семейными праздниками. Основная цель благодарственных праздников состояла в том, что они проводились в качестве благодарственного обряда за удачную охоту либо как результат приказания, полученного во сне. Чукчи придавали большое значение сновидениям и считали, что сны являются главным источником религиозного вдохновения [22, с. 102—104].

К самостоятельным благодарственным семейным праздникам религиозного характера относятся *Н'аргын Мн'эгыргын* — «Праздник вне жилища», *Паагытэк'аматгыргын* — «Зимний Праздник по-



явления Венеры», *Пойгымн'эгыргын* — «Благодарственное служение, посвященное копыю» [22, с. 137], *Тэнатрытван'гыргын* — «Установка постоянного зимнего жилища» и др. В эту группу входит и праздник *Мн'эгыргын*, рассматриваемый в данной статье<sup>4</sup>.

Благодарственный праздник *Мн'эгыргын* представляет собой сложный комплекс музыкально-обрядовых мероприятий и сопровождается развернутой системой интонационного поведения самих участников ритуала: музыкально-речевыми возгласами, различными сигналами, музыкально-речитативными заклинательными текстами, а также постоянными указаниями *таномн'ылына* — «руководителя религиозного ритуала во время праздников» [25]. Исполняются также вокальные и звукоподражательные песни.

Значительное количество песен обрядового праздника представлено песнями различного назначения. О ритуальном пении чукчей в своих материалах по чукотскому фольклору В.Г. Богораз пишет следующее: «...пение получило у чукоч некоторое развитие, так как оно составляет составную часть обрядового служения» [3].

К этому надо добавить, что в некоторых ритуальных песнях можно найти тексты, непосредственно указывающие на порядок проведения обрядового действия. Так, в одной из обрядовых песен приморских чукчей приводится следующий текст:

*«Увэлельоот гагранчаленат, и'нчувильыт  
гиллюльэтлинэт,  
Н'эвыск'этти гэптурэтлинэт, нуукэльыт  
гиллюльэтлинэт,  
Б'Гтвыннильыт гэнкэвыч'эчевлинэт,  
Им'элилльыт гапалемтэлленат о'рачекыт»*  
[23, с. 138].

*«Уэленцы пели ритуальные песни, инчоунцы танцевали,*

*Женщины исполняли обрядовый танец, нау-  
канцы танцевали,*

*Изготовившие байдары (устроители празд-  
ника) радовались (происходящему),*

*Имелинские слушали юноши»*

*(здесь и далее перевод З. В.-Т).*

В данном примере, как мы видим, приведен весь сюжет праздника, посвященного байдаре. У приморских чукчей на подобные праздники-приглашение получают жители из нескольких близлежащих чукотских и эскимосских селений. Всем приглашенным отводится определенная роль, каждому участнику мероприятия указывается его место. Так, организаторами праздника являются те, кто «изготовил байдару». Женщины исполняют обрядовый танец. Жители селения Уэлен поют ритуальные песни, жители Инчоуна и Наукана исполняют ритуальные танцы; жители Им'элина (о. Ратманова) являются слушателями<sup>5</sup>.

Одно из малоизвестных направлений сакрального шаманского песнопения праздника *Мн'эгыргын* — посвячительное пение с названием *ильуткукинэт грэпыт* («шаманские песни»). Данное реликтовое пение включает личные и родовые песни. Они являются обязательными образцами семейной шаманской песенной церемонии. Подобный семейный характер, по мнению Г.Н. Грачевой, «является одним из ранних этапов становления шаманства» [11, с. 98].

На широкое распространение в прошлом подобного сакрального пения указывает лингвокультурологический анализ чукотской песенной терминологии *ильуткукинэт грэпыт*. Важнейшая составляющая шаманского дара — способность петь и играть на ударном инструменте — нашло отражение в специализированном слове *ильуткун* [5, с. 49], которое аккумуляировало в себе целый ряд однокорневых



лексем. Так, слово *ильтукун* означает «шаманская игра с пением»; *ильтуркуркын* «шаманит с бубном» [25]; *ильтукук* «камлать», «шаманить»; «бить в ярар и петь» [5, с. 49]. Таким образом, этимология корневой морфемы *ильу-* отождествляется, прежде всего, с шаманским пением и включает сопровождение на музыкальном инструменте, представляя собой единое музыкальное действие шаманского камлания.

Обратим внимание на то, что морфема *ильу-* присутствует в ряде следующих названий. Например, *нильунильэт* — обрядовое песнопение для важенок [26, с. 261]. Это сложное слово включает в себя два названия. Первая часть инкорпоративного слова *нильу-* относится к специализированному сакральному пению. Возможно, возникновение данного названия напрямую связано с обрядовым песнопением. Вторая часть инкорпорации *-нильэт* (от *нильэтык* — «убаюкивать, укачивать») используется в колыбельном жанре, а также в обрядовом пении, относящемся к оленьей самке в одном случае и к культовому «укачиванию» других животных, по которым устраивался благодарственный праздник, в другом.

Ритуальному пению праздника *Мн'эгыргын* предшествовал большой подготовительный период. Для проведения праздничных ритуалов подготавливались жертвенные места, ритуальные нарты, извлекались домашние святыни и предметы культового назначения, ритуальные одежда и головные уборы [15, с. 264], доставались или вырезались различные аэрофонно-звуковые мембранофоны: *кон'к'он'ыт*, *вэнит*, а также инструменты, передающие символические звукоподражания голосам различных птиц [15, с. 138—140]. Извлекались с места хранения старинные луки со стрелами, имеющими название *э'йн'эткүмзэмит* — «поющие стрелы» и употребляемыми только в особых случаях.

Огонь, предназначенный для проведения обряда, устанавливали на деревянную доску, которая также имела «музыкальное» название — *э'йн'эткүвивыр* — «поющая доска»<sup>6</sup>.

К культовым предметам праздника относился широко распространенный музыкальный мембранный ударный инструментарий. Чукотский бубен (*ярар*) существенно отличается от бубнов большинства народов Сибири [2, с. 196—197] и играет ведущую роль в проведении обрядовых церемоний. Традиционно в распоряжении каждой семьи имелось несколько *яраров*. Одни никогда не убирались и постоянно находились в жилом помещении, другие хранились вместе с культовыми предметами. Накануне праздника бубны приводили в порядок или изготавливали новые [24, с. 202—203].

Изготовление музыкального инструментария представляет особый интерес, так как напрямую связано со специализированным музыкальным звучанием. Для инструментов требуется использование особых видов деревьев. Наиболее пригодными по качеству звучания являются «хорошо звучащие»<sup>7</sup>. Для придания изготовленному инструменту дополнительного звучания *к'ынут ан'к'авыргыргын* — «как моря звук» — на внутренней стороне обечайки делают большое количество специальных углублений и вставляют в них особые вкладыши [10, с. 67].

В яранге оленных чукчей в период подготовки к празднику шло оформление специального обрядового центра. К верхнему концу пятника, состоявшего из несущих жердей, прикреплялся ритуальный ремень — *ильунилгын* [25], к которому впоследствии подвешивались музыкальные инструменты. Данным ремнем скреплялись также части тела жертвенного оленя. Тесная связь фрагментов жертвенного оленя и музыкальных инструментов явля-



лась важнейшей семантической особенностью данного сооружения, что подтверждается, в частности, материалами этнографа В.Г. Кузнецовой [15, с. 301]. В дальнейшем, по словам исполнительницы традиционных песен Е.И. Кытгаут, бубны снимали с ритуального ремня для исполнения семейного шаманского пения.

Для жертвоприношений культового порядка, проводимых вне жилища, требовалось особое оформление места. В заранее определенном месте устанавливали обрядовые нарты, на которых помещали семейных охранителей. Последовательность проведения обрядов соблюдалась в течение всего праздника. Все жертвоприношения сопровождалось закликательными текстами [4, с. 34].

По традиции ритуал магического характера начинался со стрельбы мужчин из обрядовых луков. Обряд носил название *Э'йн'эткун* — «Поющая стрельба». Используемые стрелы называли *э'йн'эткунмэмит* — «поющие стрелы». Заканчивали обряд женщины с помощью *э'йн'эткуви-выр* — «поющей доски» [10, с. 64].

Согласно В.Г. Богоразу во время проведения обрядов произносились заговоры — *эвъянвыт*, каждому из которых придавалось особое значение [3, с. 132—133, 137]. Заговоры начинались специализированными обращениями наподобие следующих: «*Янотлявтэпы тыгнатыркын: К'инэвинрэтги, ан'ан'вагырга к'инэгитэги!*» — У Главного божества прошу: «Помоги, божественной силой на меня взгляни!» или «*Мратын'агыргэпы тыгнатыркын: К'инэвинрэтги, ан'ан'вагырга к'инэгитэги!*» — От правой стороны Рассвета прошу: «Помоги, божественной силой на меня взгляни!».

Отдельные музыкально-речитативные проговаривания представляли собой тексты обращений к определенным созвездиям, например к Млечному пути: «*Чы-*

*эйвээм, к'ыетги, выельо мылгыгыт... — «Млечный путь, приди, помощником возьму тебя...».*

Некоторые заговорные тексты были адресованы Ворону — *Куркыле*. Ворон и сюжеты о нем составляют специфический и древнейший пласт фольклора и мифологии чукчей. «Ворон действует то, как Творец тех благ, какие дает природа людям, то, как устроитель жизни» [16, с. 28—29]. В некоторых закликательных текстах и личных песнях Ворон предстает как культ определенного семейства [26, с. 264]. Одно из закликательных обращений к Ворону-Творцу начинается следующим образом: «*Гук'! Иук'! К'ууркылыгыт, пэнинэйгыт лейвылыгыт, гыныкан'к'аск'ан'ынвэгыт... — Гук'! Иук'!* Ворон — ты все тот же странник, твоей земли начало...» [23, с. 133].

Перед произнесением заговорных текстов, по сообщению наших информаторов, надевали специально приготовленную обрядовую шапку<sup>8</sup>.

Надо подчеркнуть, что в закликательной практике «отчитывание словом» близко к музыкотерапии: голосовые данные плюс повторение определенных интонационно-мелодических единиц оказывает воздействие, схожее с музыкальным [19, с. 71].

Обратим также внимание на то, что в одном из наиболее типичных примеров музыкально-речитативного заговора приморских чукчей, используемого в качестве «Призыва для охоты на зверя» — «*Гыннэкэты э'йн'эвыткукин*», в проговаривании текста выделяется музыкальное название *типэйн'эк* — «петь». Так, вызываемый «Предок» на просьбы вопрошающего при ответе «поет»: «*В'инк'эн-ым игыт нытипэ-эйн'эк'ин* — и вот начинает петь (Предок)» [23, с. 127].

Таким образом, чукотское музыкально-речитативное проговаривание и соб-



ственно пение имеют функционально единую певческую направленность и закрепляются терминологически единым музыкальным названием, что воспринимается как прямая связь обрядовой песенной и заклинательной практик.

Сложная вереница жертвенных мероприятий и заклинательного пения праздника *Мн'эгыргын* переходила в ритуальное пение. По нашим наблюдениям, традиционное пение сакрального назначения первого дня праздника носила название *нильунильуткун* — церемония исполнения песен для важенок, потерявших своих теллят. Исполнялись «колыбельные» напевы для важенок. Подобное пение служило, прежде всего, «средством магического воздействия, благотворно влияющим на самок домашних животных...» [14, с. 235—236]. Важную роль здесь играл акустический канал в формировании своего рода «языка доместикации»: «на воздействующем эффекте звуков основаны... приемы успокаивания особи при помощи особых возгласов и специальные напевы, предназначенные для «звуковой терапии» [1, с. 250—251].

Название *нильунильэтык*, по материалам полевых работ автора статьи, использовалось во время обрядов, связанных с другим животным. Так, по сведениям информаторов, это название относится к обрядовому «колыбельному» укачиванию, посвященному *умк'ы* — «белому медведю». Головы после жертвоприношений *нынильэtk'инэт* — «убаюкивали» всю ночь, *нильуткук'инэт* — «пели и играли на *яраре* шаманские песни». «Пели песни, как обычно сейчас» — добавляет рассказчик<sup>9</sup>.

По воспоминаниям оленных чукчей Провиденского района, на Празднике Белого Медведя также исполнялись «колыбельные» песни для животного:

«...обязательно после каждой охоты на белого медведя надо было делать обряд, как праздник. Если есть олени — забивали оленя, как вторым — делали оленя... *Нильуткук'инэт* — исполняли ритуальное шаманское пение... Пели песни, как бы *нынильэtk'инэт* — «убаюкивали» (медведя. — З. В.-Т.)»<sup>10</sup>.

По описанию В.Г. Богораза у приморских чукчей конца XIX в. на празднике *Кэрэткуна* ритуальное посвятельное пение, сходное с *нильунильуткун*, отличалось особой подробностью: «...ведется ночной караул, который несется ради присутствия *Кэрэткуна* (Бога морей), так как считается, что он все время находится в шатре. При этом караул несет самый старший из членов семьи, мужчина или женщина. Часто специально для этой цели приглашают шамана. В течение ночи он поет и играет в бубен, но очень тихо, чтобы не разбудить сверхъестественного гостя, дремлющего на лампе.... То же, но с другими подробностями, совершается на Празднике голов моржа в середине лета, на Празднике Кита и на Празднике Белого Медведя» [6, с. 99—100].

Интересно, что вариант церемониального пения *нильунильуткун* удалось зарегистрировать И.С. Вдовину на Анадыре на примере участия шамана в заупокойном пении. *Эн'эн'ыльын*, шаман, в течение дня или ночи «напевал мотив без слов, как бы убаюкивая покойника». Как подчеркивает исследователь, «пение было негромким, а удары по бубну были несильными» [9, с. 191—192].

Следует подчеркнуть, что подобное название «убаюкивающих» песен *нильунильуткун* указывает на его сходство с колыбельными укачиваниями детей (*кынильэтык* — «укачивать ребенка»), то есть с той сферой интонационной деятельности, которая была генетически ориентирована на заклинательно-магические



функции. Еще один аргумент в пользу этого вывода — наличие общего термина для колыбельных песен: *нильэтык* — «укачивать, убаюкивать».

Вернемся к благодарственному празднику *Мн'эгыргын*. Во второй день проводимого мероприятия проходило семейное шаманское пение, которое имело одноименное название: *Мн'эгыргын* — «Благодарение». Исполнение его проводилось в яранге внутри наглухо закрытого помещения — *чоттагына*, для чего входная дверь закрывалась, и для герметичности изнутри вторично накрывалась оленьей шкурой, которая носила название приморского происхождения: *умк'энэлгын* — «шкура белого медведя»<sup>11</sup>. Помещение наполнялось дымом. Использование дыма имело несколько функций: дезинфицирующую, «охранительную» и как средство для входа в состояние транса.

Исполнение обрядового шаманского семейного пения предполагало определенную очередность в исполнении песен и особое расположение поющих участников праздника. Начинали ритуальное пение хозяин и хозяйка с исполнения старинных обязательных личных песен: *чыгрэмн'эткин грэпыт* — «семейных напевов, перешедших по наследству» [5, с. 10], а также *ы'ттгыльэты грэпыт* — песен, посвященных предкам<sup>12</sup>. Некоторые из этих песен, отмечал В.Г. Богораз, «переходят по наследству от поколения к поколению» [3, с. XXXV].

Посвятительные песнопения, с которых начинался второй день *Мн'эгыргын*, предназначались для обращения к обожествленным предкам. Затем исполнялись ритуальные песни с названием *мральаткэн грэпыт* — песни семейных тотемов [26, с. 263—264]. Наиболее распространенными являлись тотемные песни, свя-

занные с птицами, животными и материальными предметами. Как правило, они представляли песни семейства, ведущего праздник.

После исполнения обязательных песен, переходили к исполнению мелодий своего собственного сочинения *чинитки-нэт грэпыт* — личные (индивидуальные) песни. Известно, что особенности местной природы и связанного с ней жизненного уклада обеспечили подобным песням-импровизациям доминирующую роль [21, с. 100]. Традиция личных песен занимает в чукотской музыкальной культуре особое место. Они относятся к устойчивым семейным святыням, так же как родовые песни.

В продолжение празднования *Мн'эгыргын*, во время исполнения семейных шаманских песен с помощью специальных приготовлений, специальных приемов ритмического пения и танцевальными движениями добивались особого состояния транса. При этом, как правило, хозяин стойбища и семейства первым старался войти в контакт с различными духами.

«Общение» с духами осуществлялось с помощью определенного круга интонаций, отличных от интонации песен. «Так как чукотские шаманские песнопения имеют условный, неясно очерченный смысл, — писал В.Г. Богораз, — сами поющие и слушатели считают за лучшее подчеркивать и усиливать эту малопонятность. Люди не могут и не должны понимать язык духов» [7, с. 98].

Многие камлания начинаются с неторопливого пения, с замедленных ударов бубна. Через некоторое время наблюдается резкая смена ритма, движения шамана становятся более быстрыми. Это связано с переходом к новому этапу камлания: «...вначале шаман лишь зовет духов откликнуться, вошли в шамана, контакт ус-



становился» [8, с. 135—136]. К этому надо добавить, что все компоненты шаманских обрядов тесно связаны между собой; особенно явна связь текста с типом напева. Каждый сюжетный сдвиг связан с изменением мелодии песни, ритма ударов бубна, кинематики, звукоподражательных сигналов [12, с. 95]. Каждый круг интонаций имеет конкретную семантику. Например, он может означать определенный этап камлания.

Во время празднования *Мн'эгыргын*, после выступления всех членов семейства, устроивших праздник, пение в определенном порядке начинали приглашенные. Каждый из присутствующих, кроме того, должен был сыграть на ударном музыкальном инструменте — это своего рода обязанность во время обрядового пения. Представление на празднике шаманских родовых и личных песен плавно чередовалось с обрядовым танцем. Празднование продолжалось в течение нескольких часов.

К описанию семейного шаманского пения надо добавить, что его исполнение предполагало особое расположение поющих участников. Они образовывали две отдельные группы, которые размещались с двух противоположных сторон очага. «Одна группа становится с наружной стороны очага, спинами к входу, как правило, эта группа состоит по большей части из людей постарше. Другая группа располагается с внутренней стороны очага, спинами к внутреннему пологу и лицами к входу» [13, с. 105].

Подобное расположение участников ритуала в несколько стилизованном виде можно наблюдать на рисунке художника Л. Воронина, сопровождавшего Биллингса во время его путешествия по Чукотке в конце XVIII в. [18, с. 16]. На рисунке изображены поющие и танцующие участники ритуала, играющие на музыкальных инструментах. Участники обря-

догового пения расположены в определенном порядке. На переднем плане видны двое мужчин, играющих на музыкальном инструменте. Они обращены лицом к другим участникам пения, находящимся с противоположной стороны жилища. Между двумя мужчинами на переднем плане на близком расстоянии друг от друга находятся три головы жертвенных оленей с рогами, переложенными ветками ивы. Под каждую из голов подставлены домашние священные предметы — доски для добывания огня. Первая ритуальная доска, выполненная в виде антропоморфной фигуры, развернута «головой» в сторону поющих, вторая, тоже являющаяся антропоморфным изображением, смотрит в обратную сторону. Третья обрядовая доска представляет собой подобие птичьей головы с вытянутой шеей. Между второй и третьей «огнивыми досками» стоит ритуальная чаша. Напротив двух поющих людей изображена группа взрослых и детей. В середине группы — мужчина и женщина, играющие на бубнах. Надо думать, что это хозяева праздника, которые, как правило, начинают интермедию обрядовой песенной церемонии. По обе стороны от них танцуют женщины и дети.

В отчете о своем путешествии Биллингс указывает точные даты проведения данного обрядового праздника и описывает интермедийное пение устроителя праздника старшины Имлерата: «21 августа в семь часов утра Чукчи начали приготавливаться к празднику, назначенному сего дня в шатре старшины Имлерата... В 10 часов утра, когда все званые гости на праздник собрались в шатер, тогда Имлерат и трое других старшин взяли по бубну, пошли медленным шагом один за другим вокруг оленьих голов, произнося тихо некоторые невнятные слова; потом, прибавляя постепенно шаги и возвышая голос,



запели громко и стали плясать при ударе-нии в бубны... [18, с. 11]»

Таким образом, по нашему мнению, на рисунке Л. Воронина представлено семейное шаманское пение чукчей, связанное с праздником *Мн'эгыргын*. Приведенное выше описание праздника Биллингсом под-

тверждает этот вывод. Примечательно, что оно совпадает с этнографическими описаниями чукотских праздников, составленными столетие и более спустя В.Г. Богоразом и В.Г. Кузнецовой, а также с полевыми материалами автора статьи, которые были собраны в начале нынешнего, XXI века.

**Примечания:**

<sup>1</sup>Семейное шаманское пение имеет отличие от профессионального исполнительства *эн'эн'ылыт* чукотских шаманов. Основное отличие магического способа пения чукотских шаманов от семейного шаманского пения заключается в использовании измененных состояний сознания, к которым прибегают шаманы для своих «путешествий».

<sup>2</sup>Из интервью Г.Н. Тагриной М.А. Зеленскому (архивные материалы Анадырской студии телевидения. Анадырь, 1997).

<sup>3</sup>В чукотском языке гласные в произношении и написании основы слова артикулируются двойко (*ан'ан'- / -эн'эн'*), это зависит от обязательного перехода слабых неустойчивых в сильные устойчивые гласные при словообразовании, словоизменении и инкорпорации по закону гармонии гласных (П. Я. Скорик), например: *эн'эн'ыткук* (шаманить) на *ан'ан'ыткогыргын* (шаманство), *Кэрэткун* (Главный Бог морей) на *Каратковагыргын* (обряд Кэрэткуна).

<sup>4</sup>Описание праздника имеет несколько собирательный характер, так как данная реконструкция *Мн'эгыргын* проводится по разным литературным и полевым источникам. Проведение праздника в разных семьях варьируется в связи с календарными праздниками, которые могут поменять время проведения по метеоусловиям, а также по другим причинам хозяйственного или религиозного характера или с благодарственными праздниками, часто имеющими узконаправленное действие: «Установление жилища», «Впервые добытое животное» и т. п.

<sup>5</sup>Песня была записана Б.Г. Богоразом в мае 1901 г. от К'отгыргына, жителя села *Ун'усак'*.

<sup>6</sup>Сообщение фольклорной исполнительницы Кытгаут (Тынетегинной Е.И.). Запись 2007 г., пос. Майнопольгино, Беринговский р-н, ЧАО.

<sup>7</sup>Сообщение Иукум В. Запись 2006 г., пос. Тавайваам, Анадырский р-н, ЧАО.

<sup>8</sup>Сообщение Кеучей З. Запись 2005 г., пос. Янракыннот, Провиденский р-н, ЧАО.

<sup>9</sup>Сообщение Тюниковой В.Н. Запись 2005 г., пос. Нунлингран, Провиденский район, ЧАО.

<sup>10</sup>Сообщение Вуэлё Н.А. Запись 2005 г., пос. Нунлингран....

<sup>11</sup>Сообщение Кытгаут (Тынетегинной Е.И.). Запись 2007 г., пос. Майнопольгино, Беринговский район, ЧАО.

<sup>12</sup>Сообщение фольклорной исполнительницы Тагриной Г.Н. Запись 1983 и 1995 гг., пос. Нунлингран, Провиденский район, ЧАО.

**Использованная литература**

1. *Алексеев Э.Е.* Развитие народных традиций музыкальной культуры народностей Севера // *Культура народностей Севера: традиции и современность / РАН СССР, Сиб. отд-ние, ин-т истории, филологии, философии; отв. ред. В.И. Бойко.* — Новосибирск, 1986. С. 250—251.

2. *Атлас музыкальных инструментов народов СССР / Ред. К. Вертков, Г. Благодантов, Э. Язовицкая.* Изд. 2-е, дополн. и перераб. М., 1975. С. 196—197.

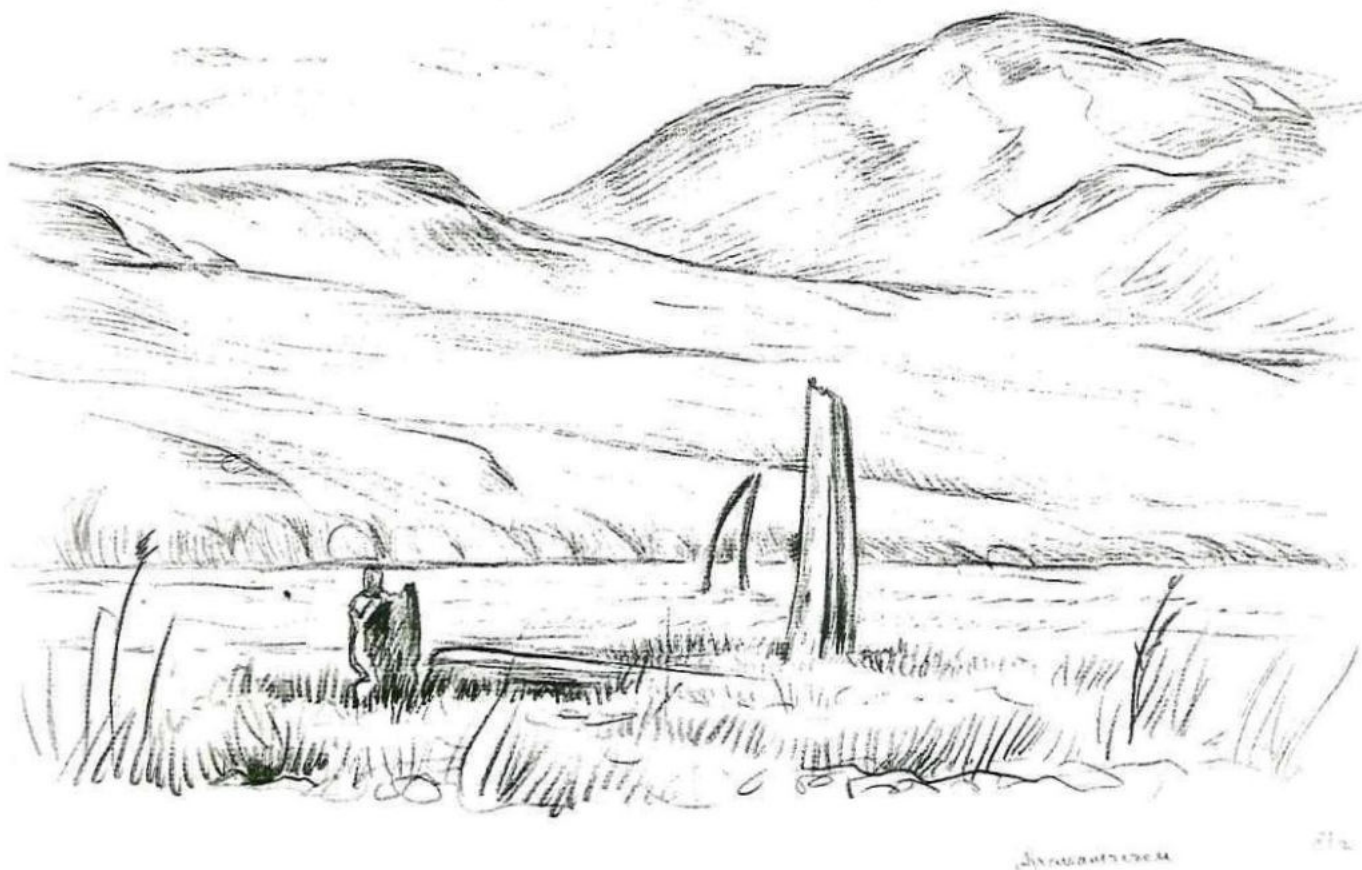
3. *Богораз В.Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе // *Труды Якутской экспедиции снаряженной на средства И.М. Сибирякова.* Отдел III. Том XI. Часть III. — СПб., 1900. С. XXXV.

4. *Богораз В. Г.* Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // *Советский фольклор.* № 4—5. 1936. С. 34.



5. *Богораз В.Г.* Луоравэтланско-русский словарь (Чукотско-русский словарь). М.-Л., 1937. С. 49.
6. *Богораз В.Г.* Чукчи. Религия, Т. II. / Авторизован. перевод с англ.; ред. Ю.П. Францова. Л., 1939. С. 91
7. *Богораз В.Г.* О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени (Представлено академиком С. Ф. Ольденбургом в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 29 янв. 1919 г.) Впервые опубли.: Известия Рос. АН СПб, 1919. // Кунсткамера (МАЭ им. Петра Великого РАН). Избранные статьи. СПб., 1995. С. 98.
8. *Булгакова Т.Д.* Некоторые особенности пения нанайских шаманов // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 135—136.
9. *Вдовин И. С.* Чукотские шаманы и их социальные функции // Труды института этнографии АН СССР. Т. 78. М., 1962. С. 191—192.
10. *Венстен-Тагрина З.В.* Ритуальное пение в музыкальной культуре чукчей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Научный журнал. № 15 (39). СПб., 2007. С. 67.
11. *Грачева Г.Н.* Шаманы у нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. АН СССР Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (по материалам II полов. XIX — нач. XX в.). — Л., 1981. С. 98.
12. *Добжанская О.Э.* Нганасаны // Музыкальная культура Сибири. Кн. 1. Традиционная культура народов Сибири. Новосибирск, 1997. С. 95.
13. *Карабанова С.Ф.* Шаманские пляски и промысловый обряд у народностей Дальнего Востока СССР // Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 105
14. *Кондратьева Н.М., Сыченко Г.Б.* Алтайцы: Алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты, тубалары, чалканцы, кумандинцы // Музыкальная культура Сибири. Кн. 1. Традиционная культура народов Сибири. Новосибирск, 1997. С. 235—236.
15. *Кузнецова В.Г.* Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник II. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, новая серия. Т. XXXV. М.-Л., 1957. С. 264.
16. *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979. С. 28—29.
17. Народные музыкальные инструменты Чукотки (комм. Ю.И. Шейкина) // *Рультынеут Е.А.* Чукотские и эскимосские танцы: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. М.Я. Жорницкой. Магадан, 1989. С. 138—140.
18. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне «Черном орле» по Северо-Восточному океану в 1791
19. *Харитонова В.И.* Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство // Ст. и материалы РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1995. С. 71
20. Чукотско-русский словарь. СПб., 2005. С. 24.
21. *Шенталинская Т.С.* Андыльщина (жанр-эндемик) // Фольклор и фольклористика. Экспедиционные открытия последних лет: народная музыка, словесность, обряды в записях 1970—1990-х гг. Статьи и материалы. Российский институт истории искусств РАН. СПб., 1996. С. 100
22. *Bogoras W.* The Chukchee. Leiden-New York, 1904—1909. Pp. 389.
23. *Bogoras W.* Chukchee Mythology in Memoirs of the American Museum of Natural History XII. The Jesup North Pacific Expedition. Vol. 8. Leiden E.-J. Brill, New York E. Stechert. 1910—1913. Pp. 138.
24. *Vaté V.* A bonne épouse, bon éleveur. Thèse Présentée le 20 décembre 2003. Université Paris X Nanterre. Paris, 2003. Pp. 202—203.
25. *Weinstein C.* Dictionnaire tchouktche francais anglais russe (рукопись).
26. *Weinstein-Tagrina, Z.* À propos du chant rituel tchouktche. Études/Inuit/Studies. №31(1—2). 2007. P. 261.





**Патрик Плюме**

Отделение наук о Земле и атмосфере  
Университет Квебека  
(Монреаль, Канада)

## Колонизация Севера в контексте всемирной истории

*Перевод с французского Шарля Венстена*

Человечество расселялось по планете Земля волнами. Переселенцы контактировали между собой, смешивались друг с другом, нередко между ними возникали конфликты. Первоначальное заселение самой северной зоны Земли осуществили охотники, образ жизни которых сложился еще в палеолите. Это был один из последних переселенческих процессов на не освоенные людьми территории. Он проходил главным образом в эпоху, когда в южных широтах, в более благоприятном для человека климате расцветали большие, сложные, но недолговечные цивилизации, основу которых составляло производящее хозяйство. Эти цивилизации, возникшие в ряде случаев в результате взаимодействия народа-завоевателя и местного населения, часто в свою очередь становились очагами новых завоеваний и дальнейшей колонизаторской экспансии. Целью настоящей статьи является описание основных этапов освоения Севера



в свете той сложной картины, которая возникла в результате переплетения многочисленных переселенческих волн и сложения в Евразии развитой сети путей сообщения и информационного обмена.

### Первоначальное освоение Севера

Впервые люди проникли на Крайний Север в последний ледниковый период. Древнейшие стоянки, возраст которых составляет от 24 до 33 тысяч лет, обнаружены близ устья Печоры и в нижнем течении Яны [31]. Приблизительно в ту же эпоху колебания уровня Мирового океана, вызванные таянием ледниковых масс, позволили первым волнам переселенцев из Азии проникнуть через Берингийский перешеек, соединявший в плейстоцене Чукотку и Аляску, в Америку, откуда началось их стремительное расселение вплоть до южной оконечности Нового Света. В Западной Европе в самом конце плейстоцена, как только отступавшие ледники освободили проход вдоль западного побережья Скандинавского полуострова, охотники на оленя и лося, жившие в Ютландии около 12 с половиной тысяч лет назад, быстро продвинулись на север Скандинавии. Присутствие их небольших локальных групп прослеживается на территории современной Норвегии в районе мыса Норд с  $8\ 230 \pm 80$  г. до н. э.

В самом начале голоцена, около девяти с половиной тысяч лет назад, первая колонизация Европейского Севера была продолжена. Продвигаясь вдоль бережий Баренцева моря, люди освоили Кольский полуостров и вышли к Белому морю [11; 49]. Поскольку уже на западном побережье Скандинавии переселенцы оказались в местах, богатых морским зверем, у них постепенно сформировались навыки морской охоты, и именно здесь, в Европейской Арктике, впервые появился гарпун с поворотным наконеч-

ником, давший возможность человеку охотиться среди дрейфующих льдов.

Около восьми тысяч лет назад, приблизительно в тот же хронологический период, когда началось освоение человеком арктических районов Скандинавии, в другом регионе Евразии, на севере Сибири, местные охотники на оленя тоже предпринимают охотничьи экспедиции в полярные широты. Следы одной из таких экспедиций обнаружены на острове Жохова, входящем в Новосибирские острова и расположенном на 76-м градусе северной широты. В те времена остров Жохова являлся, вероятно, частью материка и представлял собой его такую же крайнюю северную точку, как мыс Норд. Древние сибирские охотники в отличие от скандинавских уже использовали собачьи упряжки [32]. Возможно, им удалось про-

Рис. 1. Раскопки древнеэскимосской землянки середины XV в. Туваалук, Нунавик, Канада.

Цифрами обозначены: каменная подставка под жировую лампу (1), помещение с очагом – «кухня» (2), проход из входного коридора во внутреннюю часть жилища (3), вход в полуподземный коридор, служивший входом и выходом из жилища (4)







Рис. 2. Первая встреча эскимосов с викингами. Акварель гренландского эскимоса Арона. XVIII в.

двинуться далеко на восток, вплоть до восточных границ Аляски, где их дальнейшее продвижение было остановлено гигантскими ледниками, все еще покрывавшими в этот исторический период континентальные районы Северной Америки.

Между тем в другой области Евразии, в бассейне Амура и в северной части Тихого океана, особенно на острове Хоккайдо, новые климатические и природные условия, возникшие в послеледниковый период, способствовали развитию рыболовства и морской охоты. Для того чтобы охотиться на морского зверя во льдах и ловить в реках крупную рыбу, здесь около семи тысяч лет назад был вторично изобретен поворотный наконечник гарпуна с открытым гнездом для колка [52, с. 325; 37, с. 166]. В результате на Хоккайдо, на берегах Охотского моря и в бассейне Амура, произошли перемещения этнических

групп, возник обмен. В более позднее время в орбиту этих процессов оказались вовлеченными другие народы, которые населяли территории, простиравшиеся вплоть до современного Китая на юге и Берингова пролива на севере.

Во времена, когда происходил процесс первичного освоения Крайнего Севера, все человечество еще жило охотой, рыбной ловлей и собирательством. Если и существовал обмен, следы которого обнаружены, в частности, в ряде районов Центральной и Западной Европы, то он был относительным. Обменные отношения распространялись лишь на определенные виды сырья, устанавливались только между группами, которые вели одинаковый образ жизни и жили на сравнительном небольшом расстоянии друг от друга, не превышавшем нескольких сотен километров [12]. Впрочем, некоторые исследователи придерживаются другой точки зрения. Они полагают, что технология изготовления керамики, возникшая в Восточной Сибири и на Японских





островах в конце верхнего палеолита, распространилась на огромные расстояния вплоть до Западной Европы и ее североатлантических побережий [51]. И все-таки только в результате распространения земледелия и скотоводства, появившихся первоначально в отдельных районах с умеренным климатом, на нашей планете сформировался по-настоящему новый образ жизни, который изменил и отношение человека к природе, и взаимосвязи различных человеческих сообществ друг с другом.

#### **Дальнейшее продвижение на северо-восток...**

Около четырех с половиной тысяч лет назад, как только отступил ледник, закрывавший северные районы современной Канады, зверобои, населявшие Аляску (их далекие предки, как отмечалось выше, были выходцами из Сибири), стали продвигаться в восточном направлении. Носители своеобразной технологии изготовления микролитических орудий, в

Рис. 3. *Викинги атакуют эскимосское поселение. Акварель гренландского эскимоса Арона. XVIII в.*

большей мере охотники на оленей и овцебыков, чем на морского зверя, они, несмотря на свою крайнюю малочисленность, сумели преодолеть путь протяженностью во многие тысячи километров. Этот путь пролегал через материковые побережья и острова Канадской Арктики и завершился на северо-востоке Гренландии — в одном из самых суровых и пустынных регионов планеты, ставшем крайним пределом ойкумены [38].

Поскольку возраст археологических стоянок на Аляске и в Гренландии почти одинаков, можно полагать, что продвижение арктических первопроходцев на восток было очень быстрым. Выйдя в Гренландии на берег Атлантического океана и не имея возможности продолжать движение в восточном направлении, они повернули на юг и стали осваивать как побережья самого острова, так и лежащие к югу от него континентальные районы



Канады. В результате этой первичной колонизации человеком Восточной Арктики на обширной территории Северной Америки в период, удаленный от наших дней на четыре с половиной — три тысячи лет, распространилась единая, достаточно однородная нижняя палеоэскимосская традиция.

Судя по материалам археологических раскопок, можно полагать, что носителями этой культурной традиции были небольшие, очень подвижные группы охотников, которые активно использовали все доступные им природные ресурсы осваиваемых земель. Разбросанные по огромным пространствам, они могли надолго оказаться в изоляции друг от друга. Так, нижние палеоэскимосы северо-востока Канадской Арктики долгое время оставались практически изолированными от своих родственников на Аляске. Не поддерживали они постоянных связей и со своими южными соседями — пришедшими раньше них в Северную Америку индейцами. Даже на Лабрадоре, где нижние палеоэскимосы и индейцы охотились фактически на одной территории, они, вероятно, избегали друг друга.

Впрочем, не исключено, что определенные контакты между перечисленными народами все-таки существовали: к нижним палеоэскимосам Восточной Арктики могли проникать влияния нижних палеоэскимосов Аляски, их собственный приход на восток Канады, возможно, способствовал появлению лука и стрел у тамошних индейцев [50]. Однако если подобные контакты и имели место, то скорее всего были очень редкими и носили характер обмена «идеями», а не «товарами» [2; 21].

#### **...и развитие «больших цивилизаций»**

Пока протекал процесс первоначального освоения Американской Арктики, в

Мезоамерике, в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, в Южной и Восточной Азии формировались, достигали расцвета и приходили в упадок яркие цивилизации, происходили конфликты между оседлым земледельческим населением и кочевниками степей и пустынь, смешивались расы, народы, культуры. Так, например, около 3800 лет назад, когда на северо-востоке Канады началось распространение нижней палеоэскимосской традиции, древнейшие цивилизации Индостана уже клонились к закату.

В середине II тыс. до н.э. в Канадской Арктике начинался процесс замены нижней палеоэскимосской культуры средней палеоэскимосской традицией, и именно в этот период достигли расцвета цивилизации Мезоамерики и Эгейского моря, а Европу, Средний Восток и Южную Азию стали заселять индоевропейские народы. Две с половиной тысячи лет назад, в середине I тыс. до н.э. в арктических районах Северной Америки среднюю палеоэскимосскую традицию сменила верхняя палеоэскимосская культура дорсет, а в Индии и в Китае в это время появились учения Будды и Конфуция...

В целом в эпоху, датируемую концом II тыс. — серединой I тыс. до н.э., в мире возникает множество торговых путей, осуществляется интенсивный обмен культурными ценностями, складывается огромное по протяженности информационное пространство. Однако и оно имело свои границы, одна из которых, судя по данным археологии и лингвистики, проходила по горным хребтам Восточной Сибири. Ни на северо-восток Азии, ни в лежащую за Беринговым проливом Северную Америку культурные достижения «больших цивилизаций» в этот исторический период не проникли.



### Информационная сеть достигает Крайнего Севера

«Большие цивилизации» играли важную роль в процессе глобализации. Под их воздействием в первые века нашей эры глобализация заметно усиливается и к концу I тыс. н. э. охватывает едва ли не всю планету. Культурные связи распространяются по миру настолько широко, что в их орбиту попадает и Берингоморье. Однако в восточной части Американской Арктики верхняя палеоэскимосская традиция, дорсет, по-прежнему остается в такой же изоляции, как и во времена первых палеоэскимосов.

### Византийская империя и ее еретики

Культурному обмену, движению идей и товаров на просторах Евразии способствовала во второй половине I тыс. н.э. религиозная борьба, развернувшаяся в Византии и приведшая к изгнанию из страны приверженцев Нестория. Объявленные еретиками несториане были вынуждены укрыться в Сасанидском Иране, откуда, продвигаясь на восток по Великому шелковому пути, проникли на территорию современных Монголии и Китая. В 635 г. христиан как представителей «Светлой религии Да Хин» («Пришедшей с Запада») с почетом принимают в Чанъане (современный Сиань) — столице Танской империи. За короткий срок на огромной территории от Багдада до Северо-Восточного Китая возникают несторианские церкви, монастыри, автономные епископства. Священники-несториане приспособливают христианские тексты к китайской идеологии. Ими были написаны на китайском языке «Сутры Иисуса», часть которых восходит к буддийским сутрам и даосской мифологии [29].

Вскоре, однако, на смену мирному смешению восточно-христианских духовных ценностей с духовными ценно-

стями народов Центральной и Восточной Азии, начатому изгнанными из Византийской империи христианами-еретиками, пришел другой процесс, тоже сопровождавшийся развитием культурных и торговых связей, — экспансия ислама.

### Арабы, хазары, викинги

В начале VIII в. н.э. выходцы из Аравии, арабы, молниеносно осуществляют политическое и религиозное завоевание северных районов Африки, а также Пиренейского полуострова. Разгром в сражении при Пуатье в 732 г., в центре Франции, остановил дальнейшее продвижение арабских войск по Западной Европе, а поражение в битве при Ардабиле, на северо-западе Ирана, в 730 г. закрыло им дорогу в Европу в обход, через Кавказ. Однако, одержав нелегкую победу над китайцами в Таласе в 751 г., арабы установили контроль над значительной частью территории, через которую традиционно пролегли торговые пути с Востока на Запад.

В конце I тыс. н.э. свой вклад в торговлю и культурный обмен, способствовавшие дальнейшему развитию процессов глобализации, внесли хазары. Возникнув как единый народ в VI в. на основе слияния различных этнических групп, говоривших на языках алтайской семьи, они кочевали в евразийских степях — от Китая на востоке до Византии на западе. Долгое время хазары исповедовали шаманизм, однако в IX в. хан Булан (Обадиах) обратил свой народ в иудаизм. Выбор религии был обусловлен политическими причинами. С одной стороны, монотеистическая религия, похожая на религии Византии и Арабского халифата, могла, казалось, надежнее, чем шаманизм, объединить различные по происхождению группы, входившие в состав хазар. С другой стороны, евреи, разбросанные по ми-



ру и не имевшие своего государства, не представляли угрозы: они в отличие от христиан и мусульман не смогли бы подчинить хазар своей власти. Будучи торговцами и путешественниками, хазары со временем сумели продвинуться сравнительно далеко на север от евразийских степей. Их новые маршруты пролегли вдоль крупных рек Восточной Европы, таких как Дон, Днепр и Волга, в низовьях которой располагалась столица Хазарского каганата.

Практически в ту же эпоху, датируемую VIII—XI вв., развитию глобализации во многом способствуют военные и торговые операции викингов. Викинги совершают походы вокруг Европы — плывут вдоль морских берегов, поднимаются по рекам, торгуют, разоряют церкви и монастыри, захватывают в плен мужчин и женщин и превращают их в рабов. Торговая сеть, созданная «шведскими руссами», известными под именем «варягов», охватывала огромные территории, от Скандинавии до Византии и Багдада, и переплеталась с торговой сетью хазар. В 882 г. варяг Олег, наследник Рюрика, варяжского правителя в восточнославянском Новгороде, захватил Киев, город, который вскоре стал очагом формирования нового, Древнерусского государства и исходным пунктом обращения Руси к христианству византийского толка.

У датских и норвежских викингов были иные маршруты. Они совершали походы по морю от Скандинавии до Италии. В ходе этих походов датчане разоряли христианские монастыри на Британских островах, вторгались в континентальные районы Западной Европы, а норвежцы расселились на Шетландских и Фарерских островах и начиная с 874 г. стали осваивать Исландию, на территории которой жило в те времена лишь несколько

ирландских монахов. В 985 г. один из предводителей викингов, Эрик Рыжий, в поисках новых земель отправился из Исландии дальше на север и открыл Гренландию. Дав обнаруженной им стране рекламное название «Зеленая Страна», он создал на ее юго-западном побережье колонию, жителями которой, помимо его воинов, стали привезенные викингами рабы-ирландцы. «Зеленая Страна» вскоре привлекла других переселенцев, основавших на юго-западе Гренландии новые поселения. Из этих мест около 1000 г. сын Эрика Рыжего Лейф отправился в новый поход на запад и обнаружил уже на материковом побережье Северной Америки территорию Винланд («Страна вина»), которую два века спустя исландские саги, следуя библейской традиции, описывали как «землю обетованную».

Попытки викингов закрепиться в Винланде не увенчались успехом. Местные жители, среди которых были и эскимосы, и индейцы — саги называют винладцев *скраелингами*, — оказали упорное сопротивление [28; 45]. Найденная в Гренландии в одном из норманнских поселений индейская стрела из *рамаха* — редкой разновидности кварцита, встречающейся только на севере Лабрадора, — свидетельствует, вероятно, о том, что отношения между жителями Америки и первыми европейцами, ступившими на их континент, складывались весьма драматично. В исландских сагах также содержатся сведения, согласно которым первые встречи эскимосов и индейцев, давно пришедших на берега Атлантики с запада, с викингами, недавно преодолевшими ее с востока, сопровождались конфликтами, обусловленными различиями в культурных традициях. Вместе с тем сам факт этих встреч примечателен: человечество преодолело преграду Атлантического океана.



**Ускорение процесса глобализации.****Эскимосы выходят из изоляции**

В начале II тыс. н. э. созданная викингами сеть обменных отношений простиралась от Багдада и Бухары до Гренландии. Причем колонии норманнов на юге «Зеленой Страны» стали форпостом их дальнейшего продвижения в Американскую Арктику. Об этом свидетельствуют найденные на древнеэскимосских стоянках позднего дорсета на северо-западном побережье Гренландии и в северо-восточных районах Канады фрагменты металлических изделий [40—42].

На канадских территориях, достаточно удаленных от ареалов, которые были освоены викингами в Гренландии — на западе залива Унгава и на востоке Гудзона залива, — в дорсетских жилищах, построенных после 1000 года, обнаружены фрагменты сплава меди, похожего на сплав, который использовался в Средневековой Европе. Эти находки свидетельствуют о том, что металлические предметы европейского происхождения, по-видимому, передавались от одной эскимосской группы к другой и, таким образом, циркулировали на обширной территории Северной Америки [14; 35, с. 189—191, фото 81, 82].

Появление у дорсетцев, населявших северную часть Баффиновой Земли и расположенный неподалеку остров Батерст, скульптур из оленьего рога, изображавших людей с удлинёнными лицами, не похожими на лица эскимосов, тоже может, вероятно, рассматриваться как результат контактов с европейцами. Не исключено, что умение местных жителей этой части Канадской Арктики изготавливать плетеные и ткацкие изделия из волос овцебыка также возникло под влиянием викингов [47]. Впрочем, наличие европейских влияний в эскимосской скульптуре начала II тыс. н. э. — вопрос

достаточно спорный. Следует признать, что вызывает дискуссии и датировка эскимосских ткацких изделий из волокон животного происхождения: дорсетцы могли научиться ткать до встречи с первыми европейцами [30].

**Южные районы Тихого океана — преграда на пути создания глобальной сети обмена**

По мере того как обменные отношения распространялись по Евразии в направлении Китая, с одной стороны, и в направлении Гренландии и Канадской Арктики, с другой, бесстрашные мореплаватели из Юго-Восточной Азии заселяли тихоокеанские архипелаги. Поддерживая связи друг с другом, они продвигались все дальше в океан, приближаясь к Южной Америке, однако расстояние, отделявшее острова Полинезии от американского побережья, оказалось для древних мореходов непреодолимой преградой.

**Взаимодействие культур на севере Тихоокеанского региона**

Контакт между жителями Азии и Америки был установлен в другой части Пацифики — в ее северном регионе. Произошло это в I тыс. н.э. [37, с. 157]. Немногочисленное монголоидное население азиатского и американского побережий Берингова пролива постепенно перешло от охоты на оленя к освоению обильных океанских ресурсов — к возникшей первоначально на Японских островах охоте на морских млекопитающих, от тюленей до китов [4]. У вступающих в контакты друг с другом жителей прибрежных районов Чукотки и Аляски сформировались богатые орнаментальные традиции, которые, вероятно, можно рассматривать как своеобразное продолжение скифо-сибирского искусства. Не исключено, что различные стили орнаментации помогали морским охотникам Берингоморья,



число которых постоянно росло, отчетливее осознавать различия между отдельными локальными группами. Исследователи, опираясь в основном на особенности орнамента, выделяют на Чукотке и Аляске такие археологические культуры, как древнеберингоморье, оквик, ипиутак, бирнирк, пунук, туле, и относят их к неоэскимосским [см., напр., 3; 8; 7].

Представители этих культур были знакомы с металлом, который, вероятно, в крайне малых количествах попадал к ним через Камчатку из Японии или Китая. Древние эскимосы Берингова пролива высоко ценили металл и применяли его главным образом для изготовления инструментов для резьбы и гравировки по кости. На китайские влияния в неоэскимосских культурах Берингоморья указывают также погребальные традиции ипиутакцев, в особенности использование ими нефрита и погребальных масок [20; 43; 24].

К концу I тыс. н. э. широкое распространение коллективной охоты на китов привело, судя по данным, полученным в ходе изучения погребального инвентаря и произведений искусства из Эквенского и Уэленского могильников Чукотки, к имущественному и социальному расслоению жителей прибрежных районов Берингова пролива. В их среде появились влиятельные группы владельцев многоместных охотничьих лодок и люди, занимавшие подчиненное место в общественной иерархии, в том числе, вероятно, рабы [см., напр., 6].

Появление имущественного неравенства и развитие торговли привели к обострению соперничества между различными этническими и территориальными группами. На Чукотке эскимосы и чукчи нападали друг на друга, военные столкновения происходили и между эскимосскими племенами, обитавшими по разные стороны

Берингова пролива. Воины использовали сложные боевые доспехи, сделанные по образцу китайских; побежденные враги становились рабами [9—10; 5; 46].

### **Неоэскимосы: вторая волна колонизации Восточной Арктики и Гренландии**

В начале II тыс. н.э., когда в западноевропейских городах возводятся величественные христианские соборы, крестоносцы отправляются в Палестину для защиты Святой земли от мусульман, а в Византию вторгаются пришедшие из Центральной Азии турки-сельджуки, Восточная Арктика и Гренландия переживают второй этап колонизации. Осуществляют ее неоэскимосы — охотники на китов, и проходит она так же стремительно, как миграция первых, палеоэскимосских племен, добывавших преимущественно животных тундры.

Можно уверенно говорить о том, что обитавшие на севере Аляски китобой — носители культуры туле, а также, возможно, часть представителей культуры пунук — переселились на побережья пролива, отделяющего остров Элсмир от Гренландии, где на одном из небольших островов (остров Руин) выявлены их наиболее ранние стоянки [25]. Неоэскимосские мигранты, перемещавшиеся вслед за крупными китообразными, которые ежегодно шли на восток от Берингова пролива в районы, наиболее благоприятные для размножения, воспользовались, вероятно, тем же теплым климатическим периодом, который облегчил экспансию викингов в Американской Арктике. Не исключено также, что выходцы с Аляски узнали о содержавшем железо метеорите, упавшем на мысе Йорк (Гренландия) еще 10 тысяч лет назад и обнаруженном палеоэскимосами в конце дорсетского периода. Возможно, до них дошли и сведения о металле, привезенном викингами



[27]. Поиски оптимальных мест для морской охоты, поиски сырья, стремление установить обменные связи были, таким образом, движущими силами этой новой колонизации Канадской Арктики и Гренландии.

Примечательно, что неоэскимосы, очутившись в тех регионах, где уже жили палеоэскимосские племена, не смешивались с ними. Более того, даже культурный обмен между нео- и палеоэскимосами был, вероятно, не слишком интенсивным, хотя мигранты заимствовали у дорсетцев определенные технологии, как, например, строительство снеговых жилищ. В фольклоре современных инуитов Канады сохранились т.н. «рассказы о тунитах» (местных жителей), согласно которым отношения между обеими группами населения были, очевидно, далеко не гармоничными. Скорее они напоминали отношения с аборигенами любого народа, осуществляющего колонизацию, будь то французы, русские или англичане. В инуитских преданиях туниты — очень сильные, но недалекие люди, объекты насмешек, эксплуатации, завоевания. Согласно фольклору, они, если и включались в состав неоэскимосского общества, то чаще всего в качестве рабов [33; 26].

Известно, похоже, только одно свидетельство существования смешенной палео-неоэскимосской семьи. Это землянка, выявленная на стоянке Туваалук в Нунавике на южном берегу Гудзонова залива (рис. 1). Будучи типично дорсетской по своей планировке и особенностям конструкции, она в то же время имеет характерные для жилищ культуры туле входной коридор с переходной камерой, а также кухню, находящуюся в боковой пристройке [34; 36]<sup>1</sup>. Найденные в этой зем-

лянке предметы, как, впрочем, и находки, сделанные в других жилищах стоянки Туваалук, относятся к культуре дорсет. Однако радиоуглеродная датировка (С-14) указывает на то, что люди здесь жили в середине XV в., т. е. уже после того, как на смену дорсету пришла культура туле, и после того, как прекратили свое существование колонии викингов в Гренландии. В целом следует признать, что носители традиции туле, неоэскимосы, превосходя дорсетцев по уровню культурного развития, в большей степени способствовали их исчезновению, чем даже викинги или их потомки, с которыми, судя по данным археологии, у палеоэскимосов были только эпизодические встречи.

#### Католическая церковь и стимулирование обмена посредством налогов для крестовых походов

Христианизация колоний викингов в Гренландии, начавшаяся в XI в., способствовала развитию обмена и торговли с эскимосами, поскольку Рим требовал уплаты налогов, в частности, для организации крестовых походов. Взимались эти налоги главным образом клыками моржей и шкурами белых медведей. Помимо налогов, налагаемых на скандинавских переселенцев в Гренландию католической церковью, им также приходилось платить налоги королю Норвегии [1].  
Необходимость от-



Рис. 4. Скульптура европейского священника. Дерево, XIV в. Баффинова Земля, Канада



правлять в Рим моржовую кость и звериные шкуры стала одним из факторов, побудивших европейских жителей Гренландии установить контакты с недавно появившимися в Восточной Арктике неозскимосами, прежде всего с теми, кто охотился на моржа в заливе Диско, на стыке Гренландии и Канады. Привлеченные возможностью получать в обмен изделия из металла, неозскимосы стали селиться на сравнительно небольшом удалении от скандинавских колоний. Их жилища нередко располагались у входа в фьорды, в глубине которых обосновались европейцы. Взаимоотношения викингов и неозскимосов складывались по-разному: они были то достаточно гармоничными, то принимали форму конфликтов, как повествуют об этом рассказы, записанные Хансом Эгедом, который уже в XVIII в. возглавил вторую волну скандинавской колонизации «Зеленой Страны» [19] (рис. 2-3).

Таким образом, западное побережье Гренландии, Канадская Арктика и загадочный Винланд стали начиная с XI в. новым очагом глобализации. Здесь представители двух ветвей человечества — жители Старого и Нового Света — вступали в контакты, обменивались, сотрудничали, а также, судя по материалам скандинавских саг и инуитского фольклора, нередко враждовали друг с другом.

Литературные источники содержат больше сведений о колонизации Восточной Арктики европейцами в XI—XV вв., чем археологические, тем не менее находки археологов тоже представляют несомненный интерес [22]. Так, помимо поселений скандинавов в Гренландии, выявлено как минимум одно их поселение на острове Ньюфаундленд, в его северной части — Луговая Бухта. Поселение состояло из нескольких длинных домов и кузницы и являлось, по-видимому, своеобразным перевалочным пунктом на пути

викингов в «Страну вина» (Винланд), располагавшуюся, безусловно, южнее Ньюфаундленда, где-то, вероятно, на континентальном побережье к югу от залива Св. Лаврентия [16—17; 23].

Небольшая деревянная скульптура человека в длинной одежде (рясе?) и с крестом, найденная в жилище культуры туле в южной части Баффиновой Земли и датированная XIV в., может, по-видимому, рассматриваться как изображение епископа, который, согласно письменным источникам, был послан Ватиканом в Винланд и не вернулся обратно [39] (рис. 4).

В Гренландии и на островах Канадской Арктики, особенно на севере Баффиновой Земли и на востоке Элмира, выявлены и другие изделия жителей Старого Света, относящиеся к рассматриваемому периоду. Некоторые из них могли быть найдены эскимосами на судах, потерпевших бедствие, но не исключено, что в целом эти изделия свидетельствуют о том, что экспедиции европейцев, причем, возможно, не только скандинавов, могли в конце эпохи средневековья успешно продвигаться по Восточной Арктике вплоть до пролива Смита. Особенную ценность среди данных находок представляют фрагменты бронзового котла и небольших складных бронзовых весов, широко использовавшихся в средние века европейскими торговцами, а также детали кольчуги, происхождение которой остается неизвестным [13; 48].

#### **Кто сменил викингов, или Настоящее открытие Нового мира**

В эпоху, когда в Восточную Арктику проникали принесенные викингами западноевропейские влияния, на востоке Европы, в бассейне Днепра, укреплялось Древнерусское государство. Установив тесные отношения с Византией, позаимствовав у нее религию и алфавит, Киев-



ская Русь расширялась на восток, и только монгольское нашествие XIII в. приостановило этот процесс. Однако, господствуя над Русью вплоть до XV в., монгольская Золотая Орда тоже способствовала объединению различных алтайских и индоевропейских этносов. Конец этого государства пришелся на хронологический период, разделивший эпоху упадка скандинавских колоний в Гренландии и новую историческую эпоху Великих географических открытий, эпоху подлинного проникновения европейцев в Новый Свет — в Северную и Южную Америку.

Коммерческие связи, сложившиеся в результате плаваний через Атлантику европейских мореходов XV—XVI вв., явились во многом продолжением сети обменных отношений, возникшей еще при викингах. Созданная скандинавами торговая сеть была огромной по своим масштабам. Однако удивляет не это, а тот факт, что северные земли, заселенные викингами в Западном полушарии, земли, откуда происходили товары, ценимые в Европе и на Ближнем Востоке, как, например, моржовая кость или лабрадорские соколы, поставившиеся даже в Багдад, долгое время оставались практически неизвестными Старому Свету. (Знали о них только в Исландии, через которую шло продвижение европейцев в Гренландию и Винланд, и в Ватикане, требовавшем от викингов уплаты «папской десятины»).

Чем объясняется этот феномен? Отсутствием у большинства тогдашних людей географической любознательности или тем обстоятельством, что новые территории на Крайнем Севере ассоциировались с мифическими островами, которыми по представлениям того времени изобиловала Северная Атлантика? Следует отметить и такую деталь. В XI в. невестка Эрика Рыжего Гудрид, которая согласно сагам стала первой европейкой, ро-

дившей ребенка в краю, который после плаваний Христофора Колумба стали называть Новым Светом, совершила паломничество в Рим. Однако, пройдя пешком через всю Европу, она, по-видимому, ничего не сообщила ее жителям ни о Гренландии и Винланде, ни о народах, встреченных викингами в Арктике. Во всяком случае, в исторических хрониках, в которых упоминается паломничество Гудрид, подобных записей нет.

Упадок скандинавских поселений в Гренландии ускорило нападение на них английских пиратов [44]. Возможно, благодаря последним, среди европейских мореплавателей эпохи позднего средневековья и распространился слух о том, что за Атлантическим океаном лежит Новый мир. Существует также версия, согласно которой Христофор Колумб, прежде чем поднять паруса и отправиться в Атлантику на поиски пути в Индию и Японию, побывал в Исландии, чтобы навести справки о землях, находящихся к западу от Европы. Впрочем, совершив в самом конце XV в. свое выдающееся открытие, он сам, как и викинги, не понял, что побывал на новом континенте. Однако рассказы Колумба способствовали подготовке других экспедиций, и уже в XVI в. европейцы по-настоящему открыли для себя новый мир, названный впоследствии Америкой. Фробишер, Кортес, Картье, их многочисленные современники положили начало следующей волне колонизации Нового Света, в ходе которой оказались в значительной степени вытесненными со своих земель те, кто пришел сюда с предыдущими волнами колонизации — индейцы и эскимосы.

**Очередной этап освоения Американского Севера: русская экспансия в Берингоморье**  
Начало проникновению европейцев в Американскую Арктику с запада, со сто-



роны Аляски, было положено в середине XVII в., когда русский казак Семен Дежнев прошел из Северного Ледовитого океана в Тихий, обогнув Чукотский полуостров и побывав на островах Берингова пролива. Спустя почти сто лет, в 1720—1730-х гг., русские моряки, вначале Витус Беринг, а затем Иван Федоров и Михаил Гвоздев, вновь пройдут Беринговым проливом и нанесут на географические карты прилегающие друг к другу территории Азии и Америки. Во второй половине XVIII в. на Алеутских островах и на материковом побережье Аляски снова появятся представители России, и некоторым из них удастся продвинуться в Новом Свете вплоть до Калифорнии. Американский Север накроет новая волна колонизации, на этот раз русская, обусловленная, как и предыдущие волны, развитием обмена и торговли. После этих открытий человечество накопит достаточно знаний для возникновения целостного представления о планете, о расположении континентов, о народах, населяющих Землю. А это, в свою очередь, будет означать, что приближается следующий, очередной этап экономической и культурной глобализации, главной движущей силой которой по-прежнему останутся все те же обменные отношения и торговля.

### **Заключение**

Начавшиеся более тысячи лет назад и оставшиеся практически незамеченными современниками контакты викингов с древними эскимосами в Восточной Арктике ознаменовали наступление новой фазы глобализации, когда две половины человечества — жители Старого и Нового Света — встретились друг с другом. С XVI в. их взаимодействие приобретало все более интенсивные формы. Колонизация, торговля, культурный обмен приводили к смешению народов и дальнейшему рас-

пространению человека по планете. В новых исторических условиях, нередко в обстановке жестоких конфликтов, каждый этнос стремился сохранить свою идентичность и вместе с тем приспособиться к изменяющемуся миру. Разрушались прежние стереотипы, ослабевали барьеры, разделявшие носителей различных этнических традиций, возникали новые культурные ценности.

В наши дни сложные процессы культурного взаимодействия, основой которых являются как традиционная торговля, так и развитие новейших информационных технологий и постоянно возрастающая эксплуатация природных ресурсов, протекают еще стремительнее. Глобализация вступает в следующую, принципиально иную фазу, принимает новые, неожиданные формы; отношения между народами, в том числе теми, кто живет в Старом и в Новом Свете, на Севере и на Юге, приобретают еще более тесный характер. По-новому видится в современном мире роль Арктики с ее обширными запасами полезных ископаемых. В связи с потеплением климата природные богатства Севера будут становиться, по-видимому, все более доступными, и это может привести к тому, что он вновь превратится в зону конфликтов. Однако если удастся найти такой путь освоения «высоких широт», при котором они будут приносить пользу не отдельным нациям, а всему мировому сообществу, глобализация, пугающая тех, кто тоскует по прошлому, не приведет к новым столкновениям. Автор статьи готов держать пари: благодаря огромному потенциалу современной культуры, вобравшей в себя достижения различных народов, лучшие умы человечества сумеют найти оптимальные способы освоения Севера, и его природные богатства (увы, невозстановимые) будут служить всем жителям планеты.



**Примечание:**

<sup>1</sup> Подробное описание этого необычного жилища и стоянки Туваалук имеется на веб-сайте

"Tuvaaluk:

<http://www.unites.uqam.ca/tuvaaluk/accueil/menu2accueil.html>"

**Использованная литература**

1. *Arneborg, J.* The Roman Church in Norse Greenland // *The Norse of the North Atlantic*, Gerald F. Bigelow, Coll. «Acta Archaeologica V2 – vol. 61 – 1990». Copenhagen, 1991. Pp. 142–150.

2. *Arnold, Ch. D.* The Lagoon site (OjRI-3): implications for Paleoeskimo interactions, Coll. «Archaeological Survey of Canada Mercury Series», no 107. Ottawa: National Museum of Man, 1981.

3. *Arutiunov, S. A.* «Esthétique et fonction de l'art chez les anciens Esquimaux de la Tchoukotka sibérienne». *Inter-Nord*, no 13–14, 1974. Pp. 157–161.

4. *Arutiunov, S. A., and D. A. Sergeev.* Two millennia of cultural evolution of Bering Sea hunters // *Arctic Anthropology*, vol. 5, no 1, 1968. Pp. 72–75.

5. *Bandi, H.-G.* Siberian Eskimos as whalers and warriors // *Hunting the largest animals. Native whaling in the western Arctic and Subarctic*, A. P. McCartney, Coll. «Studies in Whaling no 3, Occasional Publications», no 36, Edmonton, 1995. Pp. 165–183.

6. *Bronshtein, M.* Ekven – Einzigartige archaologische Fundstätte in Nordostasien // *Arktische Waljäger vor 3000 Jahren. Unbekannte sibirische Kunst*. A.M. Leskov, H. Muller-Beck. Mainz–München, 1993. Pp. 73–83.

7. *Bronshtein, M., and K. Dneprovsky.* The northeastern Chukchi Peninsula during the Birnirk and early Punuk periods // *Archaeology in the Bering Strait region. Research on two continents*, Coll. «Anthropological Papers», no 59, Eugene, 2002. Pp. 153–165.

8. *Bronshtein, M., et P. Plumet.* Ekven: l'art préhistorique béringien et l'approche russe de l'origine de la tradition culturelle esquimaude // *Études Inuit Studies*, vol. 19, no 2, 1995. Pp. 5–59.

9. *Burch, E.S.Jr.* Eskimo warfare in north-west Alaska // *Anthropological Papers of the University of Alaska*, vol. 16, no 2, 1974. Pp. 1–14.

10. *Burch, E.S. Jr.* War and trade // *Crossroads of continents Cultures of Siberia and Alaska*, W. W. Fitzhugh, and A. Crowell. Washington, 1988. Pp. 227–255.

11. *Burdukiewicz, J.M.* Spatio-temporal zonality of the Palaeolithic settlement of northern Europe // *The earliest settlements of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas*, Lars Larsson, Coll. «Acta Archaeologica Ludensia, Serie in 8°», no 24, Stockholm, 1996. Pp. 35–42.

12. *Féblot-Augustin, J.* La circulation des matières premières au Paléolithique, Coll. «ERAUL 75, V2 – 2 tomes». Liège, 1997.

13. *Gulløv, H.Ch.* The Eskimo culture in Greenland and the medieval Norse: A contribution to history and ethnohistory // *Aspects of Arctic and Sub-Arctic history. Proceedings of the International Congress on the History of the Arctic and Sub-Arctic Region*, Reykjavik, 18–21 June 1998, I. Sigurdsson, and J. Skaptason. Reykjavik, 2000. Pp.184–193.

14. *Harp, E.* A Late Dorset copper amulet from Southeastern Hudson Bay // *Folk*, vol. 16–17, 1975. Pp. 33–34.

15. *Hood, B.C.* Pre-Dorset/Maritime Archaic social boundaries in Labrador // *Identities and cultural contacts in the Arctic. Proceedings from a conference at the Danish National Museum, Copenhagen, November 30 to December 2 1999*, M. Appelt, J. Berglund, and H.Ch. Gulløv, Copenhagen, 2000. Pp. 120–128.

16. *Ingstad, A.S.* The discovery of a Norse settlement in America. Vol. 1: Excavations at l'Anse aux Meadows, Newfoundland, 1961–1968. Bergen, Tromso, 1977.

17. *Ingstad, H.* The Norse discovery of America. Vol. 2: The historical background and



the evidence of the Norse settlement discovered in Newfoundland. Oslo, 1985.

18. *Karpellan, K.* Finskiye saamy v zheleznom veke. (Les Saames de Finlande à l'âge du Fer) // Finno-ugry i slavyane. (Les Finno-Ougriens et les Slaves). Léningrad, 1979. Pp. 143–151.

19. *Knuth, El.* Âlut Kangermio. Aron fra Kangek' – Aron of Kangek (1822–1869). K'avdlunâtsianik. The Norsemen and the Skraelings. Godthåb, 1969.

20. *Larsen, H.* The Ipiutak Culture: Its origin and relationships // Indian tribes of aboriginal America. Selected Papers of the 29th International Congress of Americanists, Sol Tax, Chicago. 1952. Pp. 27–34.

21. *Le Blanc, R.J.* The Crane Site and the Lagoon Complex in the Western Canadian Arctic // Threads of Arctic prehistory: Papers in honour of William E. Taylor, Jr., David Morrison, and Jean-Luc Pilon, Coll. «Archaeological Survey of Canada Mercury Series», no 149, Hull, 1994. Pp. 87–144.

22. *Linderoth, W.B.* An archaeological interpretation of the Vinland sagas // Vikings: The North Atlantic Saga, W. W. Fitzhugh, and E. Ward, Washington, 2000. Pp. 225–231.

23. *Linderoth, W.B.* The Vikings settlement at L'Anse aux Meadows // Vikings: The North Atlantic Saga, W. W. Fitzhugh, and E. Ward, Washington, 2000. Pp. 208–223.

24. *Mason, O.K.* Ipiutak remains mysterious: A focal place still out of focus // Dynamics of northern societies. Proceedings of the SILA/NABO Conference on Arctic and North Atlantic Archaeology, Copenhagen, May 10th–14th, 2004, J. Arneborg, and B. Grønnow, Coll. «Studies in Archaeology & History», no 10, Copenhagen, 2006. Pp. 103–110.

25. *Mccullough, K.M.* The Ruin Islanders: Thule Culture Pioneers in the Eastern High Arctic: Early Thule culture pioneers in Eastern High Arctic, Coll. «Archaeological Survey of Canada Mercury Series», no 141. Hull, 1989.

26. *Mcghe, R.* The Tunnit/Les Tunit: First explorers of the High Arctic/Premiers habitants de l'Arctique polaire. Ottawa, 1981.

27. *Mcghe, R.* Ancient people of the Arctic. Vancouver, 1996.

28. *Odess, D., S. Loring, and W.W. Fitzhugh.* Skraeling: First people of Helluland, Markland, and Vinland // Vikings: The North Atlantic Saga, W. W. Fitzhugh, and E. Ward, Washington, 2000. Pp. 193–207.

29. *Palme, M.* Les Évangiles de la route de la soie. Traduit de Jesus Sutras, Ballantine Books, Random House 2001. Vannes, 2001.

30. *Park, R.W.* Contact between the Norse Vikings and the Dorset culture in Arctic Canada // Antiquity, vol. 82, no 315 (March), 2008. Pp. 189–198.

31. *Pitul'ko, V.V., P.A. Nikolsky, E. Yu. Giryay, A.E. Basilyan, V.E. Tumskoy, S.A. Koulakov, S.N. Astakhov, E. Yu. Pavlova, and M.A. Anisimov.* The Yana RHS site: Humans in the Arctic before the Last Glacial Maximum // Science, vol. 303, no 5654. 2004. Pp. 52–56.

32. *Pitul'ko, V.V.* Terminal Pleistocene – Early Holocene occupation in northeast Asia and the Zhokhov assemblage // Quaternary Science Reviews, vol. 20, no 1–3. 2001. Pp. 267–275.

33. *Plumet, P.* Vikings et Tunnit: à propos de l'ouvrage de Tryggvi J. Oleson: Early voyages and northern approaches, 1000–1632 // Inter-Nord, no 10, 1968. Pp. 303–308.

34. *Plumet, P.* Thuléens et Dorsétiens dans l'Ungava (Nouveau-Québec) // Thule Eskimo culture: an anthropological retrospective, A. P. McCartney, Coll. «Archaeological Survey of Canada Mercury Series», no 88, Ottawa, 1979. Pp. 110–121.

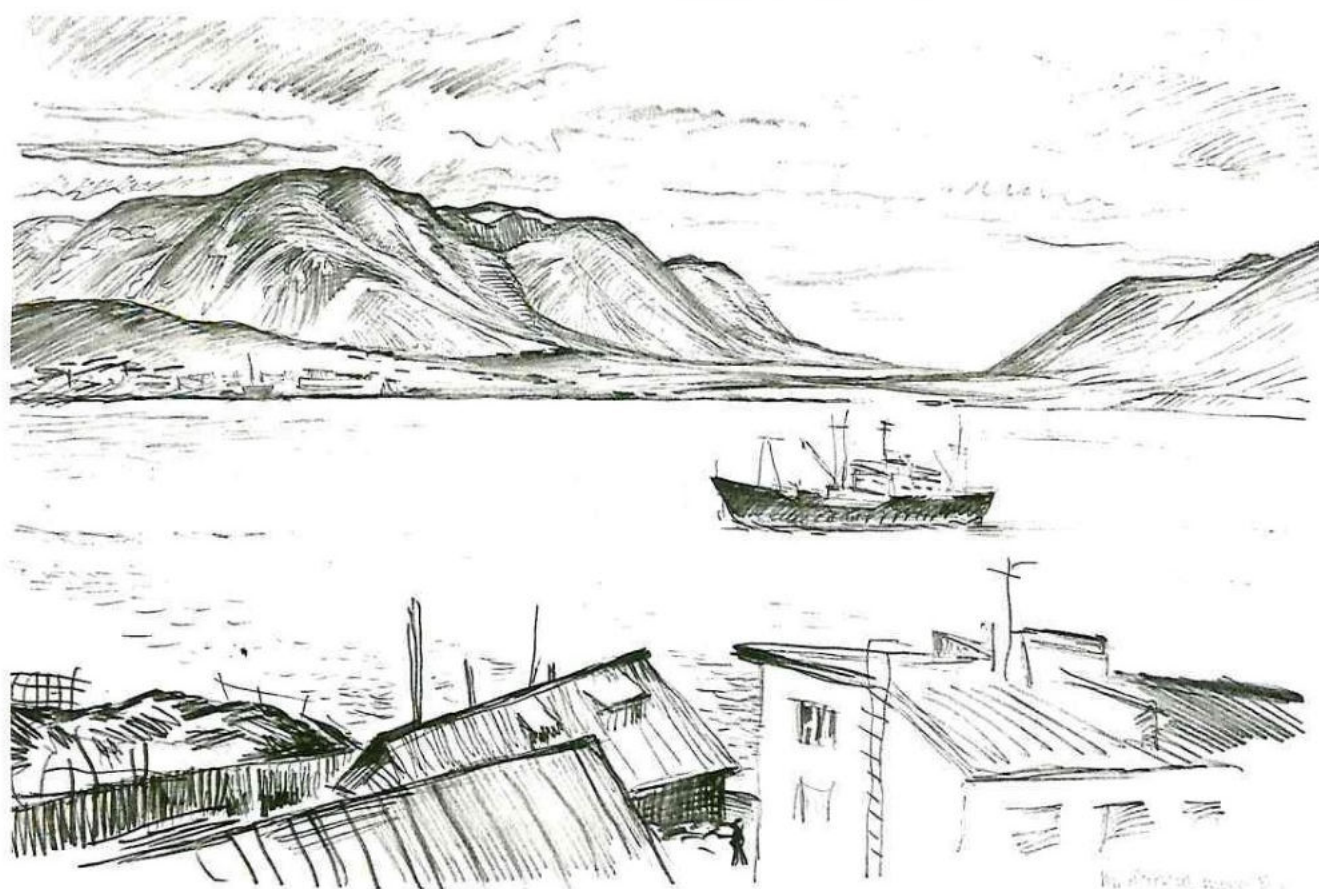
35. *Plumet, P.* Archéologie de l'Ungava: le site de la Pointe aux Bélougas (Qilalugarsiuvik) et les maisons longues dorsétiennes: Préface de J. Garanger, annexes de M–F. Archambault et de M. Julien, Coll. «Paléo-Québec», no 18. Montréal, 1985.

36. *Plumet, P.* Le Paléoesquimau dans la baie du Diana (Arctique québécois) // Threads of Arctic prehistory: Papers in honour of William E. Taylor, Jr., David Morrison, and Jean-Luc Pilon, Coll. «Archaeological Survey of Canada Mercury Series», no 149, Hull, 1994. Pp. 103–143.



37. *Plumet, P.* Peuples du Grand Nord: Vers «l'Esquimau». Du mammoth à la baleine. Paris, 2004.
38. *Plumet, P.* Migrations (Prehistory) // Encyclopedia of the Arctic, M. Nuttall, New York, London, 2005. Pp. 1296–1298.
39. *Sabo, D., and G. Sabo.* A possible Thule carving of a Viking from Baffin Island, N.W.T // Journal canadien d'archéologie/Canadian Journal of archaeology, no 2, 1978. Pp. 33–42.
40. *Schledermann, P.* A.D. 1000: East meets West // Vikings: The North Atlantic Saga, W.W. Fitzhugh, and E. Ward. Washington, 2000. Pp. 189–192.
41. *Schledermann, P.* Ellesmere // Vikings: The North Atlantic Saga, W. W. Fitzhugh, and E. Ward. Washington, 2000 Pp. 248–255.
42. *Schledermann, P.* Raven's saga: An Arctic odyssey. Calgary, 2000.
43. *Schuster, C.* A survival of the Eurasiatic animal style in modern Alaskan Eskimo art // Indian tribes of aboriginal America. Selected papers of the 29th International Congress of Americanists (New York, 1949), Sol S. Tax. Chicago, 1952. Pp. 35–45.
44. *Seaver, K.A.* The frozen echo: Greenland and the exploration of North America ca. A.D. 1000–1500. Stanford, 1996.
45. *Seaver, K.A.* «Pygmies» of the Far North // Journal of World History, vol. 19, no 1, 2008. Pp. 63–87.
46. *Sheeha, G.W.* Whaling surplus, trade, war, and the integration of prehistoric northern and northwestern Alaskan economies, A.D. 1200–1826 // Hunting the largest animals. Native whaling in the western Arctic and Subarctic, A. P. McCartney, Coll. «Studies in Whaling no 3, Occasional Publications», no 36. Edmonton, 1995. Pp. 185–206.
47. *Sutherland, P.D.* Strands of culture contact: Dorset–Norse interactions in the Canadian Eastern Arctic // Identities and cultural contacts in the Arctic. Proceedings from a Conference at the Danish national Museum, Copenhagen, November 30 to December 2 1999, M. Appelt, J. Berglund and H.Ch. Gulløv. Copenhagen, 2000. Pp. 159–169.
48. *Sutherland, P.D.* The Norse and Native North Americans // Vikings: The North Atlantic Saga, W.W. Fitzhugh, and E. Ward. Washington, 2000. Pp. 238–247.
49. *Thommessen, T.* The early settlement of northern Norway // The earliest settlements of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas, L.L. Larsson, Coll. «Acta Archaeologica Ludensia, Serie in 8o», no 24. Stockholm, 1996. Pp. 235–240.
50. *Tuck, J.A.* La préhistoire de Terre-Neuve et du Labrador, Coll. «La Préhistoire du Canada». Montréal / Ottawa, 1984.
51. *Van Berg, P.-L., et N. Cauwe.* Les plus anciennes céramiques d'Asie et leurs relations avec la péninsule européenne = The earliest Asian ceramics and their relations with the European peninsula // Civilisations, vol. 47, no 1–2. 2000. Pp. 25–40.
52. *Yamaura, K.* The sea mammal hunting cultures of the Okhotsk Sea with special reference to Hokkaido prehistory // Arctic Anthropology, vol. 35, no 1, 1998. Pp. 321–334.





Шарль Венстен  
(Канозэ, Франция)

## Из моего дневника: Чукотка (1993–1999)

1993

**3 сентября.** Анадырь. Должен сказать, что мне неудобно использовать слово «чукча». Во-первых, сами себя люди так не называют. Когда они говорят о себе, то употребляют слово *лыгъоравэтльят* – «настоящие люди»<sup>1</sup>. Во-вторых, в устах неместных людей слово «чукча» имеет презрительный оттенок. Однако я им иногда пользуюсь, оно удобно: все его знают и далеко не все придают ему презрительный оттенок<sup>2</sup>.

**9 сентября.** Меня навещает Маргарита Так'бак'ав. Я познакомился с ней летом 1990 г. во время первого пребывания на Чукотке. Она опубликовала сборник сказок и старается рассказать другим людям о чукотской культуре. У Маргариты интересное чукотское имя. Оно состоит из двух частей: *Так'ба-*, что означает «дорожные продукты», и *-к'ав* – «лишний». Дело в том, что Маргарита



пришла в этот мир в период перекочевки, когда люди голодали и она как будто была лишняя. Как и во многих языках, чукотские имена имеют значения. Например, *Вэк'эт* значит «шаг», *Тагрын'а* — от глагола тэгрык (бросать гарпун) и суффикс *-н'ав* (показатель женского рода), *О'мрувье* от корней *о'мры-* (*сильный*) и *-вье* (*дышать*) и т. д. Говорят, когда человек болел, ему давали другое имя, чтобы обмануть злых духов.

**16 сентября.** На улице прохладно. В Анадыре устроили фольклорный праздник. По этому случаю писательница Вэк'эт одела меня в мужской комбинезон из оленьей кожи. Чтобы оленевод не замерз во время пурги, женщины шьют чукотский комбинезон без разреза спереди. Он надевается через голову. На самом деле оленевод носит двойной комбинезон: один с ворсом к телу, другой с ворсом наружу. В такой одежде человеку не страшен холод. Чувствуется вековой опыт.

**21 сентября.** Сегодня газета «Советская Чукотка» публикует статью, в которой резко критикуют интернаты. Мне кажется, не интернаты надо критиковать, ведь благородное дело учить детей оленеводов, родители которых кочуют в тундре. Критиковать надо то, что все занятия шли и идут на русском языке, и только на нем. Русский язык был нужен, но надо было всячески сохранять местные языки. Каждый язык, каждая культура — общее богатство людей на нашей планете. Как преподаватель, я заметил, что дети, владеющие двумя языками, богаче в культурном плане, более открыты к чужим культурам. Они сохраняют способность удивляться чужому, другому образу жизни, другому образу мысли. К несчастью, и у нас во Франции произошло то же самое с местными языками: например, в

районе, где я живу, до недавних пор все говорили на каталонском языке. Только пожилые люди теперь сохранили его. Утешает, что в данное время стараются придать этому языку новый импульс.

**22 сентября.** Сегодня меня пригласили на встречу с учениками третьей школы города Анадыря. Конечно, были интересные вопросы о моей стране, в том числе вопрос, в котором чувствовалось изумление: «Зачем вам изучать такой язык, как чукотский?» Я ответил, что всю жизнь меня, учителя русского языка, спрашивали: «Зачем учиться и учить детей русскому языку?» По-моему, все языки, все культуры заслуживают уважения. Нет культур выше, и нет культур ниже.

**27 сентября.** Информант Л. рассказывает мне, как раскрашивают лица членов рода для праздников. У каждого рода есть свой рисунок: хозяйка всегда рисует один и тот же мотив на лицах близких. В поллом камне она растворяет в воде мягкий красноватый камень, называемый «карандаш», и пальцем наносит краску на лица членов семьи. Она же хранит этот камень в специальном мешочке. В семье Л. мать сначала рисует на лбу часть круга с отрезками, обращенными кверху. Над каждым отрезком она ставит точку. Потом она рисует круг вокруг правого глаза. Затем ставит точку на носу, чертит черту на обеих щеках от ушей до рта, проводит линию вокруг рта и, наконец, ставит точку на макушке и на ноге.

**4 октября.** Встреча с Т. Он вспоминает о борьбе своего народа против вторжения казаков в XVII—XVIII вв. «Наши воины, — говорит он, — были неустрашимые. Они имели чувство своего достоинства... У нас всегда было чувство слияния с при-



родой... Чувство превосходства приезжих по отношению к нам меня раздражает... Теперешняя ситуация мало радует: ослабление родственных связей, утрата моральных устоев и традиционного воспитания...»

**5 октября.** Ужин у В. Она комично подражает одному своему знакомому. У него замедленный выговор, женственный голос. В. упрекает мужчину в том, что он не женится. Она предлагает замолвить за него словечко в разговоре с женщиной, которую он любит. Мужчина отвечает: «Не стоит, она откажется». — «Но почему же?» — «Потому что она слишком требовательна». (Подразумевается: в постели). Смех присутствующих.

**14 октября.** Разговор об алкоголизме с В. и Т. Я выражаю мнение, что, вероятно, местные жители пьют потому, что испытывают отчаяние из-за отсутствия перспектив и в конце концов более или менее осознанно стараются уйти из этого мира. В. и Т. не возражают... В старину старшие просили, чтобы их умерщвляли, когда чувствовали себя ненужными.

**19 октября.** Встреча с молодым человеком, сыном Т. Он рассказывает, как трудна и опасна жизнь в тундре. Недавно двое мужчин из его села погибли насильственной смертью... Несчастные случаи имеют разные причины. Можно погибнуть при переправе через реку. Авария снегохода или вездехода может иметь смертельные последствия. Можно заблудиться во время пурги, случайно натолкнуться на медведя или волка. Злоупотребление водкой еще больше усиливает опасность.

**1 ноября.** Т. поет для меня личную песню своей дочери... Раньше каждый ребенок получал личную песню, которая со-

провождала его всю жизнь. Интересно, что слова песни человек мог изменять в зависимости от обстоятельств. Пение помогало оленеводу, охотнику жить в гармонии с природой и выражать состояние своей души.

**28 ноября.** Т. возмущается: высокопоставленное лицо заявило, что умственный потенциал чукчей исок. Трудно поверить подобному заявлению. Кстати, не зависит ли умственный уровень людей от того, как ответственные люди ведут дела?

**7 декабря.** Разговоры с Т. наводят меня на мысль, что чукотские танцы не требуют синхронизма, как, например, русские. В групповом чукотском танце движения тела и жесты танцоров соответствуют общей линии, но каждый человек выражает себя в танце по-своему.

## 1994

**Начало января.** Париж. Мне показывают фонд в подвале Музея человека. Фонд хранит богатейшую коллекцию чукотских предметов, подаренных Гондатти, губернатором Чукотки в царское время. Потрясающее зрелище.

**18 февраля.** Сегодня Тын'атваал вспоминает село Чегитун. Его «закрыли» в годы «холодной войны». Жители Чегитуна говорили быстро, и характер у них был темпераментный, «жгучий». Вместе с тем в находящемся неподалеку от Чегитуна Уэлене люди, наоборот, говорят медленно, взвешивают каждое слово.

**19 февраля.** Мало народу в магазинах. Я увидел, как женщина покупала две морковки.



**14 марта.** Л. ищет тему для диссертации. Почему бы не взять тему «женский говор»? Малоизученная тема. В чукотском языке существует заметная разница в мужском и женском произношении. Хотя женщины могут произнести фонему [p], они заменяют ее фонемой [ц]. Например слово *рырки* — «морж» произносится женщинами [цыцы]. Поскольку в разговоре часто повторяется звук [p], женщины, кажется, говорят на другом языке. В наше время с появлением языковой нормы и распространением средств массовой информации женский говор выходит из употребления.

**15 марта.** Утром Вэк'эт показала мне мимику жителей Уэлена при разговоре. Например, чтобы выразить согласие, уэленец принимает задумчивый вид, опускает голову, а потом поднимает ее, вытянув вперед губы и закрыв глаза. Это производит комичный эффект.

**16 марта.** Вечером радио передало интервью Галины Тэгрэт. Она сказала: «Выживем ли мы как народ? Наша жизнь стала нескладной. Чукотское общество распалось. Нас унижают начальники».

**23 апреля.** Ужин у Вэк'эт с четырьмя эскимосами — гостями с Аляски. Им нравится оленина... Речь заходит об алкоголизме. Гости считают, что причины пьянства не только социальные, но и психологические: сказывается конфронтация местных культур с чужой культурой, с другим мышлением, другим языком, другим воспитанием. В школе детей учат чужой истории. На Аляске миссионеры боролись с традиционной культурой...

**Июнь.** В Аккани. Мы с Сашей сидим на берегу океана. Он рассказывает, что его дедушка, бывший оленевод, когда-то

пришел сюда жить. Сначала он больше года жил в яранге отдельно от остальных жителей поселка. Это был своего рода проверочный период: люди и духи должны были привыкнуть к его присутствию.

**30 июня.** Вчера Саша мне объяснил, как оленевод пользуется палкой. Он опирается на палку при ходьбе. Это самое главное ее назначение, потому что пастух проделывает иногда до 40 км в день, бегая по тундре вокруг стада, прыгая по кочкам. Во-вторых, если олень отдалается от стада, пастух бросает в него палку, чтобы призвать оленя к порядку. Наконец, когда оленевод хочет отдохнуть, он сгибает руки в локтях и засовывает палку за спину, удерживая ее на сгибах рук. Таким образом он расслабляет мышцы спины и шеи.

**14 июля.** Село Лорино. Я только что встретил Д.С., американскую исследовательницу. Она считает, что попытка заменить чукотскую культуру русской потерпела неудачу. Конечно, традиционная культура чукчей полностью не исчезла, прежде всего у представителей старшего поколения, но, несомненно, сильно пострадала. Уменьшилась роль старших в повседневной жизни, сократилась роль родителей в воспитании детей, оказались утраченными многие знания и умения, люди стали менее трудолюбивыми, стали постепенно утрачивать родной язык, изменился их образ мыслей, русская пища в значительной степени вытеснила национальную. Беспокоит также увлечение телевидением, особенно среди детей. Содержание передач совершенно чуждо чукотскому мышлению.

**16 июля.** Я навещаю И. Она уроженка тундры. Долго не могла привыкнуть к мясу морских зверей. Раньше ела только олени-



ну... И. возмущена заявлениями некоторых учителей: «Не будешь учиться, станешь охотником или оленеводом!» Разве плохо быть охотником или оленеводом?

**26 июля.** Анадырь. Встречаю Александра Керека на улице. Это очаровательный человек. Очень скромный. Он написал несколько рассказов на чукотском языке. Любит ловить кету. Здесь можно услышать такое: спрашивают: «Где Керек?» — отвечают: «Смотри, берег». Он меня спрашивает, видел ли я китов в Аккани. Нет, китов не видел, видел касаток. Касатка — по-чукотски *ин'ыпчик'* (*ин'* — нос, *пчик'* — птица).

**24 августа.** Село Красняно. Семьи смешанные, чукотско-эвенские. Навещаю Л. Она чукчанка, муж эвен. У чукчей свои, чукотские, имена, а эвены давно носят русские фамилии. Ее муж при случае шаманит. Когда они поженились, их единственным добром были дети от прежних браков. Л. шьет одежду из оленьей кожи без ворса, такую одежду носят летом... Раньше оленеводы шили из оленьих кишок непромокаемые плащи. На берегу моря, как известно, такие плащи изготавливают из кишок моржа. Л. шьет при помощи нитки, которую готовит из оленьего сухожилия. Для *плекыт* (традиционной обуви, сапог) она использует более крепкое сухожилие с ног оленя. Л. выдергивает жилки из сухожилия, скручивает пальцами две жилки в одну, добавляет новую жилку, опять крутит, и так до тех пор, пока не получится нить нужной длины. Она мочит нить слюной, скручивает пальцами и в ладонях. Потом мажет жиром и сажей. Л. красит кожу ольхой, которую держала несколько месяцев в моче. Варит ольху до нужного цвета, потом обмазывает ею кожу. Сегодня Л. шьет детскую шапку из меха головы

новорожденного олененка. Она оставила ушки в качестве украшения. Л. живет в двухкомнатном домике с мужем и с шестью детьми. Ее отец умер, когда она была девочкой. Он переправлялся через озеро на нартах; лед был хрупким, он утонул. У Л. был восемнадцатилетний сын, его убили пять лет назад.

**25 августа.** Муж Л. рассказывает о трудностях повседневной жизни, о разрухе в хозяйстве, об упадке местных языков и культур. У сельчан распространено ощущение, что их бросили, презирают.

**30 августа.** На барже по реке Анадырь. Возвращаемся в город. В 16 часов причаливаем около отдаленной от остального жилья яранги. Там живет семья оленеводов: старушка с татуированным лицом, два ее взрослых сына, два подростка, девушка и внуки. Живут бедно. Старушка не говорит по-русски. Старший сын, сорокалетний мужчина, рассказывает, что прошлой зимой его застигла пурга. Ничего не было видно. Будучи опытным тундровиком, он воткнул в снег два столбика на расстоянии метров пятнадцати друг от друга и стал безостановочно ходить между ними, чтобы не заснуть. Иначе он бы быстро умер от холода. Время от времени, когда согревался от ходьбы, лежал полчаса, дремал и опять начинал ходить туда-сюда. Четыре дня бушевала пурга. Наконец в небе появились звезды и он вернулся домой.

Зимой оба подростка охотятся. Они отправляются в путь в разные стороны по круговому маршруту. Берут с собой маленькие палатки, ружья, мясо на один день, чай, сахар, соль. Встречаются в установленном месте на полпути. Идут на снегоступах, по-чукотски *вэлыегыт* (*вэлы* — «ворон», *егыт* — «лапки»). Охотятся на медведя, лося, снежного барана, дикого оленя. Оставляют добычу на месте. За-



берут потом на «Буране» (снегоходе). За неделю проделывают километров до ста.

**28 октября.** Анадырь. Опять приступили к работе по языку с Тын'атваал. Странную глагольную форму встретили. Она указывает на действие, которое осуществлялось в прошлом и было с трудом доведено до конца. У этого глагола не существует ни настоящего времени, ни будущего, ни инфинитива, одна лишь сиротская форма прошедшего времени.

**4 ноября.** Женщины из культурного центра «Чычеткин Вэтгав» – «Наше Слово» попросили привезти из Франции маленькие металлические или пластмассовые трубочки и миниатюрные колокольчики. Дело в том, что чукчанки вешают себе на шею небольшие несессеры для шитья. Трубочка длиной сантиметров в восемь-десять и диаметром в восемь-десять миллиметров двигается по ремешку из оленьей кожи. В нижней части этого ремешка есть небольшое расширение для наперстка. Если двигать трубочку кверху, можно достать наперсток. Там же, где закрепляют наперсток, пришивают миниатюрные колокольчики. Они служат украшениями и напоминают о том, что несессер на месте. Привезу, как и раньше, трехгранные иголки из хорошей стали. Ими легче прокалывать кожу. Не забуду и про бисер: из него делают браслеты, повязки, узоры для одежды.

## 1995

**Начало апреля.** Мы разговариваем с З. Она вспоминает обычай села Ваеги, что находится к югу от Анадыря. В Ваегах, когда замечают, что идет гость, кладут на пороге яранги или дома сосуд с угольками. Гость должен положить туда несколько волосков с внутренней стороны своего

комбинезона. Таким образом, комментирует З., гость очищается и оставляет на улице все то плохое, что было на нем.

**28 мая.** Сегодня День пограничника. «Граница заперта» – радуется одна из статей в местной газете: чукчи и эскимосы наконец перестали свободно переплывать через Берингов пролив, который отделяет их от родственников на Аляске.

**16 июня.** Центр Народной культуры только что опубликовал девятый номер журнала «Айвэрэттэ» («Вечера»). Предыдущий номер вышел три года назад. Журнал выпускают редко, но все-таки он существует. В журнале помещены стихи, песни, сказки. Больше всего материалов на русском языке, немного на чукотском, совсем мало на эскимосском и на эвенском языках. Приходится констатировать, что местная культура в наше время передается через русский язык.

На последней странице местной газеты письмо из села Энурмино: «Жизнь в тундре – апофеоз аскетизма... Россией все еще руководят не законы, а люди».

**25 июня.** Краснено. Л. рассказывает, как готовят кислые рыбы головы. Кладут в яму (или в ведро) непотрошенные рыбы головы. Покрывают травой, кладут новый слой голов и траву. Закрывают землей. Выдерживают неделю и подают на стол. Что касается кислой крови, поступают так: наполняют кровью желудок забитого оленя. Сгустки крови измельчают, чтобы полученная масса была однородной. Отдельно варят губы оленя и его копыта, удалив предварительно находящиеся под ними «щетки». Когда все разварилось, смешивают с кислой кровью. Можно добавить плавники нерпы. Откуда в Краснено нерпы, ведь и село, и озеро находятся далеко от океана? Однако его ды-



хание ощущается и в этих местах. Озеро связано с рекой Анадырь, впадающей в Берингово море, широкой протокой. Таким образом, нерпы, лахтаки, белуги заходят и в здешние воды. Говорят, два года назад лед застал несколько белуг в озере. Они не смогли освободиться. Люди проделали дыры во льду, чтобы животные могли дышать, но они все же погибли.

**8 июля.** Поселок Провидения. Бухта. Горы вокруг. Местность чудесная. Познакомился с Галиной Тагриной (по-чукотски *Тагрин'а*). Она известный поэт, композитор, руководит ансамблем в селе Нунлигран. Почему-то разговор зашел о татуировке. У Галины Тагриной нет татуировок. Поэтому, говорит, старушки не считали ее настоящей женщиной. Раньше у всех женщин были татуировки. Мужчины носили косы.

**19 июля.** Село Энмелен. Мы с Л. составляем генеалогическое древо семьи. Тетя Г. говорит, что родилась в 1922 г., но не знает точную дату.

**20 июля.** Я собираю в сельском совете статистические данные по селу. На 1 января 1995 г. в селе проживало 385 человек, из которых 339 местных (в 1990 г. население было 443, из которых 375 местных). От 1985 г. до 1989 г. родилось 59 детей, но только 40 от 1990 г. до 1994-го включительно. В селе 117 очагов (семей. — *Прим. ред.*), включая людей, живущих в одиночестве. Из них:

- мужчины-чукчи, женатые на чукчанках: 54 очага;
- мужчины-чукчи, женатые на эскимосках: 2 очага;
- мужчины-чукчи, женатые на приезжих женщинах: 7 очагов;
- мужчины-чукчи, живущие одиноко: 3 очага;

— чукчанки, вступив в брак с эскимосами: 5 очагов;

— чукчанки, вступив в брак с приезжими мужчинами: 12 очагов;

— одинокие чукчанки: 11 очагов;

— русские пары: 8 очагов;

— другие пары: 7 очагов;

— другие люди, живущие одиноко: 8 очагов.

Я составил список имен чукотского населения села: все имена ужасно искажены. Служащий сельского села, составлявший акты гражданского состояния, видимо, не знал чукотский язык.

Вместе с Л. и тетей Г. мы составляем список некоторых географических названий этих мест. Вот некоторые из них:

— Валк'атлян (древнее стойбище). От слова *вэлк'ыл* — «челюсть». Остовом хижин стойбища служили китовые челюстные кости.

— Арытлын'ын (большой палец). Пик над селом Энмелен (по-чукотски *Энмыльын* — «скалистый»).

— Левтыткын (макушка головы). От слова *левыт* — «голова». Возвышенность.

— Епынвын (наблюдательный пункт). Мыс в конце косы — полоски земли между океаном и лагуной.

— Кан'ычвын (изгиб). Бухточка между косой и новым селом.

— А'к'атылян (плохая дорога). По этой дороге с оврагами люди идут в тундру.

— Ы'ттытагрин (спуск собак). Второй овраг от села по Плохой дороге.

— К'ытрын (мыс). Русские назвали этот мыс Руддер. Там находится большое лежбище моржей.

— А'лягытгын (вонючее озеро). Лагуна, которую коса отделяет от океана.

— Майолятытгын (озеро с луком). Маленькое озеро в тундре. Около него жители села собирают дикий лук.



— Танн'ырэт (дорога чужеземцев). По этому пути, по преданию, в давние времена пришли чужеземцы, по всей вероятности, юкагирские воины, которые здесь вступили в бой с чукчами.

— Чыгагран (стойбище на гальке). Часть села Энмелен ближе к косе. Там раньше были землянки. Но тетя Г. их не видела. В ее время люди жили в ярангах зимних (ноябрь—апрель), летних (до сентября), осенних (сентябрь—октябрь). Тогда, вспоминает тетя Г., охотились на моржа при помощи лодок из моржовых шкур. Женщины гребли так же, как мужчины и подростки. В Энмелене не использовали паруса.

**31 июля.** На нашем генеалогическом древе уже около 200 имен. Для некоторых родов мы поднялись во времени до седьмого поколения, опираясь исключительно на воспоминания людей, особенно тети Г.

**7 августа.** Мы внимательно просмотрели бумаги, которые нашли в чемоданчике на чердаке у тети Г. Среди них школьные тетради, книжки, разрозненные листки с уроками по русской грамматике, арифметике и другим предметам, а также с размышлениями и сведениями о работе в колхозе. Все написано латинским шрифтом. Это значит, что автор этих записей вел их до 1937 г., поскольку перешли к русскому алфавиту именно тогда. Там же, в чемоданчике, найденном на чердаке, были рисунки и набросок русско-чукотского словаря, который владелец составлял для собственного пользования.

**17 августа.** Предаваясь воспоминаниям, тетя Г. вспоминает предка по имени Ягначын и его жену. «Когда я была девочкой, — задумчиво говорит тетя Г., — старая Н'авкы меня иногда сажала к себе на колени и обращалась ко мне, будто я перевоплощение ее покойного отца».

**23 августа.** Село Нунлигран. Собирая ягоду, мы дошли до обширной пологой низины подальше от села. Там хорошо видны окруженные камнями круги в траве. Чуть дальше остатки хижин, остов которых сделан из огромных китовых костей. Жители села говорят, что, по словам археологов, в этих хижинах в XV в. жили эскимосы.

**18 сентября.** Анадырь. В наше время, говорит одна женщина семилетней дочери, невозможно держать открытый стол. В городе многие дети голодают. Для людей, у которых гостеприимство было залогом жизни, думать, что надо отказать чужому в куске хлеба, ужасно.

**20 сентября.** В селе Ваеги, рассказывает мне О, слово *к'улик'ул* означает не только «голос», но и «песня». Вместо слова *крычмын* (праздник) там говорят *пан'эвн'ытон*, буквально «отдых». Кстати *крычмын* — искажение английского слова Christmas, которое американские торговцы привезли с собой уже в XIX в. Они оставили и другие слова, как манет (money: деньги), сикырис (cigaret: сигарета), чоп (soap: мыло), сантэн (Sunday: воскресенье). Эти слова вышли из употребления в чукотском языке, кроме слова *манет*.

О. дает мне послушать песню, которую спела одна старушка из села Ваеги. Старушке 90 лет. Перед тем как петь, она кладет в рот кусочек высохшего мухомора, сосет, проглатывает. Старушка говорит, что она принимает мухомор и тогда, когда она чувствует себя нехорошо. Гриб быстро действует.

**8 октября.** Навещаю В. и Л. Когда рождается ребенок, рассказывает Л., ему вешают на шею амулет, который будет беречь его от злых духов. Ребенок носит амулет до пяти лет. Потом амулет присоединяют к семейной священной связке амулетов. Ко-



гда ребенок, повзрослев, в первый раз возвращается с охоты с добычей, к связке амулетов прикрепляют лапку или перо убитой им птицы. Эту связку сжигают вместе с ярангой, когда последний член семьи умирает. Оставляют только то, что покойник пожелал взять с собой в другой мир.

## 1996

**3 февраля.** Во многих словах чукотского языка удваивается корень: *тинтин* — «лед», *кэркэр* — «женский комбинезон», *вишвиш* — «тень» и т. п. Я спрашиваю Л.: как объяснить этот феномен? Она отвечает: чтобы придать корню больше конкретности, осязаемости.

Есть разные типы яранг, объясняет Л. Например, *энэтран* — яранга, в которой живут мужчины, когда летом совершают длинные перекочевки с оленьим стадом. Остальные семьи остаются на это время на месте, чтобы не задержать мужчин. Зато зимой перегоны короткие, люди кочуют всей семьей и живут в другой яранге. «Энэтран» обеспечивает большую мобильность оленеводческих стойбищ.

**14 июня.** В стаде, говорит Л., каждый олень занимает всегда одно и то же место. Стадо состоит из многочисленных групп, каждая из которых имеет своего вожака. Группа всегда соблюдает свое место в стаде. Есть свое место и у каждого оленя. Если оленю вздумается отойти от своего места в группе, другие олени ударяют его головами и заставляют занять свое место.

**11 декабря.** Когда я задаю Т. вопросы о языке, она всегда удивляется его разнообразию и богатству. Людям часто говорили, что их язык бедный, примитивный, и они, наверное, стали этому верить.

**12 декабря.** В одной из чукотских сказок из сборника Беликова речь идет о нагих людях. Я спрашиваю Т., обыкновенные ли это люди? Она отвечает: «Наверное, нет. Это *кэльэт* — злые духи. В другой сказке говорится о сильном шамане. Он может прогнать злых духов», воскресить умершего человека, передвигаться по воздуху с помощью куропатки — своего духа-помощника.

## 1997

**3 марта.** Я дал К. почитать сказку, записанную Богоразом в начале XX в. В сказке говорится о том, что на поверхности озера из воды появляется пенис, женщина подходит и совокупляется с ним. Реакция К. — реакция «цивилизованного» человека: ей не по себе, посмеивается. Чувствуется, что она уже смотрит на культуру своего народа извне, со стороны. Когда я показал эту сказку Т., она не удивлялась и не смеялась. Для Т. это ее мир, ее культура, ее мышление.

**12 марта.** Нашел в сборнике Маргариты Так'ьяк'ав фразу: «ты, мой старший сын, помоги матери, и ты, мой сын». «Все тут нормально, — говорит мне К., — понимать надо так: ты, мой старший сын, помоги матери, и ты, мой младший сын, помоги ей тоже». Чуть дальше в тексте встречаются слова: «мать тоже умерла и отец». Они означают, что мать умерла, и отец тоже умер.

**14 сентября.** Преподаватель университета им. Герцена из Санкт-Петербурга утверждает, что возможности шаманов ограничены: они могут, например, предсказывать погоду, лечить больного. Т. возражает: «Шаманы могут воздействовать на погоду, — и добавляет уже для меня: — Впрочем, я тоже могу оказать влияние на погоду». Т. убеждена, что многие люди ее наро-



да обладают особыми способностями, которые позволяют им, войдя в транс, вступить в контакт с другим миром.

**19 октября.** Как оленеводы в работе подражают храпению оленей, так и морские зверобои воспроизводят звуки, издаваемые моржами. Можно сказать, что голос — один из рабочих инструментов у чукчей. Гарпунер издает краткие храпы, чтобы дать указания человеку, сидящему у руля, и тот быстрее реагирует на команду.

**15 ноября.** Незнакомый человек звонил в мою дверь. Он просил хлеба.

**18 ноября.** В чукотском языке непреходный глагол может встречаться в переходной конструкции. Приведу два примера. Фраза «он приближается к нам» по чукотски будет звучать так: «он нас приближает». «Они постепенно усиливали блеск звезды». Эти слова означают: «блеск звезды постепенно усиливался». Человек, таким образом, может воздействовать и на людей, и на природу.

**Декабрь.** А. рассказала мне историю из своего детства. Ей было 14 лет, она хотела иметь братишку или сестренку и часто просила об этом мать. Мать в конце концов сказала: «А как мне это сделать, пальцами?» и, произнеся эти слова, сжала зубами ворот комбинезона. Подобный жест — затыкание рта воротом комбинезона или краем рукава — делали чукчанки, чтобы заглушить свой ответ и умерить раздражение.

## 1998

**9 января.** По словам А., каждый год в Хатырке, когда поймают первую кету, совершают обряд. Он позаимствован, полагает

А., у соседей-кереков. Первую кету едят всей семьей, делятся с близко живущими стариками. Когда дети кладут куски кеты в рот, они кричат: «К'ын'ав!», подражая крику чаек, будто не они поймали кету, а чайки.

Сегодня А. использовала неизвестное мне слово *апэтыпльткок* и сказала, что оно означает «после еды» или «когда закончили еду». Я долго не понимал, что это за слово. Наконец дошло. Элемент *пльткок* значит «после», а элемент *апет* — искажение русского слова «обед». Дело в том, что в чукотском языке нет ни [б] ни [д]. Их заменяют фонемы [п] и [т].

**1 февраля.** Чукотский язык богат деепричастиями. Мы с Л. составляем список — в нем свыше 50 форм. Все формы широко употребляются в литературе. Заменяют они не только придаточные предложения, хотя последние тоже часто встречаются, но и главные предложения. Во французском, так же как в русском, только две формы деепричастий, но они реже употребляются, чем в русском языке.

Пауза в наших занятиях. Л. рассказывает, что в одном стойбище семьи оленеводов часто ссорились из-за острых языков женщин. Во время ссор дети из этих семей переставали играть друг с другом, и, добавляет Л. с юмором, даже собаки как будто бранились. Впоследствии, когда взрослые опять ладили, дети и собаки тоже мирились.

Я заметил, что все информанты у меня — женщины. Мне кажется, что вообще женщин больше, чем мужчин. Мужчины по разным причинам умирают в более раннем возрасте. Добавлю, что мужчины, с которыми я знаком, не особенно интересуются моей работой по изучению чукотского языка. Женщины более ответственные: на них лежат заботы по дому, они должны кормить и одевать детей. Женщины, с которыми я работаю, совсем не



пьют. Они остались ближе к традиции. Мне думается, что их внутренняя жизнь богаче, чем у мужчин.

**28 февраля.** В Анадыре проходит съезд оленеводов. *Э'к'имыл* — «плохая вода», предлагаемая администрацией, течет рекой... Одна женщина-делегат рассказывает мне о нравах волков, медведей, росомах. Они вообще не нападают на человека. Существует два типа волков. Одни, те, что поменьше ростом, охотятся на диких оленей. Другие, покрупнее, нападают только на домашних оленей. Нападают главным образом чтобы прокормиться, хотя при случае могут «хулиганить» и убивать ради удовольствия. Стая волков в принципе «верна» одному и тому же стаду.. Группы диких оленей перемещаются по тундре не наугад. У них свои маршруты, которые иногда пересекаются с маршрутами домашних оленей.

**9 апреля.** «Когда я смотрю на кожу моих земляков, — говорит Т., — удивляюсь, какая она гладкая и чистая. У нас хорошие волосы, зато усы и бороды у мужчин менее густые». Т. шокирует распространенное у европейцев мнение, будто чукчи грязные. «Наша традиционная одежда удивительно приспособлена к местным условиям. Она очень удобная, носить ее приятно, она не жмет тело. Кроме того, олений ворс впитывает пот... Шкуры, служащие постелью, ежедневно вытряхиваются и проветриваются. Одним словом, тело свободно дышит и днем и ночью».

**13 апреля.** У воинов-чукчей было обостренное чувство чести. Если судить по рассказу, записанному Ятгыргыным, воин, взятый в плен, не убежал, даже если возникала такая возможность. Победитель увозил пленного на нартах, не привязав его, не связав ему руки. Побежден-

ный воин просил смерти у своего победителя. Он не мог вернуться домой. Быть побежденным позорно.

Тексты устной традиции удивительно интересны. Один из них описывает победу женщины над воином-мужчиной. Мужчина требует себе смерти: он побежден, и не кем-нибудь, а женщиной. Двойной позор. Победительница отказывается его убивать: она женщина, она та, от которой рождается жизнь. Тогда побежденный мужчина просит женщину взять его в мужа.

**20 апреля.** Я изучил состояние чукотского языка в Тавайваамском районе Анадыря, где проживают главным образом чукчи. Приведу некоторые данные. Среди людей в возрасте старше 50 лет 21 человек из 22 говорит по-чукотски, 1 человек только понимает родной язык. Среди людей в возрасте от 32 до 42 лет (59 человек), 15% говорят по-чукотски, 39% понимают язык, 46% не знают его. Среди детей и подростков, рожденных между 1981 и 1990 гг. (72 человека), 4% говорят по-чукотски, 41% понимает язык, 54% совсем не знают чукотского языка.

## 1999

**24 июля.** Мне сообщают, что по распоряжению местных властей люди имеют право ловить кету на «рыбалке» (так называют здесь участок берега в устье реки Анадырь) только три дня в неделю. Чукчи возмущены: это несправедливо. Отмечу, что некоторые из них из-за нехватки денег питаются одной рыбой.

**7 августа.** Т. разговаривает с женщинами. Тема разговора: болотный мох. Он исключительно мягкий. Им чистили кожу, раны. Он служил пеленкой для новорожденных. Женщины использовали его,



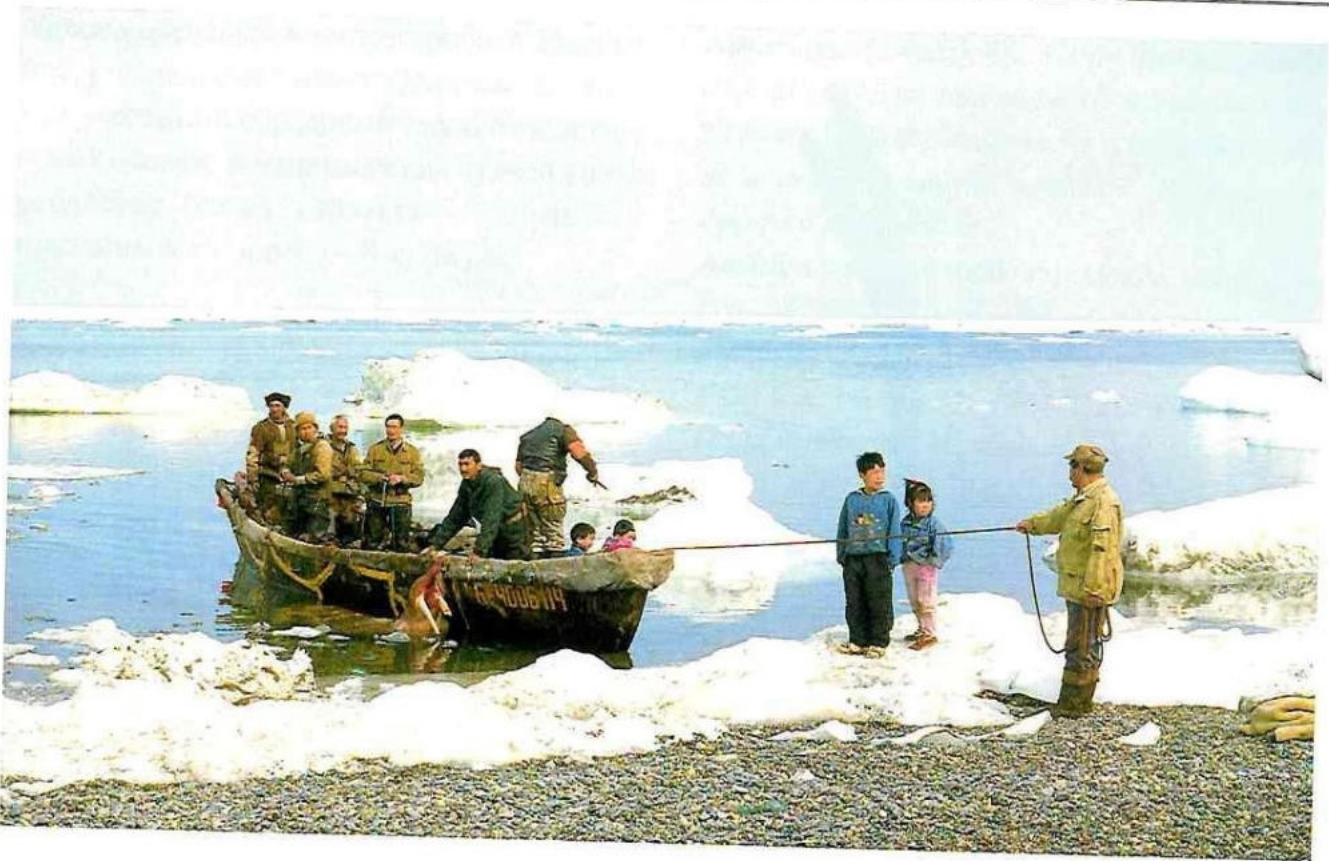


Рис. 1. Морские охотники. Уэлен, 1990-е гг.

когда у них были месячные. Сухим мхом разжигали огонь. Когда простужались, замачивали мох в воде, полученный раствор нагревали и полоскали им горло.

**16 августа.** Мы переводим один из заговоров, записанных Богоразом в 1913 г.: женщина хочет взглянуть другую, похитившую у нее мужа. Чтобы передать угрозу, сказитель вложил в уста мстительной женщины мужской звук «р», который женщины обычно не употребляют.

**24 августа.** Меня навещает В. Он собирается в село О., где, по его словам, местные жители уже не говорят по-чукотски. Тамошние приезжие, говорит В., — расисты: «Чукчи грязны, ленивы, неумны»... Отвратительные анекдоты о чукчах рассказывают не только в селе О. А чукчей надо уважать хотя бы за то, как чудесно приспособились они к тяжелым климатическим условиям.

#### Примечания:

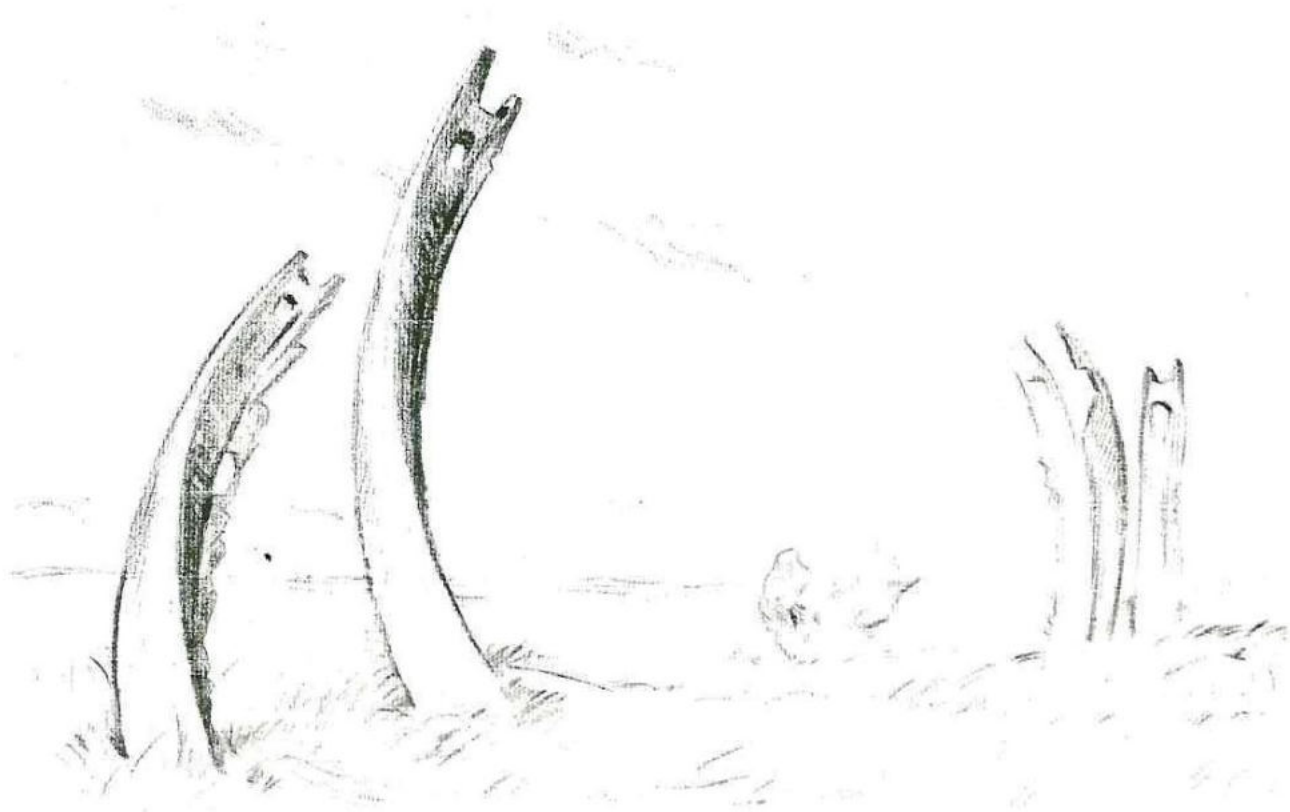
<sup>1</sup>Информант К'эргынто сказала мне, что чукчи называют себя «настоящие люди» в противовес не другим народам, а злым духам — «не-настоящим людям».

<sup>2</sup>Употребляемый в современном русском языке этноним «чукчи» восходит к самоназваниям тундровых чукчей — «чаучу», «чавчу», «чавчыват», что означает «оленный человек», «богатый оленями». (Практически так же, «чав'чу», называет себя занимающаяся оленеводством часть коряков — родственного чукчам

народа, населяющего северные районы Камчатки.) У чукчей, живущих на морских побережьях, — другое самоназвание: «анкальыт» («морские люди»). В конце 1920-х гг. одним из официальных названий чукотского этноса было слово «луораветланы» — от чукотского «лыг'боравэтль-ат», «настоящие люди». (Прим. ред.)

<sup>3</sup>Жесткий пограничный режим, существовавший на Чукотке с послевоенного времени, был существенно ослаблен в конце 1980-х — начале 1990-х гг., затем началось его восстановление фактически в прежнем объеме. (Прим. ред.)





П р и л о ж е н и е

Шарль Венстен

Культовая шаманская терминология, обряды, заговоры, празднования

Ан'ан'вагыргын, мн'эвагыргын, эвьянвыт

Chamanes, divinités, rites, incantations, charmes, coutumes, fêtes

Shaman, gods, rites, incantations, spells, customs, feasts

Несмотря на отсутствие религиозной иерархии, величественных храмов, установленных раз и навсегда молитв, лыгъоравэтльят (чукчи) живут богатой духовной жизнью. Этому особенно способствуют ежедневный контакт человека с природой, борьба оленевода и морского зверобоя с враждебными стихиями. Вследствие вековых контактов с русскими начиная с середины XVII в., так же как и в связи с советскими антирелигиозными мерами и из-за появления сект, за последние годы возникла опасность для местных верований и мировоззрения.

Ниже собраны в алфавитном порядке разные термины, иллюстрирующие духовность чукчей. Эта тема — одна из 37 тем тематической лексики, освещающей разные стороны жизни чукотского народа. В тематическую лексику входят разделы питание, транспорт, олень, море, метеорология, чувства и ощущения и другие. Тематическая лексика еще не опубликована.

Намечаются существенные различия в



обрядов оленеводов и морзверобоев. Например, у оленеводов бывает обряд вылгык'аанмат — осенний обрядовый забой тонкошерстных оленей. А у приморских чукчей употребляется глагол кэрэткук — справлять праздник бога морей — Кэрэткуна.

Существуют специальные слова религиозного характера, как эвьян — «заговор», но термины повседневной жизни часто приобретают в области верований новое значение. Например, глагол анн'атык — обычно значит «погружаться в воду», но в шаманской терминологии он имеет значение «спускаться в преисподнюю». Он описывает состояние человека, употребившего мухомор, или шамана в трансе, когда душа отправляется в нижний мир или в верхний мир.

В данную тему вошли слова, имеющие прямое отношение к верованиям, как эн'эн'ыльын — «шаман», а также слова, непрямо относящиеся к ним, как уккэмлил — «обечайка бубна» или кээчыт — «погремушки, закрепляющиеся к обечайке бубна».

Тема составлена из слов, подобранных из разных источников: работ В. Богораза, многочисленных сказок (которые собрали Токэ, Так'бак'ав, Кым'ытваал и другие), современных произведений Рытгэв (Ю. Рытхэу), Вэк'эт, О'мрувье и др. Когда за словом не следует предложение-пример, то чаще всего оно взято из неопубликованного словаря, который составил П. Йын'энлик'эй. Помогли и носители языка, которых очень хочу здесь поблагодарить.

Н.В. В словах в международном лингвистическом алфавите (между крючками) гортанная смычка ниже передается знаком ʔ. Например, Авынральын [awənralʔən].

**Автатыек** [awtatəjok]. *Mettre de la poudre d'obsidienne dans les creux du cercle du tambour. To pour obsidian powder in the holes of the circle of a drum. Всыпать порошок обсидиана в дырочки круга бубна.*

**Авынральын** [awənralʔən]. *Maître, esprit d'un lieu. Master, spirit of a place. «Хозяин», Дух, владеющий местностью.*

**Акаргав** [akargaw]. *Membrane du tambour. Drum membrane. Мембрана ярапа.*

**Амк'ынан'ан'эльотаран'гыргын** [amqənan'an'elʔontaran'γəryən]. *Chaque réinstallation du gîte pour un rite. Every reconstruction of a yaranga for a rite. Каждое переустройство жилища, связанное с обрядом.*

**Анн'атторак** [ann'attorak]. *Sortir de transes, d'un Otat second. To wake up from trance. Очнуться после транса. К'ынварэвыр анн'атторагыэ. Il finit par sortir d'un état second. He finally woke up from trance. В конце концов он очнулся после транса.*

**Анн'атык** [ann'atək]. *Entrer en transes (pour le chamane). To be in trance (of a shaman). Спускаться в преисподнюю (о шаманах). (Состояние человека, потребившего мухомор, или шамана в трансе, когда душа отправляется в Нижний мир или в Верхний мир.*

**Анн'атыльын** [ann'atəlʔən]. *Drogué, personne sous l'emprise de la drogue. Drug addict. Человек под действием наркотиков. Валема Э'нк'эв, иквьи анн'атыльын... En entendant Enqev, la personne sous l'emprise de la drogue dit... When hearing Enqev, the drug addict said... Услышав Э'нк'эва, человек под действием наркотиков сказал...*

**Анн'ынтюк** [ann'əntok]. *Sortir d'un état second. To wake up from trance. Очнуться после транса. К'лявыл лылепгыи, энмэн анн'ынтогыэ. L'homme ouvrit les yeux, autrement dit sortit de son état second. The man opened his eyes, in other words he woke up from trance. Человек открыл глаза — другими словами, очнулся после транса.*

**Анн'ытвак** [ann'ətwak]. *Être en transes. To be in trance. Быть в трансе. К'унэче киквьи*



**анн'ытвак, к'ынуур вьэтвак.** *Il passa une journée dans un état second, comme mort. He spent a whole day in trance, as dead. Он провел целый день в трансе, будто мертвый.*

**Анн'энаэвъян** [ann'enaewjan]. *Incantation mal-faisante. Harmful incantation. Вредоносный заговор.*

**Анн'эно лынье** [ann'eno ləɲjo]. *Victime d'un maléfice d'un chamane; ensorcelé. To be stained by a shaman; under a spell. Испорченный шаманами, околдованный.*

**Ан'анъян** [an'anjan]. *Assemblée chamannique. Shamanistic meeting. Shamanistic meeting. Шаманское собрание.*

**Ан'анъян** [an'anjan]. *Experts en chamanisme. Skilled in shamanism. Умеющие шаманить.*

**Ан'ан'вагыргын** [an'an'wayəɣən]. *Divinité, force chamannique. Divinity, shamanistic power. Божество, шаманская сила. Ан'ан'вагырга, к'инэгитэги!. Divinité, regarde-moi. Divinity, look at me! Божество, смотри на меня!*

**Ан'ан'к'лявыл, ан'ан'ъаачек** [an'an'qlawəl, an'an'ʔaasek]. *Chamane de sexe masculin. Male shaman. Шаман (мужского пола).*

**Ан'ан'рачвын'ык** [an'an'raswən'ək]. *Rivaliser en art chamannique. To compete in shamanistic art. Состязаться в шаманском искусстве.*

**Ан'ан'ылыывагыргын** [an'an'əlʔəwayəɣən]. *Visions chamaniques. Shamanistic visions. Шаманские видения.*

**Ан'к'авагыргын** [an'qawayəɣən]. *Dieu de la mer. Sea being. Морской дух.*

**Ан'к'акал** [an'qakal]. *Esprit de la mer. Sea Spirit. Морской дух. (Морской злой дух).*

**Ан'к'ак'оранмэ** [an'qaqoranme]. *Renne offert à la mer. Reindeer offered to the sea. Олень, подаренный морю. Ынаньытгыёл нэймитк'ин ан'к'ак'оранмэ. D'abord on offre un renne en sacrifice à la mer. First they offer a reindeer to the sea. В первую очередь убивают оленя как дар морю.*

**Ан'к'атаарон'ык** [an'qataaron'ək]. *Faire une offrande à la mer. To make an offering to the sea. Делать приношение морю.*

**Этьок'аак'ын мытран'к'атаарон'гья.** *Dans un petit moment nous ferons une offrande à la mer. In a little moment we'll make an*

*offering to the sea. Через короткое время мы сделаем приношение морю.*

**Ан'энтэнмычыын** [an'entenməsʔən] (мн. ан'энтэнмычыыт). *Coutume. Custom. Шаманский обычай. Ынан лыги нинэлгык'инэт тэлен'кинэт лымн'ылтэ ынкъам ан'энтэнмычыыт. Il connaissait ces vieilles légendes et coutumes. He knew these old legends and customs. Он знал эти старые легенды и шаманские обычаи.*

**Вагыргык'ор** [wayəɣəqor]. *Renne de Vie. Reindeer of Life. Олень Жизни (миф.). Ынк'эн к'ораны - вагыргык'ор. Ce renne est le renne de vie. This reindeer is the reindeer of life. Этот олень - Олень Жизни.*

**Вагыргын** [wayəɣən] (мн. вагыргыт). *Divinité. Divine being. Божество. Гымнан ымыльо вагыргыт лыги тылгыркынэт. Toutes les divinités me sont connues. I know all these divine beings. Все божества мне знакомы.*

**Вагыргыт** [wayəɣət]. *Êtres Supérieurs bien-faisants. Benevolent Upper Beings. Высшие благодетельные Существа.*

**Вайманатгыргын** [wajmanatɣəɣən]. *Vénération. Deference. Почтение. Микынэ тан'ын' ранкалыровн'ынат чиниткинэт вайманатгыргыт Ръэвына. Lequel le mieux s'efforcera de montrer sa vénération pour la Baleine. Which of us will the best try to show his deference to the Whale. Кто из нас лучше постарается показать своё почтение к Киты.*

**Ваймано лыньё** [wajmano ləɲjo]. *Respecté. Respected. Уважаемый. Ярагты нъэйн'эвынэт ынанваймано лыньё нымывальыт. On appela dans la yarangue les habitants les plus respectés. They called into the yaranga the most respectable inhabitants. Позвали в ярангу самых уважаемых жителей.*

**Вайманычыатгыргын** [wajmanəsʔatɣəɣən]. *Culte. Cult. Культ. Вайманычыатгыргын ръавэты к'ырым о'ран' рытгьёлк'ыл. Le culte de la baleine ne devait pas être observé à la vue de tous. The cult of the whale had not to be observed by everyone. Действо кукта кита не должно было совершаться при всех.*



**Вайманэты гыйивк'эвык** [wajmanetə ʒəjiwqewək]. *Observer un culte. To observe a cult. Соблюдать культ с почтением.*  
**К'онпы вайманэты ныгыйивк'эвк'ин ръавгыпы томгатгыргын.** *On observait toujours le culte de la procréation (de l'homme) par la baleine. They always observed the cult of the creation (of man) by the whale. Всегда с почтением соблюдался культ кита - создателя.*

**Валёммык** [walomək]. *Donner son assentiment (coutume du questionnement d'un défunt). To give one's agreement (of a questioned deceased person). Дать согласие (о вопрошаемом покойном).* **Этык'ун эвирьыт чычатьянва ы'нылгынэт? Валёмгъэ.** *Peut-être ses proches prendront-ils ses habits ? Il (le défunt) donna son assentiment. His relatives will perhaps take his clothes? He (the deceased) agreed. Его близкие, может быть, возьмут его одежду? Он (покойный) дал согласие.*

**Ванок'ылгын** [wanoqəlyən]. *Tatouage chez l'homme. Man's tattoo. Татуировка у мужчин.*

**Вапак'ольын** [wapaqolʔən]. *Drogué à l'amanite. Fly agaric consumer. Пользующийся мухомором; находящийся в состоянии транса.* **Вапак'ольа нэнатвык'эн.** *Le drogué à l'amanite l'a raconté. The fly agaric consumer has told it. Пользующийся мухомором рассказывает о виденном (в состоянии транса).*

**Винвылейвык** [winwəlejwək]. *Se déplacer en secret (pour les esprits). To move in secret (of spirits). Тайно ходить (о духах).*

**Винвэймит** [winwejmit]. *Trace prise par magie. Magic taken footprint. След порчи, снятый магией.* **Винвэймиты'мынчывэтык нинэнлывэтк'ин.** *La trace prise par magie, une fois les os brûlés, il la brûle. He burns the magic taken footprint after burning the bones. След порчи, снятый магией, он сжигает на костре из костей.*

**Ворвык'атвык** [worwəqatwək]. *Tuer un chien selon le rituel. To offer up a dog as a sacrifice. Убить собаку по ритуалу как дар.* **Авынворвык'атвыма н'эвыск'эт левтэви-вэтгъи.** *Pendant qu'il sacrifiait le chien selon*

*le rituel, la femme remuait la tête. While he offered up a dog as a sacrifice, the woman moved her head. Пока он убивал собаку по ритуалу как дар, женщина начала трясти головой.*

**Вулк'ын, волк'ывагыргын** [wulqən, wolqəwayərgən]. *Esprit des Ténèbres. The Spirit of Darkness. Дух Мрака.* **Вулк'э пын-лёнэн.** *L'Esprit des Ténèbres l'interrogea. The Spirit of Darkness asked him. Дух мрака спросил его.*

**Вуск'ууч** [wusquus]. *Frère de Nasgytynagyrgyn (la Gauche de l'Aube). Nasgytynagyrgyn's brother (Left-Hand Dawn). Брат Начгытын'агыргына (левой стороны Рассвета).*

**Въэелевыт** [wʔejelewət]. *Touffes d'herbes rituelles sur les piliers de la yarangue. Ritual bundles of grass on the poles of a yaranga. Обрядовые пучки травы на жердях яранги.*

**Въэльоравэтльавагыргын** [wʔelʔorawetlʔawayərgən]. *Rite funéraire. Funeral rite. Похоронный обряд.*

**Въэльоравэтльавагыргын, пана-альынлыатгыргын...** *Le rite funéraire, les obsèques... Funeral rite, funeral. Похоронный обряд, похороны.*

**Выёлыт** [wəjɔlʔət]. *Auxiliaires des dieux. Beings' assistants. Помощники богов.*

**Выквынпыначгын** [wəkwənpənasəyən]. *Pierre-ancêtre. Stone-ancestor. Камень-предок.* **Нинэинтыткук'ин выквынпына-чгэты.** *Il faisait une offrande aux pierres des ancêtres. He made an offering to the stones-ancestors. Он совершал жертвоприношение камням-предкам.*

**В ы л г ы к ' а а н м а т ,**  
**вылгык'аанматгыргын, вылгык'аанмат,**  
**вылгык'оранматгыргын** [wəlyəqaanmat, wəlyəqaanmatyərgən, wəlyəkəoranmat, wəlyəqoranmatyərgən]. *Rituel d'automne de l'abattage des rennes à toison fine. Autumn rite of slaughtering of thin-skinned reindeer. Осенний обрядовый забой тонкошерстных оленей.* **К'олетгылэ нымгок'эн**  
**вылгык'оранматгыргын.** *Le lendemain commence le rite d'abattage d'automne. On the next day begins the autumn rite of slaugh-*



tering. На другой день начинается осенний ритуал забоя оленей.

**Выткэл** [wətkel]. Pâte à base de plantes. Dough made of eatable plants. Тесто из съедобных растений.

**Выткомкыквын** [wətkomkəkwəyn]. Pierre divinatoire. Divining stone. Гадательный камень.

**Вытк'ор** [wətqor]. Figurine en forme de renne faite de feuilles et de racines pour sacrifice sans que du sang soit versé. Figurine in form of a reindeer made of leaves and roots for an offering without blood. Вылепленная фигурка оленя из теста, изготовленного из листьев и корней растений для проведения бескровных жертв.

**Вытнэнтыткок** [wətnəntətkok]. Faire une offrande avec des feuilles. Offering with leaves. Делать жертвоприношение каши из листьев. **Игыр кынмал мытвытнэнтыткыкмык**. Aujourd'hui nous avons fait ensemble une offrande (de bouillie) aux feuilles. To day we made together an offering (of broth) with leaves. Сегодня мы вместе совершили жертвоприношение каши из листьев.

**Вытрян'кэли (-льын)** [wətrə'n'keli(lʔən)]. Personne couchée sur le dos ayant des tatouages sur le nez. Woman who has tattoo on her nose. (Женщина) лежащая на спине с татуировкой по носу – две пунктирные параллельные линии. **Вытрян'кэли тыльугъэн**. J'ai vu une personne couchée sur le dos avec les tatouages sur le nez. I saw a person lying on the back with tattoo on her nose. Я увидел (женщину) лежащую на спине с татуировкой на носу.

**Вэлк'ыл** [wəlqəl] (мн. вэлк'ылти). Mâchoire inférieure de baleine (objet de culte des Tchoukches maritimes). Lower jaw of a whale (object of worship among Chukchis of the seashore). Нижняя челюсть кита (предмет культа у приморских чукчей).

**Вэтяк** [wətlak]. Participer à la danse solennelle du rite de la Reconnaissance (pour les femmes). To take part in the dance of the Thanksgiving rite (of women). Совершать торжественную пляску во время обряда мн'ик (о женщинах).

**Вэтяльыт, вэтян'эвыск'этти** [wətlalʔət, wətlan'ewəsqetti]. Danseuses du rite de la Reconnaissance. Dancers of the Thanksgiving ceremonial. Женщины, танцующие во время обряда Благодарения.

**Гиркычевык** [γirkəsewək]. S'ensauvager et perdre l'esprit à l'instigation des esprits et aller dans la toundra pour acquérir un savoir chamanique; se changer en animal. To get wild and go out of one's mind and go to the tundra on instigation of spirits in order to acquire shaman strength; to change into an animal. Дичать, терять ум и по наущению духов уходить в тундру для приобретения шаманской силы; обращаться в какое-либо животное.

**Гиркычевыльын** [γirkəsewəlʔən]. Personne qui s'ensauvage, perd l'esprit à l'instigation des esprits et va dans la toundra pour acquérir un savoir chamanique. Person who gets wild, goes out of his mind and goes to the tundra on instigation of spirits in order to acquire shaman strength. Человек дичающий, теряющий ум и по наущению духов уходящий в тундру для приобретения шаманской силы.

**Гитэльэтык** [γitelʔetək]. Prévoir, prédire l'avenir. To foresee, to predict future. Предвидеть, предсказывать будущее.

**Грулмык** [γrulmək]. Célébrer la fête de la baleine. To celebrate the feast of the whale. Справлять праздник кита.

**Грулмын** [γrulmən]. Fête de la baleine. Feast of the whale. Праздник кита.

**Гынонгатле** [γынонγатле]. Oiseau monstrueux des contes. Giant bird of the tales. Чудовищная птица сказок (миф.).

**Гынрырэткин** [γənrəretkin]. Protecteur. Protective. Защитный. **Этлячбата нинэтэйкык'инэт к'эпылти гынрырэткинэт**. Quelque temps après elle faisait des ballons protecteurs. After a while she made protective balls. Через какое-то время она снова делала защитные мячи (соблюдая промежутки в днях).

**Гынрырэтыльын**. См. **инэньюльын** [γənrəretəlʔən]. Amulette. Amulet. Амулет.

**Гырголвагыргын** [γыргулwаγыргыγын]. Être



*d'en haut, divinité. Upper being, divinité. Существо Верхнего мира.*

**Гыргочанрамкын** [γəɣosɑnɾɑmkən]. *Créatures d'en haut (célestes). Creatures from above (heaven creatures). Верхний (небесный) народ.*

**Гыргыр** [γəɣyɾ] (мн. гыргытти). *Planche à feu rituelle. Ritual fire board. Культурная доска для зажигания огня. Н'эвэньырэ нагтонат гыргытти, моогъат тайыйнын'ыт. Les femmes sortirent les planches à feu et commencèrent à faire le feu. Women took out the fire boards and began to light a fire. Женщины вынули культурные доски, начали добывать огонь.*

**Гырголкэн Н'аргынэн** [γəɾolken n'ɑɣənən]. *Monde supérieur, monde d'en haut. Superior World. Верхний Мир. Н'аргынэнат Ивтылкин ынкъам Гырголкэн. Les Mondes d'en bas et d'en haut. Superior and inferior Worlds. Нижний и Верхний Миров.*

**Гытгавырральын** [γətɣawəɾɑlʔən]. *Esprit du lac. Spirit of the lake. Дух озера.*

**Гытгыкал** [γытгыкал]. *Esprit du lac. Lake spirit. Дух озера.*

**Гыюлетрэмкын** [γəjuleɾemkən]. *Personnes connaissant /des incantations/. People knowing /incantations/. Люди, знающие /заговоры/.*

**Гэвъянвылен** [γewjanwəlen]. *Capable de faire une incantation. Able to pronounce an incantation. Он (она) может произносить заговоры. Гэвъянвылен. Il est (était) capable de faire une incantation. He is (was) able to pronounce an in incantation. Он может произносить заклинание.*

**Гэльулк'ытлин** [γelʔulqətlin]. *Visage humain ou animal protecteur taillé sur la poignée du battoir à neige. Human or animal protecting face carved on the handle of the snow beater. Вырезанная на ручке снеговывивалки антропоморфная или зооморфная маска, имеющая защитное действие.*

**Гэтамгыргын** [γetɑmɣyɾyɾən]. *Rejet (religieux). Casting up (religious). Отвержение (религиозное).*

**Гэтан' вальын** [γetan' walʔən]. *Rejeté. Rejected. Отвернутый.*

**Ек'уйгын** [jeɣujyɾən]. *Poignée du tambour. Drum handle. Ручка бубна.*

**Ечьачав** [jesʔasaw]. *Ceinture-amulette. Belt with amulets. Пояс с амулетами. Ечьачав йыннин. Il enleva sa ceinture-amulette. He took off his belt with amulets. Он снял пояс с амулетами.*

**Ёотватык** [jotwatək]. *Faire venir le mauvais temps. To call bad weather. Навлекать непогоду.*

**Ёотватылын** [jotwatəlʔən]. *Chamane faisant et défaisant le mauvais temps. (Shaman) calling and undoing bad weather. (Шаман) навлекающий и останавливающий непогоду.*

**Ивмээтук** [iwmeɾetuk]. *Avoir l'âme dévorée par l'esprit malin. To have one's soul devoured by an evil spirit. Иметь душу, съеденную злым духом.*

**Ивмээтун** [iwmeɾetun]. *Esprit de la Folie. Spirit of Madness. Дух Безумия.*

**Ивмээтун** [iwmeɾetun]. *Taches bleues sur un défunt. Blues stains on a deceased person. Посмертная гематома (синие пятна). Эты вай гивмээтулин? Serait-ce qu'un esprit malin le saisirait? Didn't an evil spirit seize him? Что ли, его злой дух хватал?*

**Ивтылрэмкын** [iwtəlremkən]. *Peuple d'en bas (vivant dans le monde souterrain). Lower people (living in the underground world). Нижний народ (живущий в подземном мире).*

**Илгынк'эвивчевмэ** [ilyənqewiwsewme]. *Faisant un sacrifice au feu. Making an offering to the fire. Совершая жертвоприношение огню.*

**Илгынэлгинэвирьыт** [ilyənɛlyɾɛwɾyɾyt]. *Habits de peau blanche (pour inhumation). White skin clothes (for buræing). Одевание из белой шкуры (для погребения). Тэн'илгынэлгинэвирьыт етъан'. Les habits de peau tout blancs sont prêts. White skin clothes are ready. Совершенно белое одевание из шкуры готово.*

**Ильунильэтык** [ilyunilyɾetək]. *Chanter en battant le tambour. To sing when beating the drum. Петь во время игры на бубне.*

**Ильунильэтык** вэлэт ярарвыргыргавы-



**льо к'итги.** *Au moins en chantant tu battras le tambour. At least you'll beat the drum when singing. Хоть бей в бубен во время обрядового пения.*

**Ильунильэтык** [ilʉunilʉetək]. *Chanter des chants rituels pour rennes femelles. To sing ritual songs for female reindeer. Исполнение ритуальных песен для важенок.*

**Ильун'илгын** [ilʉun'ilyən]. *Lanière rituelle. Ritual strap. Обрядовый ремень.*

**Ильуткук** [ilʉutkuk]. *Battre le tambour. To beat the drum. Бить в ярап. Тылек'ынвэр гаймаквэ ильуткулын.* *Le joueur de tambour s'anima progressivement. Finally he livened up when beating the drum. Бьющий в бубен постепенно оживлялся.*

**Ильуткук** [ilʉutkuk]. *Chamaniser avec un tambour. To shamanize with a drum. Камлать, шаманить с бубном. Ынк'эната вэчым эмвуск'ымчыку нильуткук'инэт.* *C'est peut-être pour cela qu'ils chamanisaient seulement dans l'obscurité. May be because of that they shamanized only in darkness. Может быть, поэтому они камлали только в темноте.*

**Илюльэтык** [ilulʉetək]. *Danser. To dance. Танцевать. Инчувильыт гилюльэтлинэт.* *Les habitants d'Insuvin ont dansé. Insuvin inhabitants danced. Жители Инчувина танцевали.*

**Инэгнинтыткук** [ineɣnintətukuk]. *Faire une offrande. To make an offering. Совершать приношение даров. Нымгок'эн тэнмавык энагнэнтыткогты.* *Elle commençait à se préparer à faire une offrande. She began to prepare to make an offering. Она начала готовиться к приношению даров.*

**Инэгнинтыткун** [ineɣnintətukun]. *Offrande. Offering. Приношение; жертвоприношение. Мургин мн'эвагыргын, инэгнинтыткун...* *Nos rites, nos offrandes... Our ceremonies, our offerings... Наши обряды, приношения даров...*

**Инэнинтыткук** [inenintətukuk]. *Faire une offrande. To make an offering. Делать жертвоприношение. Гыт мыранк'ач к'ытвагэ инэнинтыткук.* *Mets-toi du côté droit pendant l'offrande. Stand on the right side during*

*the offering. Будь по правую сторону во время жертвоприношения.*

**Инэнмэлевек, инэнмэлевэтык** [inenmelewək, inenmelewetək]. *Soigner. To treat. Лечить. Этлы инэнмэлевекэ рэвьигыэ.* *Si on ne le soigne pas il mourra. If you don't treat him, he'll die. Если не лечить его, он умрёт.*

**Инэнмэлевэтичгын, инэнмэлевичгын** [inenmelewetisɣən, inenmelewisɣən] (мн. инэнмэлрвэтичгыт). *Remède. Remedy. Лекарство. Ратван'ыт инэнмэлевэтичгыт...* *Si tu as des remèdes... If you have remedies... Если будут лекарства...*

**Инэнрэлевыткук** [inenrelewətukuk]. *Attirer le mal sur qq'un. To bring evil on s.o. Навлечь зло. Ринэнрэлевыткугэ к'аак.* *Tu attireras le mal sur les rennes. You'll attract evil on the reindeer. Ты навлечёшь зло на оленей.*

**Инэнъегтэлетылын** [inenjeɣteletəlʉən]. *Guérisseur. Healer. Исцелитель, исцеляющий. Ытлэн н'айн'авын'н'ог'ан Эн'эн'ыльу – ынк'эн энмэн Инэнъегтэлетылыу.* *On se mit à l'appeler le Chamane, c'est-à-dire le Guérisseur. They began calling him a shaman, a healer. Его стали звать Шаманом – то есть исцелителем.*

**Инэнъюлын.** См. **гынрырэтылын** [inenjulʉən]. *Amulette. Amulet. Амулет, защитник.*

**Инэтлет** [inetlet]. *Paiement du chamane pour soins. Payment of the shaman for treatment. Плата шаману за лечение.*

**Инэтчыркын, энатчыгыргын** [inetsərkən, enatsɣəɣən]. *Fête liée à la capture de bêtes à fourrure. Feast connected with the capture of fur animals. Праздник, связанный с поимкой крупных пушных зверей, дикого оленя.*

**Инэтчык** [inetsək]. *Organiser le rite du renne sauvage. To organize the rite of the wild reindeer. Устраивать обряд над тушей дикого оленя или вообще всякой крупной дичи.*

**Ичвуйгын** [iswujɣən]. *Tranche de l'omoplate utilisée pour la divination. Edge of a shoulder blade used for divination. Край лопатки, употребляемой во время гадания.*

**Илгытрэт** [ɣilyɣtret]. *Fête rituelle à l'occasion de l'estivage. Ritual feast of summering.*



Ритуальный праздник по случаю летовки.  
**И'ннынилюк** [ʔinnənɪluk]. *Mouvoir ensemble la tête et le cou en dansant. To move only neck and head when dancing. Во время танца двигать головой на неподвижном туловище.* **Ньиннынилюк'ин**. *Elle meut le cou (et la tête sans bouger le tronc). She moves only her neck and her head when dancing. Во время танца она двигает головой.*

**И'н'ыпчик'** [ʔin'əpsiq] (мн. и'н'ыпчик'эт). *Orque (objet d'une croëance respectueuse chez les Tchouktsches maritimes). Orc (object of a respectful belief among Chukchis of the seashore). Касатка (существо, к которому приморские чукчи относятся с почитательным благоговением).*

**Йынвыегыргын** [йынвыјеүэгүән]. *Souffle de feu (des esprits malins). Fire breath (of evil spirits). Огненное дыхание (о злых духах).*

**Йыиннэлэк** [jənnelək]. *Agiter le feu lors d'un rituel. To stir fire during a rite. Шевелить огнём над кем-л. во время обряда.*  
**Н'эвыск'этэ ныйыиннэлэк'энат турыпкирылыгыт**. *Les femmes agitent le feu au-dessus des éleveurs arrivés. Women stir fire above coming breeders. Женщины окуривают прибывших дымом.*

**Йыркъалявыл** [jərkʔalawəl]. *Chamane travesti. Shaman travesti. Превращённый шаман мужского пола, живущий по образу жизни женщины.* **Нивын йыркъалявыл, энмэн Ук'к'эмк'эйынэ йытийгот нэntyгыт ильуткутумгу эмрэлгын'э**. *Ils dirent à Jərkəlavəl : Uqgetqej nous envoie te chercher afin que tu sois son rival en chamanisme. They said to the shaman travesti: Uqgetqej sends us for you so that you were his rival in shamanism. Они сказали превращённому шаману: вот Ук'к'эмк'эй послал за тобой, чтобы иметь тебя в качестве друга по камлаанию.*

**Йытомкатык** [йытомкатык]. *Pratiquer la divination à l'aide d'un «jətomkən». To practise divination with a «jətomkən». Гадать при помощи «йытомкын».*

**Йытомкыквын** [йытомкыквын]. *Pierre divinatoire. Divination stone. Гадальный камень.*

**Йытомкын** [jətomkən]. *Objet à pratiquer la divination par accrochage. Object to practise divination bə hanging. Предмет, который подвешивают во время гадания.*

**Йытратгыргын** [йытратгыргын]. *Rite de l'onction par le sang. Rite of anointing with blood. Обряд помазания кровью.*

**Йытраткэн** [jətratken]. *Destiné à l'onction. Intended for anointing. Предназначенный для помазания.* **Йытраткэн к'оран'ынынмык'эн**. *Ils abattent le renne destiné à l'onction. They slaughter a reindeer for the anointing. Они убивают оленя, предназначенного для помазания.*

**Йытратык** [jətratək]. *Oindre, enduire. To anoint. Помазывать кровью жертвенного оленя.*

**Йытро лын'ык** [jətro lən'ək]. *Prendre qq'un pour pratiquer l'onction. To take s.o. to anoint. Брать кого-либо для помазания.*

**Гымо йытро к'инэлгытык**. *Prenez-moi pour pratiquer l'onction. Take me to anoint them. Берите меня для помазания.*

**Каввагыргын** [kawwəgərgən] (мн. каввагыргыт). *Coutume. Custom. Обычай.*

**Лён'ын'ьотава нэntyркынимык нымкык'ин тэлен'кин каввагыргыт кылек**. *On ne nous interdit pas de suivre beaucoup de vieilles coutumes. We are not forbidden to observe many of our old customs. Нам не запрещают соблюдать многие наши старинные обычаи.*

**Кавран'н'ы** [Kawran'n'ə]. *Nom de l'épouse du soleil. Name of the sun's wife. Имя жены Солнца.*

**Калетэвэнан'** [kaletewenan']. *Rame rituelle. Ritual oar. Ритуальное весло.* **Ныгитэк'ин калетэвэнан'**, **мин'кы гэкэлилинэт р'эвыгыт**. *Ils regardaient la rame rituelle où étaient représentées des baleines. They looked at the ritual oar on which whales were represented. Они смотрели на ритуальное весло, на котором были изображены киты.*

**Кальвагыргын** [kalʔawayərgən]. *Esprit malin. Evil spirit. Нечистая сила.*

**Кальайн'ын** [kalʔajn'ən]. *Esprit malin. Evil genius. Злой дух.* **Ынк'эн гатвален кальайн'ын**. *C'était un esprit malin de gran-*



*de taille. It was a tall evil genius. Это был большой злой дух.*

**Кальайпык** [kalʔajpək]. *Se changer en esprit malin. To become an evil genius. Вселиться злomu духу в человека.* **Ынпын'эв ныкальайпык'эн.** *La vieille femme se changeait en esprit malin. The old woman became an evil genius. В старуху вселялся злой дух.*

**Кальачымн'ы** [kalʔasəmn'ə]. (мн. кальачымн'ат) *Chien donné au chamane pour un sacrifice. Dog given to a shaman for a sacrifice. Собака, предназначенная шаману для жертвоприношения.*

**Камак** [kamak]. *Esprit de la mort. Death spirit. Дух смерти.* **Камак ынк'эн, Нотармэ, кэлы.** *Ce Notarmé était l'esprit de la mort, un esprit malin. This Notarme was death spirit, an evil spirit. Этот Нотармэ – дух смерти, злой дух.*

**Каматьёлк'ыл** [kamatjɔlqəl]. *Poisson destiné à nourrir un filet de pêche. Fish intended for feeding a net. Рыба, предназначенная для "кормления" рыболовной сети.*

**Каратковагыргын** [karatkowayərgən]. См. **лыгимн'эгыргын.** *Rite de Keretkun, dieu des mers. Keretkun's ceremony. Обряд Кэрэткуна, бога морей.*

**Кивлет** [киwlet]. *Plat rituel fait de sang de renne et autres produits. Ritual dish made of reindeer blood and other products. Жертвенное блюдо, приготовленное из оленьей крови и других продуктов.*

**Килвэй** [kilwej] (мн. килвэгти). *Fête des bois de rennes. Festivities of the reindeer antlers. Праздник оленьих рогов.* **Гакэлвайн'ыталенат морыкы.** *Ils étaient venus chez nous célébrer la fête des bois de rennes. They came to our place for the festivities of the reindeer antlers. Они пришли к нам справить праздник оленьих рогов.*

**Килвэйык** [киlwеjək]. *Célébrer la fête des bois de rennes. To celebrate the festivities of the antlers. Проводить праздник новорожденных теллят.*

**Кипур** [кипур]. *Amulette anthropomorphe en bois portée au cou dans un petit sac; amulette de bois ou de cuir qui protège contre les sortilèges. Anthropomorphic amulet made of wood worn on*

*one's necklace in a pouch; wooden or leather amulet protecting from spells. Антропоморфный амулет, который носят на шее в мешочке; деревянный или кожаный амулет, охраняющий от колдовских чар.*

**Копрак'аман'гыргын** [kopraqaman'γərgən]. *Offrande au filet. Offering to a net. Обрядовое "кормление" сети.*

**Корган'ан'ылыын** [koryan'an'əlʔən]. *Chamane amateur de plaisanteries méchantes, chamane noir. Shaman fond of wicked jokes, black shaman. Шаман, любящий злые шутки, чёрный шаман.*

**Коргын'ав** [koryən'aw]. *Korgənav «la femme joyeuse», second nom de la femme du soleil. Korgynav «the cheerful woman», second name of the sun's wife. «Весёлая женщина», второе имя жены Солнца.*

**Кургын'эвыт** [kuryən'ewət]. *Esprit appelé la Femme araignée. Spirit called Spider woman. Дух Паучья женщина.*

**Кургэн'эн'ылыын** [kuryən'en'əlʔən]. См. **к'ун'ычгэн'эн'ылыын.** *Chamane «moqueur» (malfaisant). «Mocking» (mischievous) shaman. «Издевающийся» (злой) шаман.*

**Къарэлыын** [kʔarelʔən]. *Protecteur du nouveau-né. Protector of a new-born child. Защитник новорожденного.*

**Ныгнатъевык'эн къарэлыо.** *On lui demandait instamment de servir de protecteur au nouveau-né. He was insistently asked to protect the new-born child. Настойчиво просили его, чтобы он сделался защитником новорожденного.*

**Кывъичын** [kəwʔisʔən]. *Esprit de la Mort des enfants. Spirit of children's death. Дух смерти детей.* **Кывъичын**

**к'ылк'ыриргын.** *Va chercher l'Esprit de la Mort des enfants. Go and fetch the spirit of children's death. Ищи духа смерти детей.*

**Кынтавагыргын** [kəntawayərgən]. *Esprit de la Chance; chance. Spirit of Success; success. Дух Удачи; удача.* **Юрэк' кынтавагырга ринэйылгэ.** *Peut-être l'Esprit de la Chance me le donnera-t-il. Maybe the Spirit of Success will give it to me. Может быть, Дух Удачи мне даст его.*

**Кырычмык** [kərəsmək]. *Fêter. To celebrate.*



**Праздновать. Килвэй ныкырычмык'ин мимлырбылик – йбилгык.** *Le Kilvej se fête au mois de mai. Kilvej is celebrated in may. Килвэй празднуют в мае месяце.*

**Кыткав** [kətkaw]. *Châtiment mis en œuvre en cas de représailles par le sang. Punishment used for all kinds of retaliation in blood. Наказание для разных видов кровной мести.*

**Кыткав** [кыткав]. *Rachat donné au chamane. Tribute to a shaman. Выкуп, даваемый шаману.*

**Кыттыгэн, кыттыл** [kəttəyən, kəttəl] (мн. кыттылти). *Lanière entourant le cercle du tambour. Strap round the circle of the drum. Ремень вокруг деревянного обода бубна.*

**Кэймиткин эвъян** [kejmitkin ewjan]. *Incantation destinée à protéger un enfant. Child protecting incantation. Охраняющее детей заклинание.*

**Кэймитык** [kejmitək]. *Fortifier un nouveau-né par incantation contre les maladies et la mort. To strengthen a new-born child against disease and death by incantation. Укреплять новорождённых детей чарами против болезней и смерти.*

**Кэлвайын** [kelwajən]. *Lieu du rite Kilveï. Place of the Kilvei ritual. Место, где справляется ритуал Килвэй. Тэкэм пэтыкэл-вайынвык увэмгогъат.* *Ils cuisinaient juste à l'ancien emplacement d'un Kilveï. They were cooking just on an old place of Kilvei ritual. Они стали готовить еду как раз на том месте, где справлялся прежний Килвэй.*

**Кэлвайыттылыын** [kelwajəttəlʔən]. *Invité de la fête du Kilvej. Guest of the Kilvej feast. Гость праздника Килвэй. Кырвэгты навэръэпык'энат кэлвайыттылыт.* *Les invités s'habillaient élégamment. The guests put on elegant clothes. Гости праздника одевались нарядно.*

**Кэлильу** [kelilʔu]. «*Le tacheté*» (animal mythique vivant dans les montagnes de l'Aniouï). “*Spotted face*” (legend beast that lived in the Anyuy mountains). «*Пёстрый*» (сказочный зверь, живший в Анюйских горах).

**Кэлы** [kelə] (мн. кэльэт). *Esprit. Spirit. Дух.*

**Палёмтэлылыгыт чимгугйит Кээвына кэлын тывгёт нэнавалёмк'энат.** *Il écou-tait les ordres des esprits que Kees entendait en pensée. He listened to the Spirits' orders that Kees heard. Сосредоточившись, Кээв слышал указания духов.*

**Кэлы** [kelə] (мн. кэльэт). *Esprit malin. Evil spirit. Злой дух. А'к'авагыргын пыкиргыи эмэлкэ кэлы.* *Le malheur est arrivé comme un esprit malin. Unhappiness happened as an evil spirit. Несчастье пришло будто злой дух.*

**Кэльэвильыт** [kelʔewilʔət]. *Personnes mortes du fait des esprits malins. Persons who died because of mischievous spirits. Мёртвые по вине злых духов.*

**Кэльэткук** [kelʔetkuk]. *Invoquer les esprits. To invoke spirits. Молить духов. Колё аны нылгикэльэткульэтк'ин!* *Avec quelle force il invoquait les esprits! With what force he invoked spirits! С какой силой он молил духов!*

**Кэльэткулын** [kelʔetkulʔən]. *Chamane visionnaire. Visionary shaman. Шаман-духовидец.*

**Кэльэу'вэк'уч** [kelʔeʔuwequs]. *Esprit époux et protecteur d'un chamane travesti. Spirit husband protector of a soft shaman. Дух-муж защитник шамана-травести.*

**Кэмэтгыргын** [kemetʔərgən]. *Rite pour un traîneau neuf. Rite of a new sledge. Обряд над новой нартой.*

**Кэн'унэн'** [ken'unen'] (мн. кэн'унэн'эт). *Bâton de marche utilisé pour la divination. Walking stick used for divination. Посох, используемый во время гадания. Ынин кэн'унэн' пынчоткок нааягъан.* *On utilisa son bâton de marche pour interroger (le défunt). They used his walking stick to ask (the deceased). Для обряда гадания использовали его (покойного) посох.*

**Кэпролгын** [keprolʔən]. *Amulette en forme de poisson avec deux trous en guise d'yeux taillée dans de la peau de phoque rougie à l'aulne. Fish-shaped amulet with two holes, i.e. eyes, made of a bit of seal skin dyed in red with alder. Амулет из кусочка нерпичьей кожи, окрашенной ольховой корой в красный*



цвет, в виде рыбы с дырочками-глазами.

**Кэркэр** [kerker]. *Double vêtement féminin utilisé dans certaines familles comme habit rituel par les hommes. Woman's clothes used by men as ritual clothes in certain families. Двойная меховая одежда женского покроя, в определенных семьях использовалась как обрядовый костюм для мужчин.*

**Кэрэткук** [keretkuk]. *Célébrer le rite du dieu des mers Keretkun. To celebrate the rite of the chief being of the sea Keretkun. Справлять праздник бога морей – Кэрэткуна.*

**Кэрэткун** [keretkun]. См. **Пэр'ютэн**. *Principale divinité de la mer. Chief being of the sea. Главный бог морей.*

**Кээчыт** [keesʔət]. *Grelots accrochés au cercle du tambour. Small bells on the circle of a drum. Погремушки, закрепляющиеся к обечайке ярара.*

**К'аавагыргын, к'орэн вагыргын** [qaawaʔərgən, qoren waʔərgən]. *Esprit protecteur des rennes. Spirit-herd's protector. Дух – защитник стада оленей.*

**К'аакэн этынвыт** [qaaken etənwət]. *Amulettes de bois protectrices du troupeau sur le chapelet d'amulettes sacrées. Wooden amulets protectors of the herd of the charm string. Деревянные амулеты на священной связке – защитники оленей.*

**К'аамэлгымэл** [qaamelʔəmel]. См. **гыргыр**. *Nécessaire à feu et objets domestiques sacrés des éleveurs de rennes. Set to get fire and sacred domestic objects among reindeer breeders. Деревянное огниво и домашняя святыня у оленных чукчей.*

**К'ан'оквын'алвыл** [qan'okwən'alwəl]. *Troupeau de rennes représenté par des cailloux utilisé lors des inhumations rituelles. Reindeer herd represented by small stones used during ritual burials. Пёстрые камешки, изображающие оленьё стадо, используемые для обрядового захоронения.*

**К'ликэтгичен', к'ычикычгичен'** [qliketʔisen', qəsikəsʔisen']. *Femme chamane travestie. Dressed up woman shaman. Шаман женского пола, живущий по образу жизни мужчины.*

**К'оранмык** [qoranmək]. *Abattre un renne*

*pour quelqu'un. To slaughter a reindeer for s.o. Убить оленя для кого-л. Нутэнут нэмык'эйнык'оранмык'эн. Ils tuent un renne pour la terre. They kill a reindeer for the earth. Они тоже убивают оленя как дар для земли.*

**К'орэн вагыргын** [qoren waʔərgən]. *Divinité des rennes se souciant de la prospérité des troupeaux. Reindeer divinity worrying about the prosperity of herds. Олений бог, заботящийся о благополучии стад.*

**К'рэк'ай** [qreqaj]. *Peuple mythique qui vivait au nord de la Tchoukotka et qui a passé la mer après avoir affronté les Ləgoravetlat. Mythical people that lived in the north of Chukotka and went overseas after struggles against the Ləgoravetlat. Мифический народ, живший на севере Чукотки и ушедший за море после борьбы с чукчами.*

**К'ун'ычгэн'эн'ыльын** [qun'əsʔen'en'əlʔən]. См. **кургэн'эн'ыльын**. *Chamane «moqueur» (malfaisant). «Mocking» (mischievous) shaman. «Издевающийся» (злой) шаман.*

**К'ымлятык** [qəmlatək]. *Oindre de moelle. To anoint with marrow. Мазать костным мозгом при обряде.*

**К'ычикычгичен'** [qəsikəsʔisen']. *Femme chamane travestie. Dressed up woman shaman. Шаманка-травести.*

**К'ычек'ычгэча** [qəseqəsʔesa]. *Femme chamane aiant l'apparence d'un homme. Woman shaman with a man's appearance. Мужеподобная шаманка.*

**К'эмэн'этык** [qemen'etək]. *Sortir un plat pendant un rite. To take out a dish during a rite. Выносить блюдо с дарами во время обряда.*

**К'эмэтык** [qemetək]. *Fête de la renaissance du soleil. Rite of the appearance of the sun. Праздник появления солнца.*

**К'эмэтык** [qemetək]. *Nourrir le feu, les étoiles, etc. pendant un sacrifice. To feed the fire, the stars, etc. during a sacrifice. «Кормить» огонь, звезды, делать приношения.*

**К'эмэтыткук** [qemetətʔuk]. *Célébrer une fête. To celebrate a feast. Праздновать.*

**К'эюир'ын** [qejuiirʔən] (мн. к'эюир'ыгт). *Costume de rite. Clothes for celebrations. Праздничная кухлянка из шкуры молодого*



оленья, для детей – из пыжика. **К'лявыля ныйпык'энат к'эюуиръыт.** *Les hommes mettent des costumes de rite. Men put on clothes for celebrations. Мужчины надевают праздничные кухлянки.*

**Левытырил** [lewətətril]. *Cérémonial des têtes. Ceremonial of heads. Ритуал оленьих голов.*

**Лейвыкин, лейвытумгын** [lejwəkin, lejwətumgən]. *Amulette de voyage. Travel amulet. Амулет для путешествий.*

**Лыгэвагыргыт** [ləgəwəgəgət]. *Êtres Supérieurs, divinités. Supreme Beings. Высшие Существа. Эвыр лыгэвагыргын'кы ган'автын'эгыт...* *Puisque tu as pris femme chez les Êtres Supérieurs... Since you took a wife among the Supreme Beings... Раз ты взял жену у Высших Существ...*

**Лыгэмн'эгыргын** [ləgəmn'əgəgən] См. **каратковагыргын.** *Rite de Keretkun, dieu des mers. Keretkun's ceremony. Обряд Кэрэткуна, бога морей. Fête de la Reconnaissance chez les éleveurs; fête de Keretkun chez ceux du bord de mer. Thanksgiving among reindeer breeders; Keretkun feast among people of the coast. Настоящий благодарственный праздник у оленеводов; праздник Кэрэткуна у приморских чукчей.*

**Лыгэярар** [ləgəjarar] (мн. лыгэярартэ). *Tambour avec poignée. Drum with a handle. Бубен с ручкой. Вулк'ытвик к'лявыля ныпирик'инэт лыгэярартэ.* *Le soir les hommes prennent le tambour à poignée. In the evening men take their drums with handles. Вечером мужчины берут бубны с ручками.*

**Лылельэтык** [lələl'etək]. *Consommer de l'amanite. To eat fly agaric. Потреблять мухомор.*

**Лылялытвак** [[lələl'ətwak]. *Être sous l'effet d'un hallucinogène. To be under the influence of hallucinogens. Быть под влиянием галлюциногенного средства. Этаанылюнрэльун'э нинэнтк'инэт рэск'ивылыт, лымэвыр а'тав нытлялытвак'эн.* *Peut-être ne voulait-elle pas voir ceux qui entraient ou était-elle simplement sous l'emprise d'un hallucinogène. Maybe she didn't want to see those who came in or she simply was under the influence*

*of hallucinogens. Возможно, она не захотела видеть тех, кто входил, или просто была под влиянием галлюциногенного средства для своего удовольствия.*

**Лымалычыатгыргын** [ləmaləs'atəgəgən]. *Croyance. Faith. Вера. Лымалычыатгыргын р'авэты к'ырым о'ран' рыт'ёлк'ыл.* *La croyance dans les baleines ne devait pas se montrer ouvertement. The faith in the whales had not to be shown openly. Вера в китов не должна была проявляться открыто.*

**Льавынтыватык** [l'awəntəwatək]. *Célébrer un rite avec les habits d'un défunt. To celebrate a rite with the clothes of a deceased. Совершать обряд с одеждой покойного. Ан'к'альэты гэн'илгырэтлинэт, ин'к'ун ньльавынтыватынат.* *On apporta à ceux du bord de mer des courroies rituelles afin qu'ils (les anciens) célèbrent un rite avec les habits du défunt. Ritual straps were brought to the people of the littoral so that They (the elders) could celebrate a rite with the clothes of a deceased. Приморским жителям принесли ремни для того, чтобы они (старик) совершили обряд с одеждой покойного.*

**Льулк'ылти** [l'ulqəlti]. *Visages - nom de certaines amulettes. Faces - name of certain amulets. Лица – название некоторых амулетов.*

**Льун'эк'эрэвык** [l'un'əqerewək]. *Faire des grimaces. To make faces. Делать гримасы.*

**Льэлен'килвэй** [l'elen'kilwej]. *Kilvejd'hiver. Winter kilvej. Зимний Килвэй – зимний праздник оленьих рогов.*

**Льэлен'кин олвагыргын** [l'elen'kin olwəgəgən]. *Rite de l'abattage d'automne. Autumn slaughtering rite. Второе название второго осеннего забоя оленей.*

**Льэлен'улвэв** [l'elen'ulwew] (мн. льэлен'улвэвыт). *Cérémonie automnale de l'abattage des rennes. Autumn feast of reindeer slaughtering. Осенний праздник забоя оленей.*

**Милгымил** [milgəmil] (мн. милгыт). *Nécessaire à feu. Set to get fire. Старинный прибор для добывания огня. Милгымил нутэк гапэлялен.* *Elle laissa le nécessaire à feu dans la toundra. She left the set to get fire*



in the tundra. Она оставила в тундре комплект для добывания огня.

**Милгыинэн'** [milγūinen']. *Traîneau où sont disposés les objets rituels. Sledge for ritual things. Нарты, где положены обрядовые предметы.*

**Мн'ик** [mn'ik]. *Fêter; observer un rite particulier suite à un rêve. To celebrate; to celebrate a particular rite after a dream. Праздновать; справлять особый обряд вследствие сновидения.*

**Мн'икин н'эвээн** [mn'ikin n'ewʌen]. *Figurine humaine utilisée pendant les rites, épouse rituelle. Human image used during ceremonials, ceremonial wife. Женская фигурка, используемая во время обрядов, обрядовая «жена».*

**Мн'икин у'вэк'уч** [mn'ikin ʉwequ]. *Figurine humaine utilisée pendant les rites, époux rituel. Human image used during ceremonials, ceremonial husband. Мужская фигурка, используемая во время обрядов, обрядовый «муж».*

**Мн'иничулын** [mn'inisulʌen]. *Danseur du rite de la Reconnaissance. Thanksgiving rite dancer. Танцор обряда благодарения.*

**Мн'эвагыргын, мн'эгыргын** [mn'ewayʌrγen, mn'eγʌrγen]. *Rite de la reconnaissance. Thanksgiving ceremonial. Благодарственный обряд. Мургин мн'эвагыргын, инэгнинтыткун... Nos rites, nos offrandes... Our rites, our offerings. Наш обрядовый образ жизни, наши приношения...*

**Мратын'агыргын** [mratən'aγʌrγen]. *Droite de l'Aube (myth.). Right Dawn (myth.). Правый рассвет (мифол.).*

**Мылк'опат** [məlqopat]. *Bouillon rituel de feuilles bouillies. Ritual soup with boiled leaves. Ритуальный бульон с варёными листьями.*

**Мынгъачав** [mənγʌsaw]. *Bandeau de poignet; bandeau préservant du mauvais sort; paiement du chamane pour soins. Hand wrapper; bracelet protecting from a spell; payment to a shaman for treatment. Повязка на руке; повязка, предохраняющая от колдовских чар; плата шаману за лечение.*

**Мын'игырэп** [mən'iyərep]. *Chant rituel. Ritual song. Ритуальное пение. Тан'ымгъаата к'ынтыгыткы мын'игырэп. Chantez joliment le chant rituel. Sing beautifully the ritual song. Все пропойте ритуальные песни.*

**Мын'ик** [mən'ik]. *Célébrer un rite. To celebrate a rite. Справлять ритуал. Вынэ мынымн'имык. Eh bien, célébrons le rite. Well, let us celebrate the rite. Давайте справлять ритуал.*

**Мын'ин** [mən'in]. *Fête, rite particulier. Feast, particular rite. Праздник, особый обряд. Игыр гымык ратвагъа мын'ин. Aujourd'hui il y aura une fête chez moi. To day there will be a feast at my place. Сегодня будет праздник у меня.*

**Мын'иничук** [mən'inisuk]. *Danser (durant un rite). To dance (during a rite). Танцевать во время обряда. Авынральнойвуск'ымчыку гэмн'иничулин. Le maître de maison dansait dans l'obscurité. The chief of the family was dancing in the dark. Хозяин дома танцевал в темноте.*

**Мын'эвагыргын** [mən'ewayʌrγen]. *Rite. Rite. Ритуал. Гымнан тургин мын'эвагыргын гэпирилин. Je vous ai ravi votre rite. I robbed your rite. Я украл ваш ритуал.*

**Мын'эгтылын** [mən'eγtəlʌen] *Personne venue assister à un rite. Person who has come to attend a rite. Человек, пришедший смотреть на обряд. Авынральнойвуск'ымчыку гэмн'итэ..., мын'эгтылыт ытрэч к'аанмынэнат. Le maître de maison ne célébra pas de rite, il se contenta d'abattre un renne pour les personnes venues assister au rite. The master of the house didn't celebrate a rite; he only killed a reindeer for those who had come to attend the rite. Хозяин не сделал обряда, он только убил оленя для пришедших на обряд.*

**Мын'элён** [mən'elon]. *Festivité. Feast. Праздник с танцами. Майн'ымын'элён нэнуэмэкэвын. On rassembla de grandes festivités. They gathered big feasts. Организовали большой праздник с танцами.*

**Мын'энвын** [mən'enwɔyn]. *Endroit du rite. Place of a rite. Место ритуала. Вынэ*



**к'ытамн'энвынтык.** *Allons, préparez un endroit pour célébrer le rite. Well, prepare a place for the rite. Давайте-ка приготовьте место для ритуала.*

**Мын'эран** [mən'еран]. *Yarangue des rites. Rite yaranga. Яранга для ритуалов. Ымыльо к'ытгъэт мын'эрагты.* *Tous allèrent à la yarangue des rites. They all went to the rite yaranga. Все пошли к яранге для ритуалов.*

**Мыральатык** [məralʔatək]. *S'adresser au totem. To speak to a totem. Обращаться к тотему. Мин'кыри нымральатк'энат?* *Comment s'adressait-on au totem? How did people speak to the totem? Как обращались к тотему?*

**Мыымгатгыргын** [məəmʔatʔyʔyʔən]. *Sons inarticulés émis par un esprit invoqué par un chamane. Gibbering sounds produced by a spirit called bə a shaman. Невнятные звуки, производимые духом, которого вызвал шаман.*

**Мэлгьялявил** [melyʔalawəl]. *Planche à feu en forme d'amulette. Fire board having the shape of an amulet. Доска для добывания огня в виде антропоморфной фигурки-амулета.*

**Мэлгын** [melyən]. *Foyer, petits monticules entoutés d'herbe à l'endroit où on brûle rituellement les os. Fireplace, little mounts circled with grass where people ritually burn bones. Место огня, обложенные дерном бугорки на месте ритуального сжигания костей (Куз 282).*

**Мэлгын** [melyən]. *Yarangue miniature rituelle. Miniature ritual yaranga. Миниатюрная ритуальная яранга, сделанная из земли.*

**Мэлгынк'эвьячавык** [melyənqewjasawək]. *Jeter le feu en direction du troupeau pendant le rite. To throw the fire towards the herd during a rite. Бросать огонь в сторону стада (очистить огнём) во время выльгык'аанматгыргын. Н'эвыск'этти етъан' нынтык'ин мэлгынк'эвьячавкэн йыныйн.* *Les femmes préparent le feu pour le jeter en direction du troupeau. Women prepare a fire to throw it towards the herd. Женщины готовят огонь для бросания в сторону стада.*

**Мэлевн'эв** [melen'ew]. *Guérisseuse. Healer. Целительница.*

**Нипыт** [nipət]. *Ornements sur le dos de la combinaison de fête féminine. Adornments on the back of a woman's feast garment. Украшения на спине женской праздничной камлейки из ровдуги.*

**Нотаск'авынральын** [notasqawənrəlʔən]. *Esprit de la terre, du lieu. Spirit of the earth, of a place. Дух земли.*

**Нулвэвк'ин (олвагыргын)** [nulwewqin (olwayəyʔən)]. *Premier abattage d'automne et rite. First autumnal slaughtering and rite. Первый осенний забой оленей.*

**Нутэск'ыкэльэт, нотаск'ывагыргыт** [nutesqəkəlʔet, notasqəwəyəyʔət]. *Esprits souterrains. Ground beings. Подземные духи.*

**Нъывэт** [nʔəwet]. *Viande pour le rite du souvenir. Meat for the remembrance rite. Мясо, предназначенное для ритуалов. Увэрак ытри нъывэткүтэ ныкамэтвак'энат.* *Dans la fosse à viande ils mangèrent les morceaux du rite du souvenir. In the meat pit they ate bits of meat of the remembrance rite. В мясной яме они ели мясо, предназначенное для ритуала.*

**Нывэтран** [nəwetran]. *Yarangue de halte. Yaranga for stops. Яранга для стоянок.*

**Рэккэн'ин нывэтрачгын...** *La grande yarangue de halte des esprits malins... The big yaranga where evil spirits stop... Большая яранга для стоянок злых духов...*

**Нык'эрак'энат** [nəqəraqenat]. *Clairs – se dit des yeux du chamane. Light - so people qualify shaman's eyes. «Светлые» – так называют глаза шаманов.*

**Нытайын'к'эн** [nətajən'qen]. *Interdit, péché, tabou. Taboo, sin, forbidden. Табу, грех, недозволено. Нытайын'к'эн коргывэтгавык.* *Il est interdit de médire. It is forbidden to speak ill of s.o. Грех злословить.*

**Нытайын'к'энано рытчык** [nətajən'qenano rətsək]. *Rendre sacré. To make sth. holy. Покрыть тайной. Ынин нынны нытайын'к'энано нэтчыгъэн.* *Son nom avait été rendu sacré. His name had been made holy. Его имя покрыли тайной.*

**Нэнэнуткульын** [nenenutkulʔən]. *Ogre, mangeur d'enfants. Ogre, children eater.*



Людоед, поедаящий детей. **Нэнэнуткульык** **нытвак'энат ынк'энат нэнэнэт.** *Ces enfants étaient chez l'ogre. Those children were in the children eater's house. Эти дети были у людоеда (сказка).*

**Н'авкэтлян** [n'awketʎan]. *Chamane en habits de femme, travesti. Shaman in woman's clothes, transvestite. По-женски одетый (о шамане-травести).*

**Н'авыйытравык** [n'awənjətrawək]. *Oindre les mariés. To anoint newly-married persons. Помазывать новобрачных.*

**Н'авыйытравкэнпин'инэн'нинэрк'ин.** *Elle tenait le lumignon destiné à oindre les mariés. She was holding the lamp used to anoint the newly-married. Она держала лучину, которой помазывали новобрачных.*

**Н'анк'эн к'олевагыргын** [n'anqen qolewaγəγən]. *L'au-delà. The hereafter. Потусторонний мир. Н'урэтк'инэт, нымэйн'этк'инэт, нынпэвк'инэт, нэквэтк'инэт н'анк'эн к'олевагыргэты.* *Ils naissaient, grandissaient, vieillissaient, partaient pour l'autre monde. They had been born, they had grown, got old, and gone to the hereafter. Они рождались, росли, старели, отправлялись в потусторонний мир.*

**Н'аргынмн'эгыргын** [n'argənmn'əγəγən]. *Rite en extérieur, fête de remerciements à la nature. Outside rite, thanksgiving ceremonial of nature. Праздник, который отмечался за пределами жилища, благодарственный обряд природе.*

**Н'аргынэн** [n'argənən]. *Univers; Esprit de l'Univers. Universe; Spirit of Universe. Дух Вселенной. Ягтачвагырга, Н'аргынэната нэнавалёмк'эн.* *L'Esprit de vie, l'Esprit de l'Univers l'entend. The Spirit of life, the Spirit of Universe hears him. Дух жизни, дух Вселенной его слышит.*

**Н'ачгытын'агыргын** [n'asγətən'əγəγən]. *Côté gauche de l'Aube. Left side of Dawn. Левая сторона Рассвета.*

**Н'ачгытын'агыргэпы тыгнатыркын.** *Je demande au côté gauche de l'Aube. I ask the left side of Dawn. Я прошу у левой стороны Рассвета.*

**Н'илгырэтык** [n'ilγəretək]. *Apporter une*

*courroie rituelle. To bring a ritual strap. Принести обрядовый ремень. Гэн'илгырэтлинет, ин'к'ун ныльавынтыватынат.* *Ils apportèrent une courroie rituelle afin de célébrer un rite. They brought a ritual strap in order to celebrate a rite. Они принесли обрядовый ремень, чтобы совершить обряд.*

**Н'ойн'ыттымынпылк'авык** [n'ojn'ətʎəmənɤlqawək]. *Procéder au rituel du cossux de phoque. To practise the rite of the seal cossux. Ритуал нерпичьего копчика.*

**Н'оонэнк'олет** [n'oonenqolet]. *Voix d'outre-tombe. Voices from beyond the grave. Потусторонние голоса. Н'оонэнк'олетанывын Гиву, ин'к'ун н'инк'эйк'эй эчвэрагты ратваркын.* *Les voix d'outre-tombe dirent à Givu que l'enfant serait heureux. Voices from beyond the grave said to Givu that the child would be happy. Потусторонние голоса сказали Гиву, что ребёнок будет благополучно жить.*

**Н'эввирит** [n'ewwirit]. *Âme féminine. Woman's soul. Женская душа. Н'эввириты'нэймитгээн.* *Ils te prendraient ton âme féminine. They would take your feminine soul from you. Пусть возьмут твою женскую душу.*

**Н'эвычгичен'** [n'ewəγisen']. *Chamane ayant l'apparence et le comportement d'une femme. Shaman with the appearance and the behaviour of a woman. Шаман, считающий себя женщиной и ведущий соответствующий образ жизни.*

**Н'энрир'ун** [n'enrirʎun]. *Fête du second abattage des rennes; arrivée de l'époque du transfert depuis la mer vers la toundra. Feast of the second reindeer slaughtering. Праздник второго забоя оленей; наступление времени перехода с морского берега в тундру.*

**Ойвалвэтгав** [ojwalwəγaw] (мн. ойвалвэтгавыг). *Incantation. Заклинания.*

**Р'энут винвэк'эй нэнатвэвык'эн – эт'ым ынк'эн р'эврэмкин ойвалвэтгавыт.** *Elle marmonna quelque chose, probablement des incantations du peuple des baleines. She mumbled something, probably incantations to the whale people. Она шептала что-то, навер-*



но, заклинание, адресованное народу китов.

**Ойвалчын'ын** [ojwalsən'ən]. *Maléfice. Evil spell. Порча. Рьпэт ойвалчын'ыт ныпэгляк'энат. Même leurs maléfices claquent. Even their evil spells bang. Зло, исходящее от них, даже производит грохот.*

**Ойвалятгыргын** [ojwalatүгүгэн]. *Envoûtement, charme, maléfice. Incantation, spell, evil spell. Заклинание, порча посредством колдовства.*

**Ойвачгыргын** [ojwasүгүгэн]. *Envoûtement. Witchcraft. Колдовство. Ойвачгыргын нэрмэк'ин. L'envoûtement est puissant. The witchcraft is powerful. Колдовство сильное.*

**Ойвачгыргэвъян** [ojwasүгүгөwjan]. *Incantation pour jeter un mauvais sort. Incantation to cast a spell. Заговор, наводящий порчу.*

**Оккамак** [okkamak]. *Amulette de bois ou de cuir. Wooden or leather amulet. Деревянный или кожаный дух.*

**Отгьялявылк'агтэ** [ottʔalawəlqayte]. *Petits morceaux de bois accrochés au bandeau de tête. Small bits of wood hanging from the headband. Веточки, прикрепленные к головной повязке.*

**Оттык'орат** [ottəqorat]. *Rennes de bois. Wooden reindeer. Деревянные олени.*

**Имыръэнут нэймитк'ин: оттык'орат, ...** *Elles prennent toutes sortes de choses: rennes de bois... They take all sorts of things: wooden reindeer... Они берут всякие предметы: деревянных оленей....*

**Оттытаан'** [ottətaan']. *Esprit de la forêt. Forest spirit. Дух леса.*

**Очиткок** [osytkok]. *Répondre; faire écho au chamane. To answer; to express approval to the shaman. Откликаться; подавать отклики шаману.*

**Очиткольын** [osytkolʔən]. *Personne encourageant le chamane par des exclamations durant la séance chamannique. Person who expresses approbation of the doings of the shaman. Человек, поощряющий шамана во время камлания; подающий отклики шаману.*

**Паагытэк'аматгыргын** [paayəteqamatүгүгэн]. *Fête de printemps de l'apparition de Vénus. Spring feast of Venus appearance. Зимний праздник появления Венеры.*

**Пагчен'вагыргын** [paɣsən'waүгүгэн]. *Esprit qui se mêle de tout. Meddling with everything spirit. Дух, во всё вмешивающийся.*

**Пампыч** [pampəs]. *Pendeloque. Pendant. Подвеска. К'ол нивлык'ин пампыч тайн'ыквык нытлетк'ин. On noue une longue pendeloque au chapelet d'amulettes. They tie a long pendant to the familè charms. Одну из длинных подвесок привязывают к тайным священным предметам.*

**Паргэтак** [paręetak]. *Pratiquer la divination; pratiquer la divination sur une omoplate. To tell fortunes; to tell fortunes with a shoulderblade. Гадать; гадать по лопатке.*

**Парык, парыткок** [parək, parətkok]. *Prédire l'avenir. To tell fortunes. Гадать, ворожить.*

**Пичвучьын** [писwусьын]. *Divinité du gibier terrestre. God of every earth game. Хозяин всей сухонутной дичи.*

**Плыткук** [plətkek]. *Terminer: «j'en ai terminé» (formule de fin de rite). To finish: "I finished" (formula of rite end). Закончить. «Я закончил»: этим словом заканчивается обряд.*

**Пойгымн'эгыргын** [pojүəmn'eүгүгэн]. *Fête de la lance. Spear feast. Праздник копий.*

**Пойгырамн'эгыргын** [pojүəgamn'eүыруын]. *Fête de la lance où l'on remplace la lance par une perche de la yarangue. Spear feast during which a pole of the yaranga is put in place of a spear. Копейный праздник, при котором копье заменяется жердью яранги.*

**Пойъатчелек, пойъатрелек** [pojʔatselek, pojʔatrelek]. *Enduire de suie. To anoint with soot. Намазать сажей.*

**К'эналгэпойъатчелейвыгэ.** *Enduis-moi abondamment de suie. Anoint me abundantly with soot. Сильно намажь меня сажей.*

**Поячен** [pojaasen]. *Lieu de sacrifices derrière la yarangue. Sacrificing place behind a tent. Место жертвоприношений за ярангой.*

**Пуйъэкэлик** [pujʔekelik]. *Oindre de suie. To anoint with soot. Помазывать сажей.*



- Тыпуйьэкэлиркын** льулк'ыл. *J'oins mon visage de suie. I anoint my face with soot. Я помазываю лицо сажей.*
- Пук'ынчин** [puqənsin]. *Esprit malin. Evil spirit. Злой дух, ходящий задом наперёд.*
- Воск'ычгавкы** этлы н'аргын эк'улильыр'укульбин-пук'ынчитэ нарай'онтык. *Le soir venu il ne faut pas crier dehors : les puqənsi vous attraperaient. In the evening don't shout outside: evil spirits would catch you. Вечером не кричите на улице: злой дух пук'ынчин к вам подойдёт.*
- Пъаймэ** [pʰajmə]. *Hypnotiseur. Hypnotist. Гипнотизёр. Этгым н'отк'эн пъяймэ. C'est peut-être un hypnotiseur. He may be a hypnotist. Это может быть гипнотизёр.*
- Пъаймэк** [pʰajmek]. *Hypnotiser. To hypnotize. Гипнотизировать. Н'отк'эно'равэтльан гэйгулетлин пъяймэк. Cet homme a appris à hypnotiser. This man learnt how to hypnotize. Этот человек научился гипнотизировать.*
- Пъок'ылыгын** [pʰoqəlygən]. *Nourriture sacrificatoire (plante). Sacrificial food (plant). Жертвенная растительная пища (название корня).*
- Пылыкин** [pəlləkin]. *Figurine de dieu, idole. Idol statuette. Фигурка божка. Н'отк'эн вай ытлыгын-пылыкин. Voici l'idole-père. This is the father-idol. Вот фигурка отца-божка.*
- Пылыкын** [pələkin]. *Amulette faite pour un fils à sa naissance. Amulet made for a son at his birthday. Амулет, сделанный для сына при его рождении.*
- Пынлөк** [pənlok]. *Questionner un défunt. To ask a deceased. Спрашивать покойного.*
- Чикинэ** **намн'ылёгьан** **рырочьавъё**. *Au petit matin on questionna le défunt. Early in the morning they asked the deceased. Рано утром спросили покойного.*
- Пынчоткогыргын** [pənsotkoɣərgən]. *Questionnement du défunt. Questioning of a dead. Вопросание. Пынчоткогыргын нытвак'эн, ыныкит вьильын еп ярачыко майынлянвэты гантэнмавлен. Le questionnement d'un défunt se déroulait quand, encore à la maison, on préparait le mort pour les obsèques. The questioning of a dead happened*
- when, still at home, people prepared to bury him. Вопросание покойного имело место еще дома, когда его готовили к похоронам.*
- Пырк'ялявыл** [pərqʰalawəl]. *Pilier rocher devenu vivant (myth.). Stone pillar coming to life (myth.). Оживший каменный столб (миф.).*
- Пэгытти** [pəɣətʰti]. *Fête d'hiver liée aux astres. Winter feast of stars. Зимний праздник, священный с небесными светилами.*
- Пэгыттик** [pəɣətʰtik]. *Pratiquer le rite de l'étoile du matin à la fin de la nuit polaire. To celebrate the rite of the morning star at the end of the polar night. Провести праздник утренней звезды в конце полярной ночи.*
- Пэнак'алгын** [pənəqəlygən]. *Pendentif, pompon en poil de chien accroché à l'habit du chamane. Pendant, pompon made of dog hair hanging from the shaman clothes. Подвеска; подвешенные к куклянке кисти из собачьей шерсти (обычно у шаманов). Панэна к'ынуур пэнак'алгын к'эптик нилгик'эткин. Il restait encore accroché à son dos comme un pendentif. It still hanged on his back as a pendant. По-прежнему будто подвеска висела на его спине.*
- Пэр'утэн** [pəɣʰuten]. *См. Кэрэткун. Principale divinité de la mer. Chief being of the sea. Главный бог морей.*
- Пэчигэтык** [pəsiɣətək]. *Craindre les esprits en étant seul. Being alone, to fear spirits. Бояться духов, будучи в одиночестве. Эпэчигэткэ. N'aie pas peur des esprits quand tu seras seul. Don't fear sprits when you are alone. Не бойся духов, когда будешь один.*
- Пээчвак, пээчвагьёнратгыргын** [pəeswak, pəeswayjonratɣərgən]. *Fête de la séparation du troupeau. Feast of the sorting of the herd. Праздник отбивки оленей-бычков от основного стада.*
- Рагролмык, рагролмакы так** [raɣrolmək, raɣrolmakɣy tak]. *Marcher autour de la yarangué ; faire le tour de la yarangué lors d'un rite. To go round the house; to go round the house during a ritual. Ходить вокруг дома; совершать обрядовый обход вокруг дома.*
- Рагролмын** [raɣrolmən]. *Arrière de la yarangué où on célèbre les rites. Rear of a*



yaranga where ceremonies take place. Место позади яранги, где справляются обряды.

**Рагролмын'к'ач** **въильин** **паляквын** **нытвак'эн**. Aux abords de la yaranguie il y avait un emplacement funéraire. In the rear of the yaranga there was a funeral place. На стороне, позади яранги, где справлялся обряд, было погребальное место.

**Рагтык** [raɣtək]. Revenir par métépsychose. To come back by metempsychosis. Вернуться метемпсихозом. **Вай** **н'отк'эн** **гынин** **кмин'ын** **Ятгыргын** - **йылгымирдын** **рагтылыын**. Voilà c'est ton enfant Jatgərgən-ton arrière-grand-père revenu à la maison (ressuscité). This is your child Yatgərgən – your grand-grand-father coming back home (alive again). Вот это твой ребёнок Ятгыргын – «вернувшийся» прадед.

**Рамалытванн'ык** [ramalətwann'ək]. Faire le beau temps. To make fine weather. Вызвать хорошую погоду. **Имымин'кыри** **рамалытванн'ык** **гэтэвмэтэвлин**. Il essaya par tous les moyens de faire le beau temps, mais ne put. He tried by all means to make fine weather, but could not. Он всячески пробовал вызвать хорошую погоду, но не смог.

**Ранн'атыгыргын** [rannatəɣəɣən]. Courte étape avant un rite. Short stage before a rite. Короткая перекочёвка перед праздником.

**Ратватык** [ratwatək]. Envoûter. To practise magic. Накликать порчу. **Ынк'эн-ым** **ытлэн** **нэнатвагъан**. C'est celui-ci qu'ils envoûterent. They practised magic upon him. На этого накликали порчу.

**Рильуткувык** [rilʉutkuwək]. Faire chanter au son du tambour. To ask s.o. to sing and beat the drum. Просить кого-либо петь и бить в бубен. **Ынпьянвыт** **нэнильуткувынэт**. On demanda aux anciens de chanter en battant le tambour. They asked the elder to sing and play the drum. Стариков попросили петь и бить в бубен.

**Рильуткувык** [rilʉutkuwək]. Chamaniser pour quelqu'un. To shamanize for s.o. Шаманить для кого-л. **Кита** **опопы** **мыны** **нильуткувын**. Allons-y, chamanisons pour lui. Let's shamanize for him. Давай-ка пошаманим для него.

**Рилюльэвык** [rilulʉewək]. Faire danser qq'un. To make s.o. dance. Заставлять плясать.

**Ринтыткук** [rintətuk]. Faire une offrande. To offer. Дарить, совершать жертвоприношение. **Мутлымулнаранэнтиткон'н'он'ын** **нотаск'эты**. Le sang, on l'offrira à la terre. We'll offer the blood to the earth. Вскоре начнут кропить землю кровью.

**Рорат** [rorat] (мн. рораттэ). Viande sacrificatoire. Sacrificial meat. Жертвенная мясная пища. Plat sacrificatoire; le rorat fait office de victime dans les offrandes sans que le sang soit versé. Sacrificial dish; rorat replaces the victim in offerings without blood. Жертвенное блюдо; заместитель жертвы бескровных жертвоприношений.

**Руйвэлн'ык** [rujweln'ək]. Jeter un sort. To cast a spell. Наводить злые чары. **Э'к'эльэ** **ныруйвэлн'ык'ин** **о'равэтльан**. Les ennemis jettent un sort à l'homme. The enemies cast a spell over the man. Враги пытались околдовать человека.

**Рунмъэчев** [runmʉesew]. Bracelet (contre le mauvais sort) porté sur l'avant-bras. Arm wrapper against spells worn on the forearm. Браслет, носимый на предплечье (предохраняет от колдовских чар).

**Ръэтайпатык** [ɣətajpatək]. Barrer la route du retour au défunt. To block a deceased the way back. Преграждать путь с помощью снеговывивалки на возвратном пути с похорон. **Ярагты** **тылик** **ныръэтайпатк'энат**. En rentrant à la maison on barrait la route. When they went back home they blocked the way. Возвращаясь домой, они преграждали путь (чертя черту снеговывивалкой).

**Рывитк'ивык** [rəwitqiwək]. Jeter un sort. To cast a spell over s.o. Околдовывать. **Ытльата** **рывитк'ивнин** **экык**. La mère jeta un sort à son fils. The mother cast a spell over her son. Мать околдовала сына.

**Рывытвытовык** [rəwətəwəwək]. Faire offrande de feuilles. To offer leaves. Одаривать листьями. **Ыргынан** **нанвытвытовынат** **йинийн**, **пэньёлгын**. Ils offrirent des feuilles au feu et au foyer. They offered leaves to the



fire and to the fireplace. Они одарили листьями огонь, очаг.

**Рыгтийгырьовык** [гэүтијүэгʔowək]. *Invoquer le vent. To call the wind. Вызывать ветер. Эн'эн'ылыын, микынэ ганыгтийгырьов-лен...* *Le chamane qui a invoqué le vent... The shaman who called the wind... Шаман, вызвавший ветер...*

**Рыйирык** [рыйирык]. *Organiser un repas funéraire. To organize a funeral repast. Устраивать поминки по покойнику.*

**Рыйытравык** [гэјətrawək]. *Oindre. To anoint. Помазывать. Чиниткин кытрэл рыйы-травнэн. Il oignit son propre front. He anointed his own forehead.* Он помазал собствен- ный лоб.

**Рыкававык** [гэкаwawək]. *Faire une offrande au feu, purifier par le feu. To do an offering to the fire, to purify by the fire. Делать приноше- ние огню, очищать огнём. Рэмкын нырэк'ивк'ин ралкогты, нэнанкавак'эн. On purifie par le feu ceux qui entrent dans la tente intérieure. People entering the inner tent are purified by the fire. Людей, входящих в полог, очищают огнём.*

**Рык'ан'ойпатъевык** [гэqan'ojpatjewək]. *Oindre la bouche. To anoint s.o.'s mouth. Обмазывать рот. Н'инк'эй ыпалга нэнанк'ан'ойпатъевык'эн. Elle enduisait la bouche du garçon de gras fondu. She anointed the boy's mouth with smelted fat. Она обмазы- вала рот мальчика топлёным жиром.*

**Рык'ымлёвык** [гэqəmlowək]. *Oindre de moelle. To anoint with marrow. Помазывать костным мозгом. Рык'ымлёвнэнат гыр-гытти. Elle oignit la planche à feu de moelle. She anointed the fireboard with marrow. Она помазала доску для зажигания огня кост- ным мозгом.*

**Рымигчирэвык аммынга** [гэмијsirewək amməny]. *Pratiquer l'imposition des mains. To practise imposition of hands. Обрабатывать только руками. Аммынга нинэнмигчирэвк'ин кмин'ын. Il pratiqua l'imposition des mains sur l'enfant. He practised imposition of hands on the child. Он возложил руки на ребёнка (для лечения).*

**Рымн'ивык** [рымн'іwык]. *Sacrifier, offrir en*

*sacrifice. To sacrifice, to offer as a sacrifice. Жертвовать. РэвымЗрэвк'эй-ым вай мыгтрэнымн'ивн'ын. Nous offrons une perdrix en sacrifice. We'll offer a ptarmigan as a sacri- fice. Мы сделаем обряд над куропаткой.*

**Рымн'эвъё** [рымн'ewjo]. *Sacrifié, objet d'un sacrifice. Sacrificed. Жертва. Нанмынат ынк'энат рымн'эвъёно. Ils tuèrent ceux-là comme objets de sacrifice. They killed these ones as offers. Они принесли их в жертву (убили).*

**Рымн'эвъё** [рымн'ewjo]. *Renne sacrificiel. Sacrificial reindeer. Жертвенный олень.*

**Рымутлевык** [рымутlewək]. *Oindre de sang. To anoint with blood. Мазать кровью. Ытльата рымутлевнин экин кытрэл. La mère avait oint de sang le front de son fils. The mother had anointed with blood her son's fore- head. Мать помазала кровью лоб сына.*

**Рыннымай, тынмай** [гənnəmaj, tənmaj]. *Tas de bois de rennes près d'une sépulture. Heap of antlers near a grave. Куча рогов. Паляквык к'ача нытвак'эн рыннымай. Près de la sépulture il y avait un tas de bois de rennes. Near the sepulture there was a heap of antlers. Около места погребения была куча рогов.*

**Рынрыквын** [гənrəkwan]. *Poignée du tam- bour. Handle of a drum. Ручка ярапа.*

**Рыпэтык** [гəpetək]. *Mettre en pièces. To tear to pieces. Растерзать. Эвын энмэч нынпэтк'ин. Visiblement ils (les esprits malins) la mettent déjà en pièces (l'âme de la victime). Obviously they (the evil spirits) already tear it (the victim's soul) to pieces. Оказывается, они (злые духи) уже терзали её (душу жертвы).*

**Рырэк'ыткувык** [гəreqətkuwək]. *Pratiquer un rite (litt. faire quelque chose). To make a ritual (lit. To do something). Совершать обряд (букв. что-то делать). Вэчыым люн'ынк'ыткувэ мытнатвыгъан. Nous l'avons apporté en oubliant peut-être de pra- tiquer un rite. We brought it but maybe forgot to make a ritual. Очевидно, мы принесли его, забыв что-то сделать (совершить ритуал).*

**Рырэк'эвыткук** [гəreqewətkuk]. *Procéder à un rite sur quelqu'un (litt. lui faire quelque*



chose). To make a rite on s.o. (lit. to do sth. to him). Совершить обряд над кем-либо (букв. сделать ему что-то). **А'лялэйн'ына ырэж'эвыткунинэт.** *Alalojnən procéda au rite sur eux («Il fit ce qu'il fallait sur eux»).* *Alalojnən made a rite on them.* А'лялэйн'ын совершил обряд над ними.

**Рытык** [rətək]. *Procéder à un rite.* To make a rite. Совершить обряд. **Мэчынкы тормэ-мылэлыын мытынтын.** *Il suffit que nous l'ayons fait (procédé au rite) quand il a capturé son premier veau marin.* We made a rite when he killed his first seal, that's enough. Достаточно, что мы совершили обряд, когда он убил свою первую нерпу.

**Рэквыткилвэй** [rekwətakilwej]. *Kilvej des femelles (entre le 20 et le 30 mai).* Female kilvej (between May 20th and 30th). Праздник рогов оленьей самки (проводится в 20-х числах мая).

**Рэккэн'** [rekken'] (мн. рэккэн'ыт). *Esprit malin.* Evil spirit. Злой дух. **Гитэнинэт вуск'ымчыку - к'ытлыги рэккэн'ыт.** *Elle avait probablement vu des esprits malins dans l'obscurité.* She had probably seen evil spirits in the dark. Она взгляделась в темноту – оказались злые духи.

**Рэккэтмуулыын** [rekketmuulʔən]. *Esprit malin conducteur de traîneau.* Evil spirit driving a sledge. Злой дух, ведущий санный обоз. **Рай рэккэтмуульэ нарай'он'н'отык.** *Les esprits malins conducteurs de traîneaux viendront vous voir.* Evil spirits driving sledges will come to you. Вот злые духи, ведущие сани, вскоре придут к вам.

**Рэнтыткоолк'ыл** [rentətcoolqəl]. *Viande de sacrifice.* Sacrifice meat. Мясо, предназначенное для жертвоприношения.

**Рэтан'ан'ылыын** [petan'an'əlʔən]. *Chamane agissant en rêve.* Shaman acting in dreams. Шаман, действующий во сне, сновидец.

**Ынпыначга лынин рэтан'ан'ылыын ынк'ам йынаннэн, ин'к'ун ынан экык нынэювнин.** *Le vieillard vit un chamane des rêves et lui demanda de ressusciter son fils.* The old man saw a shaman acting in dreams and asked him to resuscitate his son. Старик увидел сновидца и попросил его воскресить сына.

**Рэтытаан'гыргын** [petətaan'γəγən]. *Ce qui a rapport aux fêtes liées aux indications reçues en rêve.* What is in relation to the feasts performed according to the indications of dreams. То, что имеет отношение к праздникам, устройство которых связано с указанием, полученным во сне.

**Рэчыёвык** [resəjowək]. *Consolider le cercle du tambour avec une lanière.* To fasten the circle of a drum with a string. Скреплять обод бубна ремнем, чуть обрызгивая водой. **Нык'алылыынвэтгавк'эн рэчыёв-ма ярар.** *Il réfléchissait tout en consolidant le cercle du tambour avec une lanière.* He was thinking while fastening the circle of the drum with a strap. Он думал про себя, скрепляя обод бубна ремнем и обрызгивая его водой.

**Рэювык** [rejuwək]. *Ressusciter.* To resuscitate. Воскресить. **Вылыын тынэювын, к'ыркургыткы.** *J'ai ressuscité le mort, payez-moi.* I resuscitated the deceased, pay me. Я воскресил покойного, платите мне.

**Таарон'ё вагыргыт** [taaronjo wəγəγət]. *Esprits auxquels on offre des sacrifices; points cardinaux.* Spirits to which people offer sacrifices; cardinal points. Духи, которым приносят жертву; стороны света.

**Таарон'вагыргын** [taaron'wəγəγən]. *Vie selon la Loi.* Life according to the Law. Жизнь по Закону. **К'ытлыги таарон'вагыргын.** *Visiblement, il faut vivre selon la Loi.* We obviously must live according to the law. Очевидно, нужно жить по закону.

**Таарон'гыргын** [taaron'γəγən]. *Sacrifice.* Sacrifice. Жертвоприношение.

**Таарон'гыргыт** [taaron'γəγət]. *Directions vers lesquelles on se tourne pour les sacrifices.* Directions to which are made sacrifices. Направления, по которым совершаются жертвоприношения.

**Таарон'ьян** [taaron'jan]. *Ceux qui font des offrandes.* People who offer. Люди, делающие жертвоприношения. **Таарон'ьянвэтынинэйлыгым.** *Je le donne à ceux qui font des offrandes.* I give it to those who make offerings. Я его даю тем, кто делает жертвоприношения.



**Таарон'ык** [taaron'ək]. *Demander grâce; s'incliner; procéder à un rite; protéger la nature; respecter. To cry for mercy; to bow; to practise a ritual; to protect nature; to respect. Просить пощады; кланяться; совершать обряд жертвоприношения; беречь природу; уважать.*

**Таарон'ык** [taaron'ək]. *Faire un sacrifice. To sacrifice. Делать жертвоприношение.*

**Чен'эт ан'к'атаарон'ыльморэ, к'ывылгык'ан'окэргынгэ.** *Puisque nous devons faire un sacrifice à la mer, mets ton habit moucheté en fourrure à toison fine. Since we have to sacrifice to the sea, put your spotty thin fur clothes. Раз мы должны делать жертвоприношение морю, надевай одежду из пёстрой шкуры.*

**Таарон'ыквын** [taaron'əkwən]. *Objet d'un sacrifice. Object of a sacrifice. Предмет жертвоприношения. Ы'ттгык'эк'эй нык'этвык'ин таарон'ыкво.* *On abattait un chiot comme objet du sacrifice. They slaughtered a dog as an object of sacrifice. Убивали щенка в качестве жертвы.*

**Таарон'ыткон** [taaron'ətkon]. *Offrandes. Offerings. Жертвоприношения.*

**Таарон'ыткот тан'ымыльо рэнлейвыгни-нэт.** *Elle emportera toutes les offrandes. She will take away all the offerings. Она унесёт с собой все жертвоприношения.*

**Таарон'эчгын** [taaron'esɣən]. *Objet d'offrande. Object of an offering. Предмет жертвоприношения. Ныпирик'инэт*

**Тэнантомгын'эты таарон'эчго.** *Ils les prenaient comme offrandes au Créateur. They took them as offerings to the Creator. Они их брали в качестве жертвоприношений Создателю.*

**Тагтамн'эвык** [taɣtamn'ewək]. *Purifier contre les esprits malins. To purify against evil spirits. Очистить от злых духов. Нэнэны гатагтамн'эвылен.* *L'enfant avait été purifié contre les esprits malins. The child had been purified against evil spirits. Ребёнка очистили от злых духов.*

**Тайн'о лын'ык** [tajn'o lən'ək]. *Accuser de pécher; fuir comme une contagion. To accuse of sin; to avoid like contagion. Считать грехом; избегать, как заразы.*

**Тайн'о лын'ык** [tajn'o lən'ək]. *Considérer comme sacré. To consider sth. holy. Считать священным. Ынн'ин этгыргыт н'ан тайн'о нылгык'инэт.* *Ces façons de faire étaient considérées auparavant comme sacrées. These ways of doing were before considered holy. Такие действия считались священными.*

**Тайн'ыгыргын** [tajn'əɣɣən]. *Péché; malheur. Sin; misfortune. Грех; несчастье.*

**Майн'ытайн'ыгыргын вэрэтвэтгавкы лунин.** *Il a vu que demander la mort volontaire était un grand péché. He saw that asking for a voluntary death is a great sin. Он увидел, что просить добровольную смерть большой грех.*

**Тайн'ыквыт** [tajn'əkwt]. *Objets familiaux sacrés. Family charms. Семейные связки священных предметов. Тайн'ыквыт ынн'э гынан эннэкэ к'ынтыгынэт.* *Ne sors pas les objets sacrés. Don't take off the family charms. Ты не выноси священные семейные связки.*

**Тайшонрамкын** [tajʃonramkən]. *Ceux qui font venir la tempête. Those who provoke a snowstorm. Те, кто вызывает пургу.*

**Так'аман'ёлгын, так'анан'** [taqamanjolyən, taqanan']. *Cuvette en cuir dans laquelle on bat la viande congelée ou les os sur une pierre. Basin in which people break frozen meat or bones on a stone. Кожаный таз, в котором на камне разбивают мёрзлое мясо, кости.*

**Талян'япкэнан', талян'япкэначьэнан'** [talanjapkenan', talanjapkenasʔenan']. *Selon la coutume, la tradition. According to the custom, to the tradition. Согласно обычаю, традиции. Талян'япкэначьэнан' мэчынкы ратван'ыт игыркинэт?* *Les gens d'aujourd'hui pourraient-ils vivre selon la tradition? Could today's people live according to the tradition? Смогут ли сегодняшние люди жить по древним традициям?*

**Тамн'энвын'ык** [tamn'enwən'ək]. *Préparer un lieu pour un rite. To prepare a place for a ritual. Приготовить место для обряда. Вынэ к'ытамн'энвынтык.* *Allons, préparez un lieu pour le rite. Well, prepare a place for a ritual. Давайте-ка приготовьте место для обряда.*



**Танн'ыярар** [tann'əjarar] (мн. танн'ыярартэ). *Tambour sans poignée. Drum without a handle. Бубен без ручки. Н'эвыск'этти ныпирик'инэт танн'ыярартэ. Les femmes prennent le tambour sans poignée. Women take drums without handles. Женщины берут бубны без ручек.*

**Таномн'атык** [tanomn'atək]. *Renforcer la demeure au moyen de charmes contre les esprits malins pendant des obsèques. To fortify dwellings with charms against evil spirits during burials. Укреплять жилище чарами против злых духов во время похорон.*

**Таномн'ыльын** [tanomn'əlʔən]. *Personne qui fortifie le logis par des charmes; personne qui préside à un rituel. Person who fortifies a dwelling with charms; person who leads a religious ritual. Человек, укрепляющий жилище чарами; руководитель религиозного ритуала.*

**Тантын** [tantən]. *Nom des cailloux du chapellet d'objets sacrés représentant le sol où l'on marche. Name of the stones of the charm strings representing the ground where people walk. Названия мелких камней (тайн'ыквыт), изображающих землю, по которой ходят.*

**Тан'ымэльтон'эт** [tan'əmelʔotkon'et]. *Pendant toute la séance chamannique. During all the shamanistic ceremony. В течение всего шаманского ритуала. Тан'ымэльтон'эт К'эргынкаав нылгыгынрырэтк'ин. Pendant toute la séance chamannique Qergänkaav observa attentivement. During all the shamanistic ceremony Qergänkaav attentively observed. В течение всего шаманского ритуала К'эргынкаав внимательно наблюдал (за происходящим).*

**Тивычгын, тивыйгын, тивинэн'** [tiwəsyən, tiwəjyən, tiwinen']. *Battoir à neige (utilisé dans certains rites). Antler used to shake snow off clothes, boots, yaranga (used in certain rites). Снеговывивалка (используемая в обрядовых мероприятиях).*

**Тинэнвулк'ытвик** [tinenwulqətwik]. *Faire venir la nuit. To make the night come. Вызвать ночь. Тинэнвулк'ытвинин. Il fit venir la nuit pour lui. He made the night come for him. Он ему вызвал ночь.*

**Тинэниквичитык** [tinениkwisitək]. *Abreuver rituellement un renne après abattage. To water ritually a reindeer after killing. Поить ритуальной водой забитого оленя.*

**Тиркынэку, тиркыкэлы** [tirkəneku, tirkəkələ]. *Esprit du soleil. Spirit of the sun. Дух солнца. Тиркынэку, лыгъоравэтльаргэн тиркыкэлы... Tirkəneku, l'Esprit du Soleil chez les Tchouktches... Tirkəneku, the Chukchi Spirit of the Sun... Тиркынэку, Дух Солнца у чукчей...*

**Титумилгэтык** [титумилгэтык]. *Allumer le feu avec le nécessaire à feu. To light a fire on the fire set. Разжигать огонь на гыргыре (на доске). Н'эвыск'этти нытитумилгэтк'инэт гыргырэ. Les femmes allument le feu à l'aide du nécessaire à feu. Women light a fire on the fire set. Женщины разжигают огонь на гыргыре.*

**Тоттомгытагныкэн** [tottomgətaynəkən] (мн. тоттомгытагныкэнат). *Créature des temps de la création. Being of the time of the creation. Времён творения существо. Этьым ынк'энат тоттомгытагныкэнат. Ceux-là sont probablement les créatures des temps de la création. These probably are the beings of the time of the creation. Это очевидно времён творения существа.*

**Троочгык'агтэ автатыёкэн** [trosyəqayte awtatəjoken]. *Creux dans le cercle du tambour pour onction rituelle. Hollows in the circle of a drum for ritual onction anointing. Углубления на обечайке ярара для ритуальных помазаний.*

**Тумгык'эй** [tumgədej]. *Âme perdue par un malade et rapportée par le chamane. Soul lost by a patient and brought back by a shaman. Принесённая обратно шаманом душа, потерянная больным.*

**Тумгыньэлыльын** [tumgənʔeləlʔən]. *Chamane qui a rapporté l'âme d'un malade. Shaman who brought back the soul of a patient. Шаман, обратно принёсший душу больного.*

**Тумгытум** [tumgətum]. *Esprit auxiliaire. Assistant spirit. Дух-помощник. К'эйн'ун гынан рьэнут тумгү нинэлгигыт. D'habitude qui prends-tu comme esprit auxiliaire ? Whom do you usually take as an*



*assistant spirit? Кого ты обычно берёшь духом-помощником?*

**ТЪЫМЧУВЭТЫК** [tʰəmsuwetək]. *Brûler les os. Rituel de fin d'abattage des rennes. To burn bones. Ritual after reindeer slaughtering. Сжигание костей. Ритуал заключительного дня праздника осеннего забоя.*

**ТЪЭЛЫКЭЛЬЭЛЫН** [tʰeləkəlʰelʰən]. *Chamane dont l'esprit auxiliaire est une chouette. Shaman whose auxiliary spirit is an owl. Шаман, имеющий сову в качестве помощника.*

**ТЫВТЫВ** [təwtəw]. *Mot; mot d'incantation. Word; word of incantation. Слово; слово заговора. Гамгатывтыв нинэнпэлк'ынтэвк'ин. On ramena chaque mot de l'incantation. He brought back every word of the incantation. Каждое слово заговора отправляя обратно.*

**ТЫВЫК** [təwək]. *Vouer. To consecrate. Посвящать. К'оран'ыгатвыленан'к'агты. Le renne avait été voué à la mer. The reindeer had been consecrated to the sea. Оленя посвятили морю.*

**ТЫКГИЧЬЫН** [təkʰiʃʰən]. *Təkgisən, une créature fantastique. Təkgisən, a fantastic creature. Тыкгичьын, фантастическое существо, живущее в жилище с человеком. Этлы эвинвукылын, Тыкгичьэ нарайьогыт. Ne mange pas en cachette, Təkgisən t'attraperait. Don't eat secretly, Təkgisən would catch you. Не ешь тайком, Тыкгичьын поймает тебя.*

**ТЫК'ИН'ЭВЫТ** [təqin'ewət] (мн. тык'ин'эвытти). *Esprit malin. Evil spirit. Злой дух женщина-жук.*

**ТЫМЫК ГЫРГОЛЯГТЫ** [təmək ɣəɣolajətə]. *Offrir en sacrifice. To sacrifice. Приносить в жертву верхним существам. Гынин томгыттгын'ын ранмын'ын гырголягты. Tu sacrifieras ton chien favori. You'll sacrifice your favourite dog. Ты принесёшь собаку в жертву верхним существам.*

**ТЫНЫТГЪЫМАГНЫ** [tənəttʰəmaɣnə]. *Erection rituelle d'un tas de bois de rennes. Ritual raising of a pile of reindeer antlers. Ритуальное сооружение из оленьих рогов.*

**ТЫНЭТВАН** [tənətwan]. *Tas de bois de rennes et de brindilles de saule. Heap of antlers and*

*twigs of willow. Куча оленьих рогов и веточек ивы.*

**ТЫН'ЭЧЕЙВЫН'Э** [tən'esejwən'e]. *Epouse de l'Aube. Dawn's wife. Жена Рассвета.*

**ТЫРКЫЛЫК'ААНМАТГЫРГЫН** [tərkəlʰəqaanmatɣəɣən]. *Début du deuxième abattage d'automne et rite. Beginning of the second autumnal slaughtering and rite. Наступило время второго осеннего забоя оленей.*

**ТЭВИТЫН'ЫК** [tewitən'ək]. *Acquérir un pouvoir chamanique, être inspiré par la force chamanique. To gather shamanistic power, to be inspired by a shamanistic force. Приобрести шаманскую силу, вдохновляться шаманской силой.*

**ТЭВЛЯГЫРГЫН** [tewlajəɣən]. *Danse de la Reconnaissance (on se secoue en fin de rite pour chasser le mal et la maladie). Thanksgiving dance (shaking at the end of a rite to turn evil and illness out). Заключительный танец ритуала благодарения («стряхивание» бед и болезней в конце праздника).*

**ТЭВЭЛТИ** [tewelti]. *Morceaux d'os qu'on jette dans le feu rituel. Bits of bones which are thrown in the ritual fire. Расколотые кости голени оленя, которые бросают в ритуальный огонь.*

**ТЭЛГЭРИН, ТЭЛН'ЭРИН** [telɣerin, teln'erin] (мн. тэлгэрит). *Graphite (sert au tatouage). Graphite (used for tattooing). Графит (используемый для татуировки). Тэлгэритэ йытратылын вьигы. Celui qui était oint de graphite mourut. The one ointed with graphite died. Помазанный графитом умер.*

**ТЭМЛЮН** [temlun]. *Poignée du tambour. Handle of a drum. Ручка бубна.*

**ТЭМЬЮН'ЫК** [temjun'ək]. *Tromper (pour les esprits). To deceive (of spirits). Обмануть (о злых духах). К'оо, юрэк' нэтэмьюн'гым. Je ne sais pas, ils (les esprits) m'ont peut-être trompé. I don't know, they (the spirits) may have deceived me. Я не знаю, они (духи), может быть, обманули меня.*

**ТЭНАТРТЫВАН'ГЫРГЫН** [tenatrətwan'ɣəɣən]. *Fête de l'abattage d'hiver. Feast of winter slaughtering. Праздник зимнего забоя оленей.*



**Тэн'кэлы** [ten'kelə] (мн. тэн'кэльэт). *Esprit bienfaisant. Benevolent spirit. Благожелательный дух. Ыныкит ынк'эн тэн'кэлы ритгъэ, мачынан! Si c'est un esprit bienfaisant, soit! If it is a benevolent spirit, so be it! Если это будет благожелательный дух, пусть!*

**Тэн'чимн'ульын** [ten'simn'ulʔən]. *Chamane bienveillant. Benevolent shaman. Благожелательный шаман.*

**Тэпъэлюн'ык** [teʔelun'ək]. *Enfreindre les tabous. To transgress taboos. Нарушать табу.*

**Тапъалён'ын'н'огъэ н'ээкык.** *La fille s'est mise à enfreindre les tabous. The daughter began transgressing taboos. Дочь стала нарушать табу.*

**Тэркымн'элё** [terkəmn'elo]. *Fête du soleil. Sun ritual. Праздник Солнца. Нытвак'эн тэркымн'элё. C'était la fête du soleil. It was the sun ritual. Это был Праздник Солнца.*

**Тэркынтон** [terkənton]. *Fête de l'apparition du soleil. Feast of the coming back of the sun. Праздник появления солнца.*

**Тэрык'ы** [terəqə]. *Terəqə (homme changé en monstre). Terəqə (man changed into a monster). Тэрык'ы (человек, превращающийся в чудовище). Ынинэлыт мэрынрэ о'ратарык'агты эквэтгъэт. Les frères aînés se dirigèrent lentement vers le monstre. The elder brothers slowly went towards the monster. Старшие братья медленно пошли в сторону чудовища.*

**Тэрынрилгын'кэн каргык'агтэ** [terənriʔən'ken kaɣəqəʔte]. *Orifices sur le cercle du tambour. Holes on the circle of a drum. Отверстия на обечайке для ремня.*

**Тэткэюн'** [tetkejun']. *Force vitale. Vital force. Жизненная сила. Гынэнайн'ын таткаён'ыйн'ын гапрорма тытин'уркын. Je tire ta grande force vitale avec ton aorte. I draw off your vital force together with your aorta. Твою жизненную силу вместе с аортой вытягиваю.*

**Тээтавн'ыгыргын, н'энрир'угъи** [teetawn'əʔəɣən, n'ənriʔuʔi]. *Fête de la préparation des peaux du deuxième abattage d'automne. Feast of the preparation of skins of the second autumnal slaughtering. Праздник*

*выделки шкур для одежды: второй осенний забой оленей.*

**Увирит, увэкэгыргын** [uwirit, uwekeʔəɣən] (мн. увиритти). *Âme. Soul. Душа. Эпэн увирит рарагтыгъа. L'âme du grand-père reviendra à la maison. Grand-father's soul will come back home. Душа дедушки вернётся домой.*

**Увириткыльин** [uwiritkəlʔin]. *Personne qui a perdu une partie de sa force vitale. Man who partly lost his vital force. Человек, который потерял часть своей жизненной силы.*

**Уйвэл** [ujwel]. *Mauvais sort, mauvais oeil. Spell. Злые чары, порча. Энаральэн ынпын'эвк'эйин уйвэл. C'était un sort jeté par la vieille voisine. It was a spell cast by the old neighbour. Это была порча, насланная старой соседкой.*

**Уйвэлен'эн'ыльын, уйвэлыткульын** [ujwelen'en'əlʔən, ujwelətkulʔən]. *Chamane capable de provoquer le mal, la maladie. Shaman able to strike evil, illness into s.o. Шаман, напускающий беду, болезнь.*

**Уйвэлык, уйвэлыткук** [ujwelək, ujwelətkuk]. *Jeter un mauvais sort. To cast a spell. Заколдовывать; насылать злые чары. Ынк'эн к'лявил ытльата ойвальё. C'était l'homme à qui sa mère avait jeté un sort. He was the man on whom his mother cast a spell. Это был человек, заколдованный матерью.*

**Уйвэлынпын'эвк'эй** [ujwelənpən'ewqe]. *Sorcière. Witch. Колдунья.*

**Уйн'э аянракальака** [ujn'e ajanrakalʔaka]. *Chamane non ventriloque. Shaman non ventriloquist. Шаман, не умеющий чревоващать.*

**Уккэмлил** [ukkemlil]. *Cercle du tambour. Circle of a drum. Обечайка яряра.*

**Уккэнчи, лгывутэчгын** [ukkensi, lʔəwutesʔən]. *Vêtement imperméable en intestin de morse ou de phoque barbu dont les hommes se vêtaient ou se couvraient la tête lors de la mise en place du kilveï. Waterproof made of walrus or beardseal skin which men put on or covered their heads with when preparing the kilvej rite. Дождевик из моржовых или лахтачьих кишок; мужчины надевали*



его на себя или покрывали им голову во время оборудования жертвенного места для праздника Килвэй.

**УЛВЭВ** [ulwew]. *Fête d'été après la transhumance de printemps. Summer feast after spring transhumance. Летний праздник после весенней кочёвки.*

**УМК'ЭКЭЛЬЭЙРЫҢЫН** [umqekelʔejərʔən]. *Ours-esprits malins. Polar bear evil spirit. Злой дух белого медведя.*

**УМК'ЭКЭЛЬЭЙРЫҢЫН ГЭЙН'ЭВЛИН.** *Il invoqua des ours-esprits malins. He invoked polar bear evil spirits. Он призвал злого духа белого медведя.*

**УННЭЛҒЫН** [уннелгын]. *Membrane du tambour. Membrane of a drum. Мембрана бубна.*

**УТТЫМИЛҒЫТ** [uttəmilʔyɪt]. *Nécessaire à feu. Set to get fire. Комплект для добывания огня. УТТЫМИЛҒЫТ ЫНАН НЫМЭЛЬЭВ ГАНАТЧЫН'АТЛЕНАТ (Тэрык'ы 122). Il avait bien caché son nécessaire à feu. He had carefully hidden the set to get fire. Он тщательно спрятал комплект для добывания огня.*

**УТТЫН'ЭВ, Н'ЭВЭРМЭЧЫН** [uttən'ew, n'ewerməʔən]. *Figurine de bois protectrice de la yaranguie et du troupeau. Wooden figurine protecting the yaranga and the herd. Деревянная фигурка – защитница яранги и стада.*

**ЧАМЭТАТКОЭВҢЯН** [sametatkoewjan]. *Incantation contre ceux qui s'insinuent. Incantation against those who creep. Заговор от тех, кто подкрадывается.*

**ЧАМЭТАТКОЭВҢЯН МЫЙЫЛҒЫР.** *Je te donnerai une incantation contre ceux qui s'insinuent. I'll give you an incantation against those who creep. Я тебе дам заговор от тех, кто подкрадывается.*

**ЧГЭТЭН** [syetʔen]. *Renne avec le sang duquel on procède à des onctions. Reindeer whose blood is used for anointments. Олень, кровью которого делают помазания.*

**ЧЕВТЭЧЕВ, ЛЕВТЭЧЕВ** [sewtʔesew, lewtʔesew]. *Bandeau de tête (avec amulettes de bois). Head wrapper (with wooden amulets). Головная повязка (с нашитыми деревянными амулетами).*

**ЧЕВЧЭЧЕВ** [sewsʔesew]. *Bandeau de tête protecteur. Protection headband. Головная повязка.*

**ЧЕГМЫГТОЛК'ЫЛ, ЧЕМЧЕН** [seyməyʔtolqəl, semsen]. *Partie antérieure de la côte du renne où est dirigé le coup de lance pendant l'abatage rituel. Front part of the reindeer rib at which is aimed the spear during a ritual slaughtering. Передняя часть ребра оленя, куда направляется удар копья во время ритуального забоя.*

**ЧИН'ИВЭК'ЫК** [sin'iweqək]. *Procéder à un rite chamanique pour quelqu'un. To make a shamanistic ritual. Шаманить. А'ТАВ ЧИТ ТЫЧИН'ИВЭК'ЫН. A tout hasard j'ai procédé à un rite chamanique pour lui. Just in case I made a shamanistic ritual for him. Я шаманил на всякий случай.*

**ЧИН'ЭЙН'ЭВ** [sin'ejn'ew], **ЧЫГЭЙН'ЭВ** [səyejn'ew]. *Səgejnev, épouse de Keretkun, dieu des mers. Səgejnev, wife of Keretkun, the chief being of the sea. Жена Кереткуна, главного божества морей.*

**ЧУКЭТЫК** [suketək]. *Demander qq. ch. au maître de maison pendant le rite de la reconnaissance. To ask sth. the host during the thankfulness rite. Просить чего-то у хозяина во время обряда благодарения.*

**ЧЫГРЫМН'ЭТЫК** [səygrəm'n'etək]. *Chanter des chansons à ses ancêtres. To sing songs to one's ancestors. Петь песни своим предкам.*

**ЧЫМН'АКЭЛВАЙ** [səmn'akelwaj] (мн. чымн'акэлвагтэ). *Fête des bois de renne mâle (entre le 20 et le 30 avril). Feast of male reindeer's antlers (between April 20th and 30th). Праздник рогов оленя-быка (проводится в 20-х числах апреля).*

**ЫЛПЫКЭЛИК** [əlpəkəlik]. *Tatouer le visage. To tattoo the face. Татуировать лицо.*

**ЫЛПЫКЭЛИЛЫН** [əlpəkəlilʔən]. *Tatoué. Tattooed. Татуированный (на щеках).*

**ЫЛПЫКЭЛИН** [əlpəkəlin]. *Tatouage. Tattooing. Татуировка.*

**ЫН'ЫН'** [ən'ən'] (мн. ын'ын'ыт). *Colle pour appliquer une membrane sur un cercle de tambour. Glue used to stick a membrane on a drum. Клей для приклеивания мембраны к обечайке.*



- Бичвэкэтгыргын** [əswəketygəgən]. *Viande offerte aux présents sur le lieu d'un rite. Meat offered to present persons on a ritual place. Мясное угощение, раздаваемое на жертвенном месте.*
- Б'мги, ы'мгин'** [ʔəmyi, ʔəmyinʔ]. *Base d'un os servant pour la divination. Foot of a bone used for divination. Сторона плоской кости, служащая для гадания.*
- Б'мничук** [ʔəmnisuk]. *Danser légèrement. To dance slightly. Пританцовывать.*
- Б'мынпын** [ʔəmənpən]. *Mâchoire inférieure de baleine, objet de culte des Tchouktches maritimes. Lower jaw of a whale, object of worship among Chukchis of the seashore. Нижняя челюсть кита, предмет культа у приморских чукчей.*
- Б'твээт** [ʔətʋət]. *Autre nom du tambour. Other name of the drum. Другое название бубна.*
- Б'твык'эмэтык** [ʔətʋəqemetək]. *Procéder au rite des barques. To practise the ceremonial of boats. Совершить ритуал, связанный с лодками.*
- Б'твыльыт** [ʔətʋəlʔət]. *Participants à un concours de course à l'occasion de l'abatage des rennes. Competitors of a run on the occasion of reindeer slaughtering. Участники состязания в беге при забое оленей.*
- Эвъян** [ewjan] (мн. эвъянвыт). *Incantation, charme. Incantation, charm. Заговор.*
- Эвъянватгыргын** [ewjanwatgyryyn]. *Charme (action chamanique la plus complexe et la plus embrouillée). Spell (the most complicated shaman's action). Заклинания (наиболее сложные и запутанные шаманские действия).*
- Эвъянватык** [ewjanwatək]. *Jeter un charme. To cast a spell. Околдовывать. Эмк'ынтыпык нэнэвъянватк'эн к'эпыл.* *A chaque point de couture elle jetait un charme au ballon. At each stitch she casts a spell on the ball. Накладывая каждый шов, она произносила заклинание, которое заколдовывало мяч.*
- Эвъянватык, эвъянвык** [ewjanwatək]. *Exorciser. To exorcise. Заклинать, заговаривать.*
- Эвъянвывагыргын** [ewjanwəwəgəgən]. *Esprit de l'incantation. Spirit of incantation. Дух заговора. Нинэнинтыткук'ин эвъян-вывагыргэты.* *Il en offre aux esprits de l'incantation. He offers it to the spirit of incantation. Он дарит его духу заговора.*
- Эвъянвыткольыт** [ewjanwətkolʔət]. *Chamanes faisant des incantations. Shamans who make incantation. Шаманы-заклинатели.*
- Эгрэн'эн'ыльын** [egren'en'əlʔən]. *Chamane soignant les inflammations pulmonaires. Shaman curing inflammations of the lungs. Шаман-лекарь, лечивший заболевания легких.*
- Эймитык** [ejmitək]. *Soigner par action chamanique. To cure by a shamanistic way. Вылечивать шаманством.*
- Эйьут** [ejʔut], **эют** [ejut]. *Incantation maléfique destinée à provoquer une perte de vitesse d'un rival dans une course. Harmful incantation to reduce the speed of a rival in a race. Зловредный заговор, произносимый для уменьшения скорости соперника в беге.*
- Эйьутэн** [ejʔuten]. *Philtre. Philtre. Зелье. Эйьутэн мыйылгыт.* *Je te donnerai un philtre. I'll give you a philtre. Я тебе дам зелье.*
- Эйьутэн** [ejʔuten]. *Etat d'hypnose. Hypnosis. Гипноз. Нэмэ эйьутэн гантомгавлен.* *De même avait été créé l'état d'hypnose. In the same way was created hypnosis. Таким же образом был создан гипноз.*
- Эквэчегыргын**, [ekweseəgəgən]. *Rituel de l'aspersion d'une peau d'ours brun. Ritual of aspersion of a brown bear skin. Ритуал «поения» шкуры бурого медведя.*
- Элгык'ай** [elgyqaj] (мн. элгык'агтэ). *Planchette usuellement utilisée pour le travail de la peau des pattes sur laquelle on écrase de la graisse rituelle de renne. Little board used to work the skin of a reindeer legs on which ritual reindeer fat is crumbled. Маленькая дощечка, на которой женщины обрабатывают олений камус. Во время праздников на ней крошат куски жертвенного жира.*
- Элэьлатгыргын** [elolʔatgyryyn]. *Danse. Dance. Танец.*
- Элкалынкэлвай** [elkalənkəlwaj]. *Fête des*



*bois de renne mâle (entre le 20 et le 30 avril). Feast of male reindeer's antlers (between April 20th and 30th). Праздник рогов оленя-быка (проводится в 20-х числах апреля).*

**Эльоткогыргын** [elʔotkoʔəɣyən]. *Séance chamannique avec tambour. Shamanistic performance with a drum. Процесс игры на бубне при шаманском камлании.*

**Эльоткьолявил** [elʔotkʔolawəl]. *Chamane. Shaman. Шаман.*

**Эмн'олык!** [emn'olək]. *C'est cela! (encouragement au chamane pendant une séance). That's it! Go on! (spur to a shaman during a seance). Вот-вот! Так! Ну-ка! (Одно из восклицаний слушателей во время шаманского сеанса.)*

**Эмрэлетык** [emrʔeletək]. *Peindre rituellement. To paint according to a ritual. Красить согласно ритуалу. К'лявыля ымыльо нинэмрэлетьюук'инэт. L'homme leur fit à tous des peintures rituelles. The man painted them all according to the ritual. Мужчина красил их всех согласно ритуалу.*

**Эмчемэк** [emsemək]. *Abreuver un animal tué selon le rite. To water a killed animal according to the rite. Поить животного согласно ритуалу. Тын'эн'н'энэ мэмылк'ай эмчэ-мэнэн. Təpennə abreuva le phoque selon le rite. Təpennə watered the seal according to the rite. Тын'эн'н'ы напоила нерпу согласно ритуалу.*

**Энаал** [enaal], **энагал** [enayal]. *Morceau d'habit funéraire qu'on ajoute aux objets familiaux sacrés. Bit of the funeral clothes added to the charm string. Кусок похоронной одежды, прибавленный к священным семейным предметам.*

**Энагнэнттыткогыргын** [enaynentətkoʔəɣyən]. *Offrande. Offering. Жертвенное приношение.*

**Энагнэнттыткогыргын торвытаткэн.** *Offrande à la nouvelle pousse des feuilles. Offering to the new growth of leaves. Приношение из молодых листьев.*

**Энанйытравык** [enanjətrawək]. *Asperger de sang. To offer up. Делать жертвоприношение. Э'нк'эв энанйытраквэ тэркын'к'ачагты. Enqev jeta quelques gout-*

*tes de sang en direction du soleil. Enqev threw a few drops of blood towards the sun. Э'нк'эв сделал жертвоприношение солнцу.*

**Энанкааквыргын** [enankaakwəɣyən]. *Sacrifice au feu. Sacrifice to the fire. Жертвоприношение огню.*

**Энанэнттыткоё** [enanentətkojo]. *Personne à qui on fait l'offrande. Person who receives an offering. Тот, кому делают жертвоприношение. Ынк'эн ытрьэск'эв н'утигивик нымывальа энанэнттыткоё. C'était le dernier à qui les habitants faisaient une offrande cette année-là. That one was the last to whom the inhabitants made an offering that year. Этот был последний, кому жители делали жертвоприношение в этом году.*

**Энанэнттыткоёлгын** [enanentətkojəlyən]. *Récipient en bois pour le sacrifice. Wooden container used during a sacrifice. Деревянный сосуд для жертвоприношения.*

**Энанэнттыткон** [enanentətkon] (мн. энанэнттыткот). *Lieu de sacrifice. Place of offering. Место для жертвоприношения.*

**Н'эвыск'этти нымилгыннэк'инэт энанэнттытконвэты.** *Les femmes portent le feu vers le lieu du sacrifice. Women take the fire towards the place of offering. Женщины несут огонь к месту для жертвоприношения.*

**Энатвато лын'ык** [enatwato lən'ək]. *Promettre qq'un en sacrifice. To promise s.o. in sacrifice. Обещать что-либо или кого-либо как жертвоприношение. Ынин н'ээкык ан'к'агты энатвато лыгинн. Il promit sa fille en sacrifice à la mer. He promised his daughter in sacrifice to the sea. Он обещал дочь как жертвоприношение морю.*

**Энатватык** [enatwatək]. *Envoûter. To bewitch. Околдовывать. К'аат энатватынат. Il envoûta les rennes. He bewitched the reindeer. Он околдовал оленей.*

**Энатлят** [enatlat] (мн. энатляттэ). *Paiement au chamane pour des soins. Payment to the shaman for medical care. Плата шаману за лечение.*

**Энатчыгыргын, инэтчыркын** [enatsəɣyən, inetsərkən]. *Fête liée à la capture de bête à fourrure. Feast connected with the capture of a fur animal. Праздник, связан-*



ный с поимкой пушных зверей.

**Энмытаан'** [enmɔtaan']. *Esprit des montagnes. Mountain spirit. Дух гор.*

**Эн'инмын** [en'inmən] (мн. эн'инмыт). *Prédiction. Prediction. Предсказания.*

**Б'ининэт эн'инмыт пэнинэт инэнпыткэ-выльыт.** *Ses prédictions tombaient toujours juste. His predictions always were exact. Его предсказания всегда были точны.*

**Эн'эн'** [en'en']. *Savoir chamanique; dieu. Shamanistic knowledge; god. Шаманское умение; бог. Эн'эн'э нылпуурьыткук'инэт.* *Ils échangeèrent leur savoir chamanique. They exchanged their shamanistic knowledge. Они обменялись шаманским умением.*

**Эн'эн'** [en'en']. *Art de chamaniser. Shamanistic art. Шаманское искусство. ...тан'вэньым эн'эн'ык ныркурк'ин.* *Il avait de grands talents dans l'art de chamaniser. He was very talented in shamanistic art. Он по-настоящему владел шаманским искусством.*

**Эн'эн'** [en'en']. *Isône, croix. Icon, cross. Икона, крест.*

**Эн'эн', эн'эн'ыткун** [en'en', en'en'ətɕun]. *Fête. Feast. Праздник. Мури й'бакоргава, о'птыма эн'эн' ныпкырк'ин.* *Nous nous réjouissions comme si une fête arrivait. We were delighted as if a feast was beginning. Мы радовались, будто наступил праздник.*

**Эн'эн'н'эвыск'эт** [en'en'n'ewəsɕet]. *Chamane de sexe féminin. Female shaman. Шаманка.*

**Эн'эн'ык курык** [en'en'ək kurək]. *Être réputé en art chamanique. To be famous in shamanistic skill. Считать сильным в шаманском умении. Эн'эн'ыльын эн'эн'ык ныркурк'ин.* *Le chamane était réputé en art chamanique. The shaman was famous in shamanistic skill. Шамана считали сильным в шаманском умении.*

**Эн'эн'ыльын** [en'en'əlʔən]. *Chamane. Shaman. Шаман. Б'инин-ым ытлыгын эн'эн'ыльын.* *Or son père était chamane. Now his father was a shaman. Однако его отец был шаманом.*

**Эн'эн'ытвик** [en'en'ətɕik]. *Devenir chamane. To become a shaman. Стать шама-*

*ном. Нутэк тан'амнымытвата гэн'эн'ытвилиң.* *A vivre toujours dans la tundra il était devenu chamane. As he had always lived in the tundra, he had become a shaman. Он получил дар стать шаманом, так как постоянно жил один в тундре.*

**Эн'эн'ытву лынъё** [en'en'ətɕu lənjo]. *Prédestiné. Doomed to inspiration. Обрекаемый на вдохновение.*

**Эн'эн'ыткук** [en'en'ətɕuk]. *Chamaniser. To chamanise. Шаманить. Эвыр трэн'эн'ытку, чьогыргын к'ытыллэпгын.* *Quand je chamaniserai, ouvre la portière. When I'll shamanize, open the door. Когда я буду шаманить, приоткрой полог.*

**Эн'эн'ыткун** [en'en'ətɕun]. *Dieu (d'église). God (of church). Бог (церковный).*

**Эпчиит** [epsiiit]. *Baguette de tambour. Drumstick. Ударная палочка для ярапа. Эпчиитэтэ лявтэпы кыпчевынэн.* *Il la frappa à la tête avec la baguette du jarar. He struck her with the drumstick. Побил её по голове палочкой для бубна.*

**Эпэпил** [epɛpil]. *Pope. Priest. Поп.*

**Эргаво лын'ык** [erɣawo lən'ək]. *Célébrer. To praise. Возносить хвалу, восхвалять. Ытри игыр эргаво мытылгыркынэт.* *Aujourd'hui nous les célébrons. Today we praise them. Сегодня мы их восхвалять будем.*

**Эр'ывытычгын** [erʔəwtəsɕən]. *Tunique rituelle féminine qui se porte sur le kerker. Ritual garment woman puts on her kerker. Ритуальная женская камлейка, носимая поверх кэркэра.*

**Эют** [ejut], **эй'ют** [ejʔut]. *Charme destiné à priver qq'un de rapidité. Spell used to deprive s.o. of rapidity. Заклинание с целью лишить кого-либо быстроты.*

**Э'йн'эткувивыр** [ʔejn'etkuwiwər]. *Planche pour le travail des peaux pendant un rite (de là on jette le feu en direction du troupeau). Board used to work skins during a rite (from it people throw fire towards a herd). Доска для выделывания шкур во время обряда (с неё бросают огонь в сторону стада).*

**Э'к'эн'ик** [ʔeqen'ək]. *Maudire. To curse. Проклинать.*



**Э'нк'этык** [ʔenqetək]. *Refuser (pour un défunt qu'on interroge). To refuse (of a questioned deceased). Отказаться (об опрашиваемом покойном). Il opposa son refus. He (the deceased) refused. Он (покойник) отказался.*  
**Э'н'калегыргын** [ʔen'kaleγəγən] (мн. э'н'калегыргыт). *Tatouage de nez. Nose tattoo. Носовая татуировка. Э'н'калегыргыт нинэлюйгыт. Ce sont les dessins faits sur ton nez que tu vois. You see the tattoo made on your nose. Ты видишь татуировку, сделанную на твоём носу.*  
**Ювьэт** [juwʔet]. *Os et dents sacrés. Sacred bones and teeth. Священные кости и зубы.*  
**Пурэлынэ рьылининэт ювьэт.** *Le serviteur passa les os et dents sacrés. The servant passed the sacred bones and teeth. Слуга передал священные кости и зубы.*  
**Ювьэчитык** [juwʔesitək]. *Tourner (pour les os et dents sacrés). To go round (of sacred bones and teeth). Вращаться (о священных костях и зубах). К'инэнрэтгытык, эвыр ювьэчитык. Tenez-vous solidement quand tourneront les os set dents sacrés. Hold on strongly when the sacred bones and teeth will turn. Крепко держитесь, когда будут вращаться священные кости и зубы.*  
**Ячгыткэлвай** [jaasγətkelwaj]. *Le dernier kilvej (fin mai). Last kilvej (end of May). Заключительный Килвэй (проводится в конце мая).*  
**Ягтачвагыргын** [jaγtaswaγəγən]. *Esprit de vie. Spirit of life. Дух жизни. Ягтачвагырга, н'аргынэната нэнавалёмк'эн. L'Esprit de Vie, l'Esprit de l'Univers l'entend. The Spirit of Life, the Spirit of the Universe hears him. Дух Жизни, Дух Вселенной его слышит.*  
**Яйвачвагыргын** [jajwaswaγəγən]. *Esprit de Compassion. Spirit of Compassion. Дух Сочувствия. Яйвачвагырга нэрэгитэгыт. L'Esprit de Compassion posera les yeux sur toi. The Spirit of Compassion will look at you. Дух Сочувствия тебя увидит.*  
**Янракалы** [janrakalə] (мн. янракалыт). См. **янрак'олек'ол.** *Esprit auxiliaire. Auxiliary spirit. Дух-помощник. Э'н'эн'ыльэ гыто нылгык'инэт чиниткинэт янракалыт. Les chamanes prennent soin de leurs esprits auxi-*

*liaires. The shamans take care of their attendant spirits. Шаманы дорожат своими духами-помощниками.*

**Янракалы** [janrakalə]. *Esprit qui vient pendant la séance chamanique et parle par sa «propre voix» (ventriloquie). Spirit that comes during a shamnistic performance and speaks with its «own voice» (ventriloquism). Дух, прилетающий во время шаманства и говорящий своим «отдельным» голосом (изображается чревоуещанием.)*

**Янракалыт, эн'эн'** [janrakalʔat, en'en']. *Esprits protecteurs du chamane (animaux, oiseaux, plantes, blocs de glace, objets domestiques). Guardian spirits of a shaman (animals, birds, plants, ice blocks, household objects). Духи, покровители шамана (в виде различных материальных предметов: зверей, птиц, растений, ледяных глыб, хозяйственных принадлежностей).*

**Янрак'олек** [janraqolek]. *Pratiquer la ventriloquie. To practise ventriloquism. Чревоуещать.*

**Янрак'олек'ол** [janraqoleqol]. См. **янракалы.** *Esprit auxiliaire. Auxiliary spirit. Дух-помощник (шамана).*

**Янряк'олек'ол** [janraqoleqol]. *Voix de l'esprit auxiliaire; ventriloquie. Voice of an auxiliary spirit; ventriloquism. Голос духа; чревоуещание.*

**Яравагыргыт** [jarawaγəγət]. *Dieux de la maison. House gods. Домашние боги.*

**Яральыт** [jaralʔət]. *Les ancêtres que les enfants «nourrissent» de foie. Ancestors fed with liver by children. Предки, которых дети кормили печёнкой.*

**Ярар** [jarar] (мн. ярартэ). *Tambour. Drum. Бубен, чукотский ударный инструмент.*

**Ярак вама ынан нэнагток'эн ярар.** *Quand il était à la maison, il sortait son tambour. When he was at home, he used to take off his drum. Когда он был дома, он вытаскивал бубен.*

**Яраркыпленан'** [jararkəplenan']. *Baguette de tambour en fanon utilisée pendant une séance chamanique. Drumstick made of whalebone used during a shamanistic performance. Палочка из китового уса, которой били в*



бубен во время шаманского камлания.

**Ярарьёчгын** [jararjosyən]. *Housse de tambour. Drum cover. Футляр для бубна.*

**Йытонэн ярарьёчгычыкойпы.** *Il sortit le tambour de sa housse. He took the drum out of its cover. Он взял его (бубен) из футляра.*

**Я р а р ы н в ы р г ы р г а в ы к** [jararənwərygəwək]. *Faire gronder un tambour. To make the drum rumble. Греть бубном, издавать звуки.*

**Мэрынрэ к'ыярарынвыргыргаквэ.** *Fais doucement gronder ton tambour. Make the drum softly rumble. Бей в бубен тихо.*

**Ярарыткок** [jararətkok]. *Battre le tambour pendant une séance chamanique. To play the drum during a shamanistic performance. Бить в бубен, использовать бубен при обрядовом камлании.*

**Кытэ ныярарыткок'эн.** *Il battit un peu le tambour. He played a little the drum. Он изредка бил в бубен.*

**Ятыквын** [jatəkwən]. *Brassées d'herbe sèche rituelle (litt. lieu de l'arrivée) qu'on suspend aux montants supérieurs de la yaranga avant son installation à un nouvel emplacement. Bunches of dried ritual herbs (lit. place of arrival) people hang on the upper poles of a yaranga before setting it up on a new place.*

*Pучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

*Пучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

*Пучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

*Пучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

*Пучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

*Пучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

*Пучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

*Пучки сухой ритуальной травы, прикрепляемые к верхним жердям остова яранги (утъым) при предпраздничной установке яранги на новом месте (букв. место входа в ярангу).*

### Использованная литература

1. Богораз В. Г. «Чукчи». Монография. Лейден – Нью Йорк, 1904-1909.
2. Богораз В. Г. «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора». Санкт-

Петербург, 1900, Токио, 2004.

3. Богораз В. Г. «Чукотская мифология». Лейден – Нью Йорк, 1910-1913, Токио, 2004.

4. Богораз В. Г. Луораветланско-русский словарь. М. – Л., 1937.

5. Вэк'эт В. «Танойгайтотльат». Роман. Магадан, 1988, Париж, 1999, 2005.

6. Кузнецова В. Г. «Материалы по праздникам и обрядам амгуемских оленных чукчей». М. – Л., 1957.

7. Кымъытваал А. «Лыгъоравэтльэн лымн'ылтэ». Магадан, 1987.

8. О'мрувэ И. «Чавчывэн яатльат». Роман. Магадан, 1983, Париж, 2000.

9. Рытгэв Ю. «Иа'м рэвэ напэлямык». Повесть. Магадан, 1983.

10. Рытгэв Ю. «Тэрык'ы». Повесть. Магадан, 1983.

11. Так'бак'ав М. «Мэн'ин ынанарман' нутэйиквик». Сказки. Магадан, 1974.

12. Токэ Н. Лымн'ылтэ (рукопись). 1959-1960.

13. Ятгыргын В. «Лымн'ылтэ эйгыск'ыкин». Магадан 1963.

### Информаторы

(год и место сотрудничества)

Выквырагтыгыргын'а Лариса (1993-2002), г. Анадырь – Канозэ (Франция)

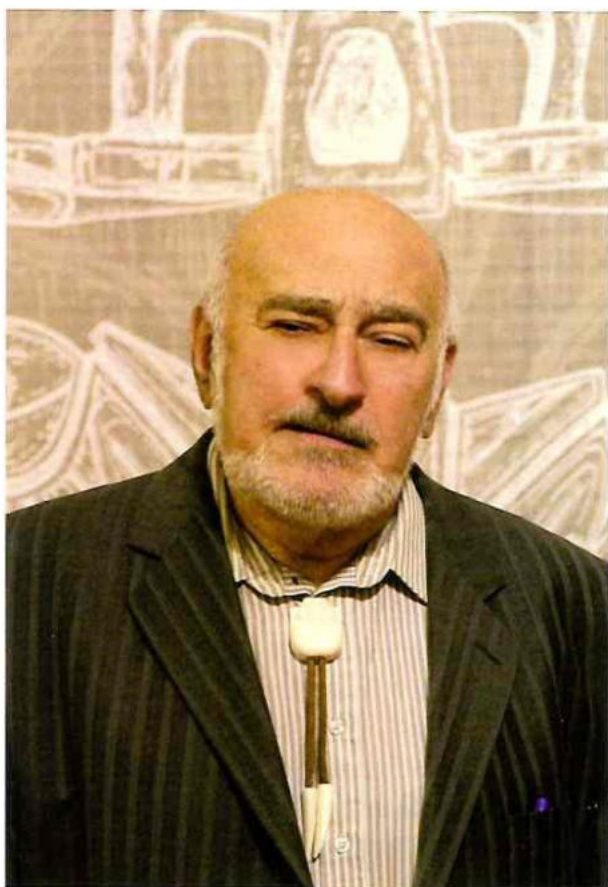
Гырголн'авыт Ирина (1993-2005), г. Анадырь – Канозэ (Франция)

Кавын'авыт (Беличенко Маргарита) (1993-2002), г. Анадырь.

К'эргытваал Антонина (1993-2002), г. Анадырь – Канозэ (Франция)

Тагрын'а-Венстен Зоя (1994-2008), г. Анадырь – Канозэ (Франция)





Список  
основных трудов  
С.А. Арутюнова  
о культурах  
народов Чукотки  
и Арктики  
(1961–2011)

Книги

1. Древние культуры азиатских эскимосов. М., Наука, 1969. 206 с. (в соавт. с Д.А. Сергеевым) Англ. перевод: Ancient cultures of Asiatic Eskimos. Transl. by R.L. Bland, U.S. National Park Service, Alaska Office. Anchorage, 2007. 240 p.

2. Проблемы этнической истории Берингоморья. М., Наука, 1975. 240 с. (в соавт. с Д.А. Сергеевым). Англ. перевод: Problems of ethnic history in the Bering Sea. Transl. by R.L. Bland. U.S. National Park Service, Alaska Office, Anchorage, 2007, 260 p.

3. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток: Изд. ДВГУ, 1982. 104 с. (соавторы А.В. Александров, Д.Л. Бродянский).

4. Китовая аллея (древности островов пролива Сенявина). М., Наука, 1982. 176 с. (соавторы И.И. Крупник, М.А. Членов).



5. У берегов Ледовитого океана. М., Русский язык, 1984. 190 с.

### Статьи, доклады, обзоры

1. Новые находки в древнеберингоморском могильнике // СЭ. 1961. № 6. С. 120–124 (соавтор Д.А. Сергеев).
2. Древнеэскимосские могильники на Чукотке // Записки Чукотского краеведческого музея. 1962. Вып. 3. 1,2 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев)
3. Древние могильники Чукотки // Краткие сообщения Института этнографии. 1963. Т. 38. 0,8 а.л. (соавторы М.Г. Левин, Д.А. Сергеев). То же на англ. языке // Arctic Anthropology 1964. 0,6 а.л.
4. Раскопки древних захоронений и жилищ на Чукотке // СЭ, 1966, № 6, 0,5 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев)
5. Новые данные по эскимосской проблеме // Тезисы докладов, посвященных исследованиям 1967 г. М., 1968. 0,2 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев).
6. Новые данные по периодизации древних культур морских зверобоев Чукотки // Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР Владивосток. 1968. Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист. Т. VI. 0,5 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев).
7. Культурные связи древних народов Тихоокеанского побережья СССР // Материалы конференции «Этногенез народов северной Азии». Новосибирск, 1969. 0,2 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев).
8. Этническая история северо-востока СССР в свете новых археолого-этнографических исследований // Тезисы докладов, посвященных итогам археологических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971. 0,2 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев).
9. Этнокультурные связи коренных народов Прибрежной Северо-Восточной Азии // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 83–98 (соавторы Д. А. Сергеев, Ч.М. Таксами).
10. Стабильность и лабильность в эволюции орудий гарпунной охоты у древних эскимосов // IX МКАЭН (доклады советской делегации). М., 1973. 1,0 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев).
11. Раскопки древнеэскимосских и древнеберингоморских могильников на Чукотке // Сов. Нац. Тихоок. Комитет АН СССР: информационные сообщения. Ноябрь–декабрь, 1975. 0,2 а. л. (соавторы Д.А. Сергеев, В.П. Алексеев)
12. Дифференциация территориальных групп эскимосов // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. М., 1975. 0,5 а.л. (соавторы В.П. Алексеев, Д.А. Сергеев).
13. Роль среды в формировании вариаций древнеэскимосской культуры // Сборник «Карта, схема и число в этнической географии». М., 1975. 0,3 а.л.
14. К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам // СЭ. 1977. № 1. С. 101–106 (соавторы Е.А. Глинский и Д.А. Сергеев).
15. Китовая аллея // Вокруг света, 1979, № 2, 0,4 а.л. (соавторы И.И. Крупник, М.А. Членов).
16. Китовая аллея – древнеэскимосский памятник на острове Ыттыгран // СЭ. 1979. № 4. С. 12–28 (соавторы И.И. Крупник, М.А. Членов).
17. Вехи на мысах // Ветер странствий, 1979, № 14, 0,3 а.л. (соавторы И.И. Крупник, М.А. Членов).
18. Памятники древнеэскимосского искусства в археологическом собрании МАЭ //Собрания Музея Антропологии и Этнографии АН СССР. 1980, XXXV. 0,3 а.л. (соавторы Д.А. Сергеев, Э.Е. Фрадкин).
19. О чем рассказывают гарпунные наконечники // СЭ. 1980. № 5. С. 136–145 (соавтор Д.А. Сергеев).



20. Исторические закономерности и природная среда (на примере памятников древнеэскимосской культуры) // Вестник АН СССР. 1981. № 2. С. 91–102 (соавторы М.А. Членов, И.И. Крупник).

21. Вариативность изобразительных приемов древнеэскимосского искусства // Музей II: художественные собрания СССР. М., Советский художник, 1981. 0,6 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев).

22. Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове // На стыке Чукотки и Аляски, М., Наука, 1983. С. 3–64 (соавторы Т.И. Алексеева, В.П. Алексеев, Д.А. Сергеев).

23. Научные результаты работ на Эквенском древнеэскимосском могильнике (1970–1974) // Там же, С. 200–229 (соавтор Д.А. Сергеев).

24. Загадочные крылатые предметы // Знание – сила, 1984, № 2, 0,3 а.л. (соавтор М.М. Бронштейн).

25. Некоторые итоги исследования археолого-этнографических проблем формирования прибрежного населения Чукотки // Горизонты антропологии. М., Наука, 2003. С. 371–375 (0,4 а.л.).

26. Введение (с. 10–14) // Мир арктических зверобоев. Москва – Анадырь. 2007

27. Аборигенное образование на Аляске и Хоккайдо // Реальность этноса. Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов. СПб. 2007. С. 29–303.

#### Публикации в иностранных изданиях

1. Two millennia of cultural evolution of Bering sea hunters // VIII Pacific Science Congress. Tokyo, 1966. 0,5 а.л. (соавтор Д.А. Сергеев), Arctic anthropology, 1968, vol.5, № 1.

2. A Formalized Harpoon Head Typology // Доклад на VIII МКАЭН в Токио. 1968. 0,5 а.л.

3. Research in Ethnography and Archeology carried out by Soviet scientists in North-East, East and South-East Asia, Australia and Oceania // Pacific Science Association Information Bulletin. 1968. Т. 20. № 5–6. 0,2 а.л. (соавтор Д.Д.Тумаркин).

4. Direction administrative et regime politique de populations autochtones du Nord-Ouest de URSS // Le Havre, Гавр, 4-й конгресс по развитию эскимосских обществ. 1969. 0,5 а.л.

5. То же // «Les peuples Esquimaux aujourd'hui et demain» Paris, Mouton, 1973.

6. Ecological interpretations of ancient harpoon heads // Inter-Nord № 12. Decembre. Paris, 1972. Pp. 305–311 (co-author D. A. Sergeev).

7. Results of historic-ethnological and anthropological studies in the Eastern Chukchee area // Inter-Nord. 1972. № 12 (co-authors Alexeev V.P., Sergeev D.A.).

8. Direction administrative et regime politique des populations autochtones du Nord-Est de l'URSS//Le peuple Esquimaux aujourd'hui et demain. Paris-La Haye, 1973. Pp. 623–631.

9. Esthetique et fonction de l'art chez les anciens Esquimaux // Inter-Nord. 1974. №13–14.

10. Stability and Adaptability in the evolution of hunting tools in Ancient Eskimo cultures//Prehistoric Maritime adaptations in the Circumpolar zone. The Hague – Paris, 1975. Pp. 159–165 (co-author D. Sergeev).

11. Problems of Comparative studies in Arctic maritime cultures based on archaeological data //Arctic Antropology. 1979, Vol. XVI, № 1. 1,0 а.л.

12. Lois historiques et milieu naturel // Sciences Sociales Aujourd'hui. 1982, № 2. 0,8 а.л. (соавторы И.И. Крупник, М.А. Членов).



13. L'allee des baleines – site cultuel de l'ancienne culture Esquimaude sur l'ile Ittygran//Siberiana. 1983. Paris, 1983. Pp. 141–158 (co-authors I. I. Krupnik, M. A. Chlenov).

14. The problem of distinguishing between Old Bering Sea and Okvik ornamental styles // Jagen und Sammeln. Festschrift fur Hans-Georg Bandi zum 65. Geburtstag. Jahrbuch des Bernischen Historischen Museums. Bern, 1985. Pp. 17–21 (co-author M. M. Bronstein).

15. Koriaks, Itelmen, Evens, Chukchee, Prehistory of Siberia and Bering Sea Area // Crossroads of Continents. Baltimore, 1988. (co-author W. Fitzhugh)

16. La situation ethnique actuelle dans le bassin du fleuve Ket// Pour Jean Malaurie. Paris, 1990. Pp. 341–345 (co-author V. I. Vasiliev).

17. Some Problems of the Eskimo Maritime Adaptation in the Bering Sea Area // Specimina Sibirica, Tomus V: the Arctic. Szombathely, Savariae, 1992. Pp. 21–29.

18. Geschichte der Erforschung der fruhen Eskimo-Kulturen; Ethnisch-Kulturelle Geschichte der Asiatischen Eskimos; Vorwort zum Katalog // Arktische Waljager vor 3000 Jahren. Hase und Koehler, Heidelberg. 1993. Pp. 53–93 (Соавтор М.М.Бронштейн).

19. Historical Background and Modern Trends in Native-Russian Bilingualism // Anthropology of the North-Pacific Rim. Washington 1994. Pp. 357–364 (соавтор В.И. Васильев).

20. Twenty-five Centuries of Stability and Continuity in the Shamanistic and Animistic Beliefs of the Bering Strait Eskimos // Circumpolar Animism and Shamanism. Ed. by T. Yamada and T. Irimoto. Hokkaido University Press. Sapporo, 1997. Pp. 185–192.

21. Кёкухоху тюкти ханто-ни окэру кокогакутэки тёса (1957–1997): эскимо-

но рэкиси-о танкю-ситэ (на яп. яз. – Археологическое исследование Севера Чукотского полуострова (1957–1997): изучая эскимосскую историю) // Хоппо Хакубуцукан Корю (Музейные связи северных регионов). Саппоро, декабрь 1996, № 10. С. 19–31.

22. The Post-Jesup Century of Research on the Prehistory of North-East Siberia / Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. L. Kendall and I. Krupnik, eds. Washington, Arctic Studies Center, 2003. Pp. 259–267.

23. The people of Eastern Siberia // Smoking coasts and ice-bound seas: Cook's voyage to the Arctic. Whitby 2008. Pp. 23–33.

24. The Eskimo Harpoon // Gifts from the Ancestors: Ancient Ivories of Bering Strait. Princeton, 2009. Pp. 2–57.

25. The Enigma of Ancient Bering Strait Art // Gifts from the Ancestors: Ancient Ivories of Bering Strait. Princeton, 2009. Pp. 126–137.

26. Etudes archeologiques et ethnographiques de la Tchoukotka (1947–2007) // Inter-Nord, № 21, July 2011. Pp. 117–122.



## Сведения об авторах

**Бронштейн Михаил Мокович** — кандидат исторических наук, заведующий сектором искусства Сибири Государственного музея Востока. В 1987—2002 гг. участвовал в раскопках Эквена в составе Чукотской археологической экспедиции ГМВ. Автор статей, посвященных палеоэтнографической интерпретации произведений древнеэскимосского искусства.

**Вахтин Николай Борисович** — доктор филологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН. Специалист по языкам и лингвистической антропологии Севера и Сибири.

**Венстен Шарль (Charles Weinstein)** — французский филолог, преподаватель русского языка и литературы. В 1993—2002 гг. изучал на Чукотке язык и традиционную культуру чукчей. Автор публикаций по морфологии и синтаксису чукотского языка, переводов на французский язык памятников чукотского фольклора, собранных В.Г. Богоразом, произведений современных чукотских писателей и поэтов. Подготовил к печати пособие на русском языке для изучающих чукотский язык.

**Венстен-Тагрина Зоя Владимировна** — кандидат культурологии, музыковед, исполнитель чукотских фольклорных песен, автор научных статей о песенной традиции чукчей. С 1990-х гг. вместе с мужем Шарлем Венстеном ведет работу по созданию лексического словаря чукотского языка, пособий для изучающих чукотских язык, а также по подготовке аудиоматериалов на чукотском языке для ряда научно-исследовательских центров Франции и Японии.

**Днепровский Кирилл Александрович**, кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Сибири и Крайнего Севера Государственного музея Востока, начальник Чукотской археологической экспедиции ГМВ. Участвует в раскопках Эквена с 1991 г.

**Крупник Игорь Ильич** — доктор биологических наук, кандидат исторических наук, куратор арктических этнографических коллекций Смитсоновского Института, г. Вашингтон, США. В 1970—1980-е гг. работал на Чукотке (совместно с М.А. Членовым); с 1990-х гг. — в эскимосских общинах Аляски. Автор многочисленных публикаций по народам Арктики, традиционным экологическим знаниям, сохранению культурного наследия.

**Лопатин Николай Владимирович** — кандидат исторических наук, заведующий информационно-издательской группой Института археологии РАН, ответственный редактор ежегодника «Археологические открытия». Основные работы посвящены раннеславянским и древнерусским древностям лесной зоны Восточной Европы. В 2002—2009 гг. участвовал в раскопках поселений Эквен и Пайпельгак в составе Чукотской археологической экспедиции ГМВ.

**Михайлова Елена Алексеевна** — кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Основная область научных интересов — проблемы истории и культуры народов, обитающих на стыке Азии и Северной Америки. Автор более 40 публикаций, главным образом по вопросам этнографии северо-востока Сибири.



**Нефёдкин Александр Константинович** — доктор исторических наук, профессор, автор более 160 научных публикаций, в том числе монографии «Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.)». Сфера профессиональных интересов — история военного дела античного мира и Византии, военное дело кочевников-оленеводов.

**Плюме Патрик (Patrick Plumet; 1934—2010)** — французский археолог и этнолог, профессор, специалист по древнеэскимосским культурам Северной Америки, автор многочисленных публикаций, наиболее известными из которых являются монографии о палеоэскимосах Канадской Арктики. Длительное время работал в Канаде — проводил археологические исследования, преподавал в университете Квебека (Монреаль). В 1970-х гг. вместе с женой Николь и двумя маленькими детьми, Сириллом и Янелем, жил среди инуитов (эскимосов) на полуострове Лабрадор. В 1991 г. П. Плюме принимал участие в раскопках Эквена.

**Седов Александр Всеволодович** — доктор исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института, генеральный директор Государственного музея Востока, руководитель Российской комплексной экспедиции РАН в Республике Йемен. Сфера научных интересов — археология и древняя история Аравии и Средней Азии. Автор более 150 печатных работ, в том числе семи монографий.

**Сухорукова Елена Станиславовна** — старший научный сотрудник сектора археологии Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера Государственного музея Востока, искусствовед, хранитель фонда «Археология Чукотки», автор публикаций о произведениях древнеэскимосского искусства из собрания ГМВ.

**Членов Михаил Анатольевич** — кандидат исторических наук, этнолог, лингвист, профессор Академии Маймонида (Москва). В 1970—1980-е гг. вел полевые этнографические исследования на Чукотке среди азиатских эскимосов; первым описал памятник «Китовая аллея» на острове Ыттыгран. Автор многочисленных статей по культуре, истории, системам родства, фольклору эскимосов.

**Богословский Сергей Александрович** — художник, график, научный иллюстратор. Окончил Художественное училище им. 1905 г., работал в издательстве «Энциклопедия». Как художник и фотограф неоднократно участвовал в научных экспедициях. В 1980-1988 гг. работал на Чукотке в составе биологического отряда Л.С. Богословской, этнографического отряда М.А. Членова и И.И. Крупника, археологической экспедиции Музея Востока. Рисунки и гравюры С.А. Богословского использовались для иллюстраций многих отечественных и зарубежных публикаций по Чукотке в 1980-2000-е гг.

**Сурвилло Нина Сергеева** — художник, заведующая лабораторией археологической фиксации ГМВ, участница археологических экспедиций в центральные районы России и на Северный Кавказ. С 1987 г. ведет большую работу по графической фиксации эквенских и пайпельгакских находок. Рисунки Н.С. Сурвилло, посвященные культурному наследию Чукотки, многократно публиковались в отечественных и зарубежных каталогах, экспонировались на выставках в нашей стране и за рубежом.



## Summary

The volume produced by the State Museum of Oriental Art constitutes a collection of scholarly papers in honor of Sergei A. Arutyunov, the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, on the occasion of his 80th birthday. In the Introduction, Alexander Sedov, Museum Director, reviews Arutyunov's seminal contribution to the fields of ethnology, archaeology and history of culture, specifically, his influential research on traditional and modern cultures of Japan and the Caucasian Region. Of particular interest to the Museum of Oriental Art and to this volume is Arutyunov's leading role in the studies of ancient Eskimo cultures on the Chukchi Peninsula, the area where the Museum carries long-standing archaeological excavations and from which many precious objects in the museum collection originate.

"Eskimology," the study of ancient Eskimo cultures and art, was one of Arutyunov's professional life passions for more than 50 years, since his first visit to the Bering Strait in 1958. In the volume's opening paper, Mikhail Bronshtein (Museum of Oriental Art) and Igor Krupnik (Smithsonian Institution) examine the formative role of Eskimo archaeology and ethnology in Arutyunov's scholarly legacy and his standing among his colleagues and students in the field of Eskimo and Arctic research.

Arutyunov was a member of a Russian archaeological crew that in 1960 located, perhaps, the most prominent ancient Eskimo site on the Chukchi Peninsula, the Ekven burial ground. Major results of the 50-some-year excavation at the Ekven burial mounds and ancient settlement in 1961-2011 are reviewed by Mikhail Bronshtein and Kirill Dneprovsky (Museum of Oriental Art). During the 1960s and 1970s, Arutyunov participated in multi-year excavation of Ekven burials that date to 1st millennium AD. Since 1987, he has been the leader and, later, mentor of the Museum of Oriental Art archaeological team that took off the study of the Ekven site and continues it to the present.

In 1958-1960 Arutyunov took part in the excavation of another ancient Eskimo site on the Chukchi Peninsula, the Uelen burial

ground. Findings from that seminal research, the first of its kind, are currently in the collection of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) in St. Petersburg. Ethnologist Elena Mikhailova, the MAE scientific secretary, analysis two particular burials from the Uelen mound that, according to author's reconstruction, belonged to ancient shamans.

Elena Sukhorukova's paper focuses on the techniques of object decoration and ornamentation used by the ancient Eskimos. The author, curator of Chukotka archaeological collections at the Museum of Oriental Art, explores the evolution of the Old Bering Sea ivory decorative and graphic style, one of the most contentious issues in Eskimo art history. She argues that ancient Eskimos often practiced coloration and encrustation in decorating their carved objects made of ivory and wood.

Archaeologists Kirill Denprovsky and Nikolai Lopatin (Institute of Archaeology) summarize their experience in excavating ancient semi-subterranean dwellings built on permafrost. They explore the techniques and the methodology of systematic excavation of ancient houses in the permafrost condition based upon several years of archaeological work at the ancient Ekven and Paipelghak settlements in northeastern Chukchi Peninsula.

In the following paper, Nikolai Lopatin analyzes the ancient pottery from the 1 millennium AD excavated at the Paipelghak site on the Arctic shore of Chukotka. The author compares the Paipelghak pottery findings to the contemporary ceramics from the Ekven settlement and other ancient Eskimo sites on the Chukchi Peninsula. Of special interest is the account of his personal experiments in recreating ancient pottery technologies and his comments regarding the raw materials used in early pottery-making in Chukotka.

Ethnologists Michael Chlenov (Maimonid Academy) and Igor Krupnik explore the last historical migration of the Asiatic Eskimo (Yupik) in Chukotka in 1920-1935. They rely upon memoirs of the surviving migrants and their descendants they interviewed in the 1970s and 1980s. The migration put some 250 people



on the move to the Kresta Bay and Gulf of Anadyr area where new Yupik villages and camps were established. The authors look for clues in the Yupik social system to explain the patterns of historical migrations.

Paper by Nikolai Vakhtin (European University at St. Petersburg) overviews the life and scholarly legacy of Ekaterina S. Rubtsova (1888-1970), the renowned Eskimo linguist and lore collector. Rubtsova started in the late 1920s as a schoolteacher in one of the Yupik village schools and she spent many years living and working among the Yupik on the Chukchi Peninsula. Besides Rubtsova's biographical data, the paper lists numerous folklore texts Rubtsova recorded among the Yupik in the 1940s that remain unpublished to these days.

Historian Alexander Nefyodkin (St. Petersburg) uses Russian historical sources from the mid-1600s till the mid-1800s to reconstruct the patterns of traditional Chukchi 'maritime warfare.' Based on the available historical records, he construes various tactics used by the Chukchi during their maritime raids across Bering Strait against the Alaskan Eskimos, as well as against the Russian Cossack detachments in the Anadyr River valley.

Zoia Weinstein-Tagrina's paper aims to reconstruct a particular tradition of the Chukchi shaman family singing during the annual ceremony called *Mn'egyrgyn* ('Thanksgiving'). Weinstein-Tagrina, Chukchi musicologist and cultural activist, relies upon her extensive field data, as well as literary sources. She explores the ritual actions related to the preparation of musical instruments used for the ceremony, as well as the content and the order of the songs being performed, and the performance style.

Paper by the late French archaeologist Patrick Plumet (1934-2010) introduces the most general perspective on the human peopling and colonization of the Arctic in the context of world history. Plumet, who did extensive excavation of ancient Eskimo sites in the Canadian Eastern Arctic and also visited the Ekven site in 1991, approaches the human advance to the North as an outcome of major historical transitions in more southerly areas, as

well as of the human exploration of the resource-rich northern environments.

Notes from a diary kept by Charles Weinstein, French philologist, offer an insightful and personally-colored window to many transitions that took place in Chukotka during the 1990s. Weinstein spent some ten years living and traveling in the area in his quest to document the language and traditional spiritual culture of the Chukchi people.

Another material by Weinstein, a 'thematic dictionary' (lexicon) of Chukchi shamanistic terminology, concludes the collection as an Appendix. Weinstein compiled his dictionary by combing through the existing linguistic and literary sources, as well as his field notes from years of life and research in Chukotka. He also supplies French, Russian, and English equivalents to the many Chukchi shamanistic terms and expressions that are still being used by the Chukchi in various ritual contexts.

The volume is accompanied by the list of major publications on indigenous peoples and cultures of Chukotka and the Arctic that Sergei Arutyunov published over some fifty years of his Arctic career. Altogether, he produced or co-authored five major books and more than 55 papers published in several languages, besides his native Russian, including English, French, German, Danish, Japanese, and others. Chukotka and Arctic publications represent but a fraction of the monumental scholarly legacy generated by Sergei Arutyunov since the 1950s.

The book is illustrated by numerous color photographs of the landscape and fieldwork in Chukotka taken by volume contributors, also of the excavated ancient Eskimo objects from the museum collections. Of special importance are black-and-white drawings of the Chukotka coastal landscapes produced by artist Sergei A. Bogoslovsky on his trips to the area in 1980 and 1981. Bogoslovsky's powerful images of Chukotka scenery and historical landmarks help connect the narrative to the main theme of this festschrift collection that celebrates five decades of research and exploration in the Arctic by Sergei Arutyunov, his colleagues, and disciples.



Государственный музей Востока



**Вехи на мысах (сборник)**

**М.М. Бронштейн, И.И. Крупник**  
(ответственные редакторы)

**Landmarks on the Capes:**  
*Papers in Honor of Sergei A. Arutyunov on His 80th Birthday*

*Ed. by Mikhail M. Bronshtein and Igor I. Krupnik*

**State Museum of Oriental Art, 2012**

This collection of scholarly papers published by the State Museum of Oriental Art has been initiated by the colleagues of Sergei A. Arutyunov, the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, as a festschrift in honor of his 80th birthday. It celebrates his many seminal contributions to the fields of ethnology, archaeology and the history of culture. The fourteen papers in the collection explore ancient and modern indigenous cultures of Northeast Asia, the area that Sergei Arutyunov has studied for more than fifty years. Volume contributors include the staff members of the Museum of Oriental Art in Moscow, as well as of several other Russian and Western research institutions. Their papers address broad range of issues related to material and spiritual traditions of the ancient people of Chukotka, their uniquely rich decorative art, and ancient migrations. Other studies concentrate on contemporary aspects, including indigenous language and heritage preservation in Chukotka, as well on the history and procedure of cultural research in the Arctic. Several contributions continue and expand on the earlier research launched by Arutyunov and his colleagues in the 1950s and 1960s.

Генеральный спонсор музея



Подписано в печать 10.07.2012  
Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО "Вива-Стар"  
107023, г. Москва, ул. Электрозаводская, д. 20, стр. 3







**Сборник приурочен к юбилею члена-корреспондента РАН  
С.А. Арутюнова, известного этнолога, историка культуры,  
археолога, и включает 14 статей по проблемам истории и  
культуры народов Северо-Восточной Азии, региона, где  
Сергей Александрович проработал более полувека**

